

НА Б ЕВОМ П СТУ

№ 12
декабрь
2002

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК СМВД РОССИИ

**ОТРЯД ПО ИМЕНИ "ВИТЯЗЬ" —
25 ЛЕТ В СТРОЮ**

10 ноября в Москве состоялось открытие памятника "Воинам внутренних войск".

В торжественном мероприятии приняли участие Президент Российской Федерации Владимир Путин, Председатель Государственной Думы Геннадий Селезнев, мэр Москвы Юрий Лужков, глава МВД России Борис Грызлов и другие государственные деятели.

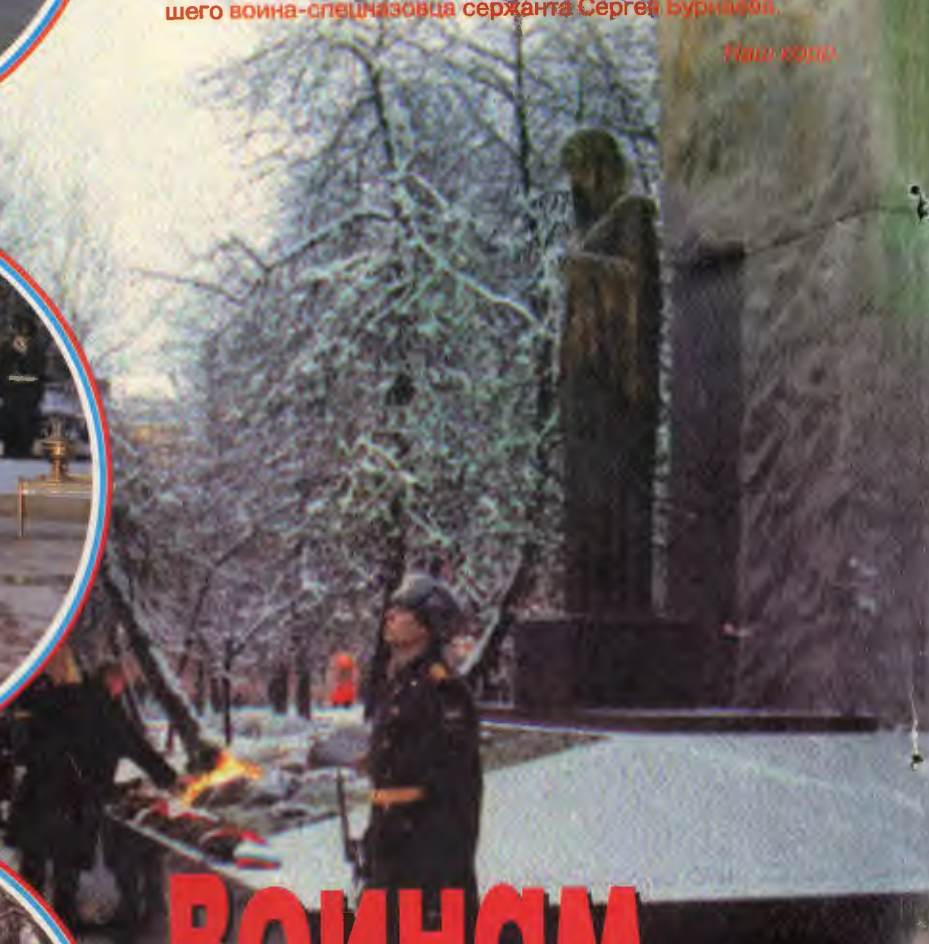
Почетное право открыть памятник было доверено ветерану войск генерал-лейтенанту в отставке Дмитрию Наливалкину, вдове погибшего Героя России старшего лейтенанта Геннадия Кичайло Елене Кичайло и воинслужащему отряда специального назначения "Русь" сержанту Александру Болотову.

Перед собравшимися выступил Президент Российской Федерации Владимир Путин, который дал высокую оценку служебно-боевой деятельности внутренних войск. Еще одним подтверждением тому стала Звезда Героя Российской Федерации, которую он передал родителям погибшего воина-спецназовца сержанта Сергея Бурилова.

Наша страна

ВОИНАМ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НА Б БОВОМ ПОСТУ

№ 12
декабрь
2002

В номере:

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная
коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БАННИКОВ А.Ю. (зам. главного
редактора — ответственный
секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАРПОВ Б.В., КИСЛЫЙ Ю.П.
(зам. главного редактора),
КОЛЕСНИКОВ С.С.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ А.В.,
МАКАРОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ОБРЕВКО В.М.,
ПАНЧЕНКОВ В.В.,
СЕНОКОСЕНКО Л.Ф.,
СВИТКО Е.В.,
ТОНКОНОГОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное
оформление
БАННИКОВ А.Ю.,
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки

фото СОВКОВА А.И.

Издается с 1958 года.
Учредитель —
МВД России
Издатель —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской
Федерации.

Регистр. № 01420.
Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов
«Войсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал обязательна

Редакция вправе сокращать и
литературно обрабатывать при-
нятые к публикации тексты. Ре-
дакция может публиковать ма-
териалы, не разделяя точку зре-
ния авторов. Рукописи не рецен-
зируются и не возвращаются. За
достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение
тайны отвечают авторы публика-
ций, за достоверность реклам-
ных объявлений — рекламодат-
ели, за качество печати — ти-
пография. Переписка с читате-
лями ведется только на страни-
цах журнала.

Сдано в набор 16.10.2002
Подписано к печати 18.11.2002
Формат бумаги 84x108 1/16.
Общий тираж изданий 15 000
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 11. Зак. № 1965
Индекс для индивидуальных подписчиков
— 70610
для предприятий и организаций
— 73175

Отпечатано в ФГУП Издательство и
типография газеты «Красная звезда»
123007, Москва,
Хорошевское шоссе, д. 38

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

2 А.МАКАРОВ
Недоброжелателей
у России меньше
не становится

БОЕВАЯ УЧЕБА

5 И.БЫСЕНКОВ
Спецоперация на
«Выстреле»

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

7 Р.ДУРКАЧ
Командировка на
войну

ОСН «ВИТЯЗЬ» 25 ЛЕТ

10 Р.АРИБЖАНОВ
Элита в квадрате

15 Р.ДУРКАЧ
Так рождалась
уникальная рота

17 Традиции —
боевое братство

19 Святыня
спецназа

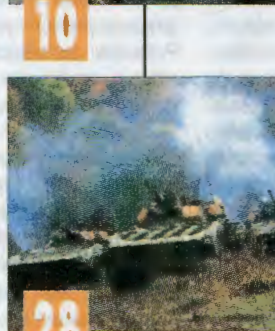
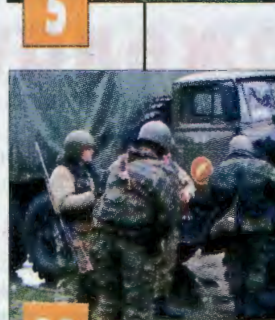
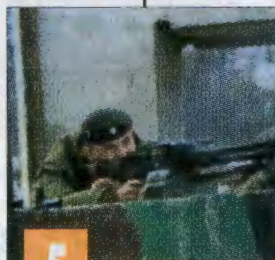
23 А.КУДРЯШОВ
Этот день они не
забудут никогда

25 А.КУДРЯШОВ
Погиб, спасая
жизнь другим

28 Ю.КИСЛЫЙ
«Уходим все, или
не уходит никто!»

33 Капкан на банду
Басаева

37 Р.ИЛЮЩЕНКО
Братцы

И.РОМАНЕНКО
Дед Мороз для
спецназа **40**

Р.ИЛЮЩЕНКО
Призван с
Кавказа... **42**

МУЖЕСТВО
Р.АРИБЖАНОВ
Сильный духом **44**

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС
А.МАКАРОВ
Советы юриста
владельцам ГЖС **48**

ПАМЯТЬ
Н.КАЗАКОВ
«Они ушли в
вечность», в
гранит...» **51**

ОФИЦЕРСКАЯ ТРИБУНА
Р.ИЛЮЩЕНКО
Десять «почему?»
подполковника
Ярового **54**

ЛИТЕРАТУРА
А.КАРЕВ
Долистываю книгу
декабря
(стихи) **58**

А.МАКАРОВ
Два рассказа **60**

УКАЗАТЕЛЬ
77

КЛУБ ЗНАКОМСТВ
80

© Журнал «На боевом посту», 2002

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9 а
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57 E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

Визитная карточка. СЕРЕДА Василий Николаевич родился в 1947 году в Ленинграде. В 1970 году окончил Высшее пограничное командное Краснознаменное училище им. Ф.Э.Дзержинского, в 1979 году — Высшую Краснознаменную школу КГБ СССР.

В органах безопасности с 1966 года. Выполнил интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. Принимал участие в выполнении задач по обеспечению государственной безопасности в чрезвычайных обстоятельствах в Чеченской республике.

Кандидат юридических наук. Имеет государственные награды России, награды иностранных государств. Почетный сотрудник контрразведки.

Женат, имеет сына и дочь, двух внуков.

С мая 1998 года — начальник управления ФСБ РФ по внутренним войскам МВД России.

Начальник управления ФСБ России по внутренним войскам генерал-лейтенант Василий СЕРЕДА:

Недоброжелателей у России

меньше не становится

— Василий Николаевич, в декабре российские органы безопасности отмечают не только профессиональный праздник, но и юбилей — 85 лет со дня образования. А что такое военная контрразведка во внутренних войсках? Какие задачи выполняют сотрудники вашего управления?

— Управление Федеральной службы безопасности России по внутренним войскам входит в систему органов ФСБ. В своей деятельности мы руководствуемся законом, иными нормативными правовыми актами. В частности, Указом Президента РФ от 7 февраля 2000 г. № 318 введено в действие "Положение об управлениях (отделах) Федеральной службы безопасности Российской Федерации в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах (органах безопасности в войсках)".

Перед нами стоят обширные задачи. Во-первых, это выявление, предупреждение и пресечение разведывательной и иной подрывной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств

(борьба со шпионажем). Во-вторых, добывание разведывательной информации об угрозах безопасности России, ее Вооруженным силам и другим войскам. В-третьих, борьба с террористической и диверсионной деятельностью, направленной против войск, а также пресечение преступлений, отнесенных российским законодательством к подследственности органов ФСБ России. Кроме того, защита сведений, составляющих государственную тайну; осуществление, во взаимодействии с другими государственными органами, борьбы с организованной преступностью, коррупцией, незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, наркотических средств, с незаконными вооруженными формированиями и преступными группами, ставящими своей целью насильственное изменение конституционного строя.

При решении указанных задач органы безопасности в войсках оказывают содействие органам военного управления и должностным лицам войск в обеспечении их боевой и мобилизационной готовности.

— Вы сказали о противодействии спецслужбам иностранных государств. В чем проявляется их интерес к внутренним войскам?

— Для того чтобы надежно обеспечить безопасность и территориальную целостность государства, необходимо знать, какими возможностями, в первую очередь в военной области, обладают потенциальные противники. Аналогичным образом рассуждают и в спецслужбах иностранных государств. Внутренние войска, как одна из наиболее боеготовых и боеспособных силовых структур России, не могут оказаться вне поля их зрения.

В прошлом году управлением выявлено несколько иностранных организаций и кадровых сотрудников спецслужб, занимавшихся сбором разведанных по войскам и охраняемым ими объектам.

Были предотвращены факты разглашения отдельными военнослужащими сведений, составляющих государственную тайну, устранены предпосылки к утрате секретных документов в некоторых частях и соединениях войск.

Интересует иностранные спецслужбы и охрана важных государственных объектов. Цель одна — дискредитировать Россию как одну из ведущих ядерных держав, сформировать мнение, что мы не в состоянии обеспечить ядерную безопасность, и в последующем взять под полный контроль системы безопасности наших ядерных объектов.

— **Американцы не стесняются достаточно бесцеремонно наводить порядок во всем мире, где речь заходит об их интересах. Свои интересы есть и у нас. Что же сегодня творится в соседней с нами Грузии? В том же Панкисском ущелье?**

— В отличие от США, российское руководство не стремится наводить порядок у соседей, хотя интересы нашей страны в приграничных государствах есть. Нам безразлична обстановка в приграничных районах.

Примером может служить развитие оперативной обстановки в Панкисском и Кодорском ущельях Грузии, а также в граничащих с Россией районах Абхазии. Все помнят попытку прорыва чеченских боевиков под руководством Р.Гелаева на территорию Чеченской республики осенью этого года, отпор которым дали в том числе и военнослужащие внутренних войск.

По имеющимся в управлении данным, в планы членов НВФ входит разведка вероятных направлений и маршрутов перехода Государственной границы России, отвлечение основных сил и средств федеральных войск путем боевых столкновений, проникновение на территорию Чечни группами по 15 — 20 человек. По заявлению премьер-министра Абхазии А.Джержения, "в течение нескольких лет в Грузии создаются отстойники для банд диверсантов и террористов, где они отдыхают, лечатся, получают оружие, боеприпасы". В Панкисе активно работают эмиссары НВФ, вербующие чеченских беженцев в банды для участия в боевых действиях на территории Чечни.

Особым дестабилизирующим фактором продолжают оставаться действующие в зоне грузино-абхазского конфликта незаконные вооруженные формирования "Лесные братья" и "Белый легион".

— **Товарищ генерал, не могу не спросить о событиях, произошедших в Москве 23 — 26 октября. Наверное, впервые так четко и ясно высветилась такая угроза, как тер-**

роризм. Входит ли борьба с ним в круг интересов вашего управления?

— Если говорить более точно, то терроризм заявил о себе ещё в 1995 — 1996 годах, после захватов заложников в Будённовске и Кизляре.

Угроза есть, есть и то, что может способствовать террористам. Это халатное отношение к своим обязанностям, будь то органы военного управления или часовой на посту, и пособничество отдельных военнослужащих, чего нам приходится больше всего опасаться.

Яркими примерами последнего могут служить действия бывших военнослужащих ВВ МВД РФ Лимонова и Клочкова, которые с оружием перешли на сторону НВФ, о чем уже писал ваш журнал.

Нами ведется работа на добывание упреждающей информации о возможных действиях террористов. Могу привести такой пример.

Сотрудниками управления в июле 2002 года предотвращен теракт, готовившийся в отношении высокопоставленных должностных лиц ГКВВ МВД России. У одной из частей внутренних войск, дислоцированной в Гудермесе, куда ожидалось их прибытие, был обнаружен и обезврежен подготовленный для стрельбы РПО "Шмель" с дистанционным управлением. Устройство было прикреплено к дереву и нацелено в сторону вертолетной площадки. На линии прицела находился и жилой городок, в котором проживают офицеры части.

Что касается событий 23 — 26 октября в Москве, то в последнее время в ряде СМИ захват и освобождение заложников в театральном центре "Норд-Ост" подвергается различному толкованию со стороны чеченских землячеств и отдельных российских политических деятелей, которые высказывают мнение о якобы необоснованном использовании силовых методов со стороны спецподразделений, приведших к гибели заложников. Действия террористов они пытаются представить как "акт самопожертвования во имя независимости чеченского народа", стремясь героизировать осуществленную бандитскую акцию по захвату заложников.

Вместе с тем добиться мнимой свободы, провозглашаемой чеченскими сепаратистами, за счет крови и слез сотен невинных людей невозможно. Характер действий террористов однозначно указывает на то, что данная акция была тщательно спла-

нирована и нацелена на массовое уничтожение всех людей, находящихся в театральном центре. Мировая практика показывает, что договариваться с террористами невозможно и аморально, так как последствия терактов, как правило, необратимы.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что руководством России и правоохранительных органов было принято обоснованное решение по освобождению заложников, а сотрудниками специальных подразделений продемонстрирован высокий профессионализм при освобождении людей и уничтожении террористов, что получило положительную оценку мировой общественности и представителей антитеррористических подразделений иностранных государств.

— **Откуда у боевиков оружие? Ведь сегодня у них есть даже зенитно-ракетные комплексы. Неужели невозможно выявить каналы их утечки? То же относится и к другому оружию.**

— Согласно проведенному анализу все зенитно-ракетные комплексы, использовавшиеся бандитами, поступили к ним из-за пределов России. Это либо оружие российского производства, ранее проданное в третьи страны, либо имеющееся в странах СНГ.

Что касается возможного пополнения оружия за счёт военнослужащих войск, то есть лишь отдельные факты укрытия изъятого в ходе спецопераций оружия для последующего вывоза в места постоянной дислокации или обмена у местных жителей на наркотики. Для предотвращения этого управлением совместно с командованием воинских частей и соединений войск проводится комплекс специальных мероприятий.

В 2001 — 2002 гг. нами было изъято 87 единиц огнестрельного оружия, большое количество патронов, 314 гранат, восемь штатных взрывных устройств, 82 самодельных взрывных устройства, 209 кг взрывчатых веществ.

— **Насколько деятельность ваших офицеров далека от кабинетной? Мы знаем, что ваши сотрудники наравне с военнослужащими войск участвуют в боевых операциях.**

— Если внутренние войска находятся на Северном Кавказе, то там же работают и сотрудники управления. Опыт работы в боевых условиях у нас имеет подавляющее большинство руководящего и оперативного состава

ва. Есть офицеры, на счету которых и пять, и шесть, и семь командировок в горячий регион.

За участие в специальных операциях 132 наших сотрудника награждены государственными и ведомственными наградами. К сожалению, не избежали мы и потерь. В феврале 2000 года в бою у Катыр-Юрта погиб старший оперуполномоченный капитан Алексей Горбунов, а в октябре того же года в Урус-Мартане был расстрелян боевиком старший оперуполномоченный майор Александр Зачиняев. Не выдержало перегрузок сердце старшего оперуполномоченного майора Григория Молякова, скоропостижно скончавшегося в Чечне на своём рабочем месте. Более десяти сотрудников управления в ходе боевых действий получили ранения и контузии, однако на настоящий момент все они находятся в строю.

— Призывной контингент в стране ухудшается из года в год, с гражданки приходят и те, кто успел познакомиться с наркотиками. Удастся ли уберечь войска от этой заразы?

— Сегодня наркодельцы считают армию, в том числе и внутренние войска, благодатной почвой для распространения наркотиков. Есть солдаты, познакомившиеся с ними до призыва. В некоторых частях находятся военнослужащие, готовые распространять наркотики среди сослуживцев, не говоря уже о том, что большинство таких распространителей сами наркоманы.

Управлением неоднократно пресекались попытки реализации наркотиков среди военнослужащих 46-й бригады. Среди поставщиков были местные жители. Есть такие попытки и в частях, выполняющих задачи по охране ВГО. Так, в прошлом году был задержан житель города Озерска Бухаров В.А., пытавшийся организовать канал поступления наркотиков в войска, при обыске у него было изъято 80 г героина на сумму около 160.000 рублей. В январе был задержан с полицим при попытке продажи героина контролеру КПП житель Озерска гражданин Теплых А.В.

Всего в прошлом году силами управления из незаконного оборота изъято более 4,5 кг наркосодержащих веществ. В 2001 — 2002 годах по подозрению в причастности к незаконному распространению наркотических средств, по информации управления, было задержано 18 гражданских лиц, большинство из них

привлечены к уголовной ответственности.

— Василий Николаевич, скажите честно, в войсках воруют? Есть ли в них та же коррупция? Удастся ли найти виновных, вернуть похищенное?

— Есть в войсках факты хищений. Но и борьба с ними ведется. Так, в последнее время были разоблачены расхитители, в основном из числа сотрудников финансовых органов некоторых частей, осуществлявшие хищения "боевых" выплат. Что же касается коррупции, то войска — составная часть общества, и коррупция не могла их не затронуть. Практика показывает: где есть договорные отношения между юридическими лицами, может появиться и коррупция. У некоторых просто укоренилось представление, что за все надо платить. Различные подношения зачастую воспринимаются как должное. Да и не так просто схватить за руку взяточника. И все же результаты нашей работы есть. Примером могут служить обвинительные приговоры судов различных инстанций в отношении бывшего заместителя начальника Саратовского военного института полковника Землянского, первого заместителя начальника штаба Приволжского округа полковника Казиминова, главного инженера ИВЦ ГКВВ полковника Крыгина.

В ходе нашей работы юридическими и физическими лицами возвращено в доход государства свыше двух миллионов рублей неправоммерно изъятых денежных средств. В текущем году управлением только в ходе проведения одной операции предотвращено нанесение ущерба государству на сумму свыше двадцати миллионов рублей.

— Вспоминая историю страны, видишь, что для контрразведки спокойных времен не было. Да и сегодня наверняка не лучшие для нее годы. И все же есть проблемы и внутренние. Те же кадровые, материальные. Удастся ли решать их?

— 20 декабря 2002 года исполняется 85 лет органам безопасности Российской Федерации. Какие бы социально-политические изменения ни происходили, у России не становится меньше явных или скрытых недоброжелателей. Они пытались и пытаются всеми путями, от прямой агрессии до хитроумных происков в политической, экономической сфере, осуществляемых силами спецслужб, воен-

ных и внешнеполитических ведомств, а также руками разного рода "борцов" за мнимые демократические ценности, сепаратистских, экстремистских, националистических и клерикальных элементов, подорвать устои общества и государства, прибрать к своим рукам столь лакомый кусок, как Россия, с ее неисчислимыми природными богатствами, высоким научным потенциалом и квалифицированными людскими ресурсами.

В этих условиях главный итог деятельности органов безопасности в том, что самоотверженная работа контрразведчиков наряду с усилиями сотрудников всех силовых структур, обеспечивающих защиту суверенитета, независимости и целостности государства, позволила пройти нашей Родине через многие тяжкие испытания и сейчас с уверенностью смотреть в будущее. Верой в это будущее и живут военные контрразведчики.

Конечно, есть у нас и проблемы. Самая острая из них, как и в войсках, — кадровая. Навязанный нам стереотип жизненных ценностей, ориентированный на достижение прежде всего материального благополучия, делает свое дело.

Приходится бороться за каждого человека, честно выполняющего свои служебные обязанности, но в силу сложившихся обстоятельств испытывающего различные трудности. Помогаем и семьям сотрудников, особенно находящихся в командировках в горячих точках. Начинает решаться жилищная проблема. Задействуем и внебюджетные источники, Национальный военный фонд.

При комплектовании своих подразделений приоритет мы отдаем военнослужащим внутренних войск — людям, прошедшим подготовку в военных институтах, серьезную школу службы в войсках правопорядка, имеющим, как правило, боевой опыт, твердые убеждения и связывающим свою дальнейшую жизнь с военной службой во имя интересов Отечества и народа.

Наверное, так и должно быть. Ведь нам и дальше предстоит вместе с войсками решать свои задачи с общей целью — защищать интересы России.

**Беседовал подполковник
Андрей МАКАРОВ**

По данным агентурной разведки, около двадцати мужчин — жителей деревни Ермоловка могли поддержать действия боевиков. Несколько дней назад сюда прибыли десять мужчин в возрасте 25 — 30 лет.

После этого в селе стали активно применять средства радиосвязи для переговоров. Используя мобильный радиопеленгатор, удалось установить, что главная радиостанция боевиков находится в западной части населенного пункта. Тогда командующий группировкой внутренних войск решил провести в Ермоловке специальную операцию.

С этой вводной началось тактическое учение с боевой стрельбой для усиленного батальона оперативного назначения. Проводили его во время оперативного сбора руководящего состава внутренних войск МВД России, который состоялся на базе Московского округа внутренних войск.

Для этого на полигоне курсов "Выстрел" специально построили учебную деревню, в которой по замыслу занятий засели боевики. Блокировать населенный пункт должны были военнослужащие из батальона оперативного назначения, которым командует подполковник Андрей Бурковский.

Первыми к работе приступили три разведывательные группы. Одной из них командовал лейтенант Владимир Кудрявцев. Каждая группа использовала переносные радиопеленгаторы. С помощью их определяли точное местонахождение радиостанции боевиков.

Через некоторое время на КП руководителя спецоперации прозвучал доклад.

На дороге, ведущей в деревню, появились бойцы и бронетехника ин-

женерно-разведывательного дозора, группы прикрытия и заслонов. Сейчас в ходе боевых действий заслоны выставляют ежедневно, чтобы обезопасить прохождение колонн и охранять маршруты. На учениях заслоны, в случае необходимости, должны блокировать основные маршруты возможного выхода боевиков из села и обеспечить безопасный выход на рубеж блокирования подразделений батальона.

Саперы двигались очень медленно, словно крадучись, похоже, обследуя каждый сантиметр дороги и обочины. Одновременно они проверяли местность, где должны находиться заслоны. За саперами на некотором удалении полз БТР дозора, на борту которого работал генератор помех для блокирования радиовзрывателей на пути движения.

Дозор прошел несколько десятков метров. Первый номер расчета упал на землю и скомандовал: "К бою". Он обнаружил установленную на дереве противопехотную мину МОН-50. Командиры дозора и группы прикрытия продублировали команду. Бойцы заняли оборону. Осмотрелись. Похоже,

все спокойно. Однако по команде старшего они огнем из стрелкового оружия и вооружения БТР обработали ближайший лесок. Возможно, там засели боевики. Тем временем наводчик пулемета БТРа дозора обстрелял место установки мины. Взрыв — с "сюрпризом" покончено. Через пять минут командир дозора осмотрел место взрыва. После этого дозор двинулся дальше.

Подшли к мосту через реку. Осмотрели его. Так и есть. На съезде с моста "духи" успели приладить фугас. Снова всем: "К бою". Попытались обстрелять фугас из пулемета БТРа. Без результата. Командир дозора решил уничтожить его накладным зарядом. Из-за укрытия (дело очень опасное) офицер с помощью длинного шеста установил на фугасе заряд. Быстро отбежал на безопасное расстояние, раздался взрыв. Через пять минут командир уже рассматривал раскуроченное место.

Тем временем первая рота оперативного назначения выдвигалась в соседнюю деревню Сосновка. Командир разведгруппы доложил данные

радиоперехвата. Оказалось, в этом населенном пункте засело несколько боевиков, и они готовили "подарок" для нашего подразделения. Руководитель спецоперации предупредил ротного о возможной засаде. Рота с ходу начала разворачиваться в боевой порядок. И тут не выдержали нервы у боевиков. Выстрелом из гранато-

выстрелов из танковых орудий. Наконец, сопротивление бандитов сломлено. Сейчас все внимание на Ермоловку. Предположительно в центральной части села оставался костяк банды. Боевики засели на чердаках и в подвалах домов, в специально оборудованных схронах. Кстати, их делали по примерам того, с чем наши военнослужащие сталкиваются в Чечне. Незадолго до сборов на полигоне тренировались представители УВД. Из шести схронов они смогли найти только один.

Руководитель операции решил блокировать и захватить боевиков. К деревне выдвинулись группы специального назначения внутренних

средоточились и мгновенно взяли под прицел окна, двери, чердаки, слуховые окна подвала расположенного здесь дома. Еще мгновение — и у дома готовая к работе группа захвата. Бойцы открывают огонь по окнам, внутрь бросают шумовые гранаты, выбивают дверь в здание. И тут же внутрь врывается первый спецназовец. Он обеспечивает вход остальным. Проходит несколько секунд, и захваченные "непримиримые" уже лежат на земле лицом вниз. Оказалось, в этом доме и находилась радиостанция боевиков.

Действия подразделений спецназа закончились штурмом зданий на окраине села. Спецгруппы действовали быстро, уверенно и четко. Бандитов же, которым удалось вырваться из деревни, уничтожили бойцы из батальона оперативного назначения, которые блокировали населенный пункт.

По мнению подполковника Андрея Бурковского, на сборах солдаты и офицеры его батальона получили хорошую закладку и тренировку. Возможно, в декабре они уже окажутся в группировке войск на Северном Кавказе, где им придется выполнять реальные боевые задачи. К действиям в Чеченской республике удалось подготовить не отдельных специалистов, а подразделение в полном составе. Современная ситуация подсказывает, что боевую учебу

мета они подтвердили, что разведка не ошиблась. Под прикрытием огня из БТРов бойцы стали занимать огневой рубеж.

"Сюрприз" боевиков не удался. Мишенями обозначили их отход из Сосновки. По ним открыли сосредоточенный огонь выставленные заранее заслоны. По команде руководителя операции артиллерия приступила к блокированию Сосновки по подготовленным целям, чтобы не допустить отхода боевиков в Ермоловку.

По замыслу учения на окраине этого села должна была десантироваться с вертолетов вторая рота оперативного назначения. Правда, из-за нелетной погоды авиация не смогла действовать. Ее роль выполняли два БТРа из взвода, которым командует лейтенант Максим Бабак. Дважды пара "коробочек" ловко выныривала на левом фланге. Из них высыпались горюхом бойцы второй роты и короткими перебежками устремлялись к деревне.

Тем временем продолжалось боевое столкновение на заслонах. Боевики упорно стремились пробиться к своим основным силам в Ермоловку. Действия заслонов командир батальона поддержал огнем зенитной установки и вызвал приданный танковый взвод. Вскоре танки заняли огневые позиции, и рокот очередей "зушки" стал чаще прерываться грохотом от

войск, ОМОНа и СОБРА для проверки здесь паспортного режима, изъятия оружия, задержания лиц, подозреваемых в участии в незаконных вооруженных формированиях.

Из дома, расположенного на правом фланге, боевики оказали сопротивление. Командир роты решил уничтожить их. Под прикрытием огня БТРов гранатометчики заняли огневые позиции и выполнили эту задачу.

У групп слева также заминка. Их обстреляли из подворья, которое должны были проверять. Боевая машина на скорости снесла закрытые наглухо ворота, и во двор вбежали бойцы из группы прикрытия. Они рас-

необходимо организовывать именно таким образом. Это одно из требований главнокомандующего внутренними войсками.

**Подполковник
Игорь БЫСЕНКОВ**
Фото Виктора БОЛТИКОВА

Никто не знал, состоится эта командировка или нет. В связи с гибелью вертолета Ми-8 по решению главнокомандующего в небе над Чечней были запрещены все авиаперевозки до полного разбирательства. А исключение из правил в таких случаях большая редкость. И все же в самый последний момент на официальных бумагах появилась резолюция "Разрешить!".

22 октября в аэропорту приграничного с Чечней города Моздока высадился гуманитарный десант, в состав которого вошли представители правительства Московской области и администраций Ногинского, Чеховского, Королевского, Щелковского, Электростальского, Электрогорского и Солнечногорского районов. Это уже двенадцатая поездка делегации Московской области в бригаду переднего края, и поэтому они знали заранее о запросах своих подшефных и везли в части и подразделения все то, что наиболее необходимо для жизнедеятельности военнослужащих, их отдыха. Это оргтехника, холодильники, телевизоры, видеомэгафоны, радиоприемники, предметы личной гигиены, медикаменты, музыкальные инструменты, спортивный инвентарь.

Перегрузив подарки с борта самолета на вертушки, представители районов разъехались по подшефным батальонам, расположенным в Урус-Мартане, Гудермесе, станицах Наурской, Червленной и Шелковской. Во всех этих частях шефы не только раздали привезенные подарки, но и узнали о сегодняшних нуждах бойцов и офицеров, чтобы учесть их пожелания при подготовке следующей поездки. Кроме этого, особо отличившиеся военнослужащие приказом президента Всероссийского общественного движения участников локальных войн и военных конфликтов "Боевое братство" генерал-полковника Бориса Громова были на-

граждены медалью "За ратную доблесть".

По сложившейся традиции в составе делегации были и артисты. На этот раз поднимать боевой дух солдат и офицеров вызвались деятели культуры Московской областной государственной филармонии — певица и композитор Ольга Донская и шоу-группа "Федорино горе". Первый концерт (с корабля на бал) прошел сразу же по при-

лете в Северный. После ужина в столовой бригады была сооружена своеобразная концертная площадка. Весь вечер звучали песни, напутствия и аплодисменты, и если бы не позднее время, концерт длился бы гораздо дольше.

Отбой и ранний подъем. Скорый завтрак. И вот мы уже на летном поле в ожидании борта. Переключка, сверка полетных списков — и вновь звенят винты и оглушительно ревет мотор. Артисты обещали дать концерт в отдельном батальоне 46-й бригады, что дислоцируется в столице Червленая. И здесь уже с самого утра ждут долгожданных гостей.

Вертолет сделал разворот на посадку, и внизу врассыпную брызнули из траншей зеленые фигурки. Вот они, распластавшись на земле, нацелились в круговую автоматами. Можно не беспокоиться, безопасность посадки будет обеспечена. Прилетевшие сутками ранее шефы выходят к вертолету встречать артистов. Инструменты, колонки и другая аппаратура быстро перегружаются на машину, и через несколько минут мы в расположении части. Здесь практически нет никаких капитальных строений, десяток сборных деревянных домиков да вгрызшиеся в желтую землю палатки. Второй год над этим батальоном шефствует администрация подмосковного Королева. Благодаря усилиям ее и предприятий города, в этот раз в части прибавилось несколько телевизоров, в штабе появился новый комплект оргтехники. Очень рады были и медики батальона,

получив из рук помощника главы города Владимира Филатова столь необходимые в боевых условиях медикаменты. Пополнилась и фильмотека части 70 видеокассетами лучших фильмов Госфильмофонда.

Через час — концерт. К назначенному времени на импровизированной концертной площадке собирается почти весь батальон. Немало здесь и женщин. Нет, и впрямь у войны не женское лицо, но они своим долгом считают быть на военных позициях, каждый день совершая ратный подвиг. Кстати, в Червленой находится единственная часть, где в семьях военнослужащих живут их дети.

И вот долгожданный концерт начался. Плывут и плывут песни, то раздолбые, то быстрые. Забыли про войну солдаты и уже вместе с солисткой отплясывают на плацу. Разлетелись по округе звуки русской песни и громовых аплодисментов. Два часа выступления

пролетели как одно мгновение. И вновь в дорогу. Через несколько часов предстоит еще один концерт в Северном. Три дня командировки пролетели быстро, за это время участники делегации успели пообщаться и подружиться со многими военнослужащими бригады. На прощание девчонкам из шоу-группы "Федорино горе" подарили замечательного котенка по имени Грозный. А артисты обещали обязательно еще раз посетить эту бригаду и порадовать солдат и офицеров новыми песнями.

Безусловно, подобные поездки стали уже доброй традицией, поэтому можно быть уверенным, что между шефами из Подмосковья и бригадой переднего края наладились теплые, дружественные отношения. Необходимо отметить, что благодаря руководителю делегации — первому заместителю начальника Главного управления региональной безопасности Московской области Ю. Козлову и заместителю руководителя делегации В. Афанасьеву, для которых эта командировка далеко не первая, все запланированные мероприятия были выполнены в полном объеме. Каждый приезд областной делегации превращается в маленький праздник для бойцов. Подарки, концерты, улыбки, встречи с интересными людьми — как этого порой не хватает в беспросветной череде боевых будней.

**Старший лейтенант
Роман ДУРКАЧ**

Фото автора

1977

2002

29 декабря 2002 года отряду спецназначения "Витязь" исполняется 25 лет. Созданное в 1977 году для борьбы с возможными проявлениями терроризма в период проведения Московской Олимпиады, подразделение долгое время оставалось единственным во внутренних войсках. За четверть века флагман спецназа

внутренних войск достойно прошел суровые испытания на прочность. Оправдывая свое богатырское имя, вписал много ярких строк в боевую летопись сил правопорядка. Заслужил признательность народа самоотверженными действиями в борьбе за безопасность и спокойную жизнь страны.

Элита в квадрате

Визитная карточка

Полковник Громов Александр Павлович родился 30 июня 1963 года в Горьковской области. С отличием окончил в 1986 году Бакинское высшее общевойсковое командное училище, в 2000-м — Общевоинскую военную академию имени М.В. Фрунзе. С 1986 года проходил военную службу в Группе советских войск в Германии, командовал парашютно-десантным взводом. С 1989 года во внутренних войсках. Прошел должности от командира учебной группы специального назначения до командира отряда.

Работаем как охотники

— Товарищ полковник, с какими результатами отряд подошел к своему двадцатипятилетнему юбилею?

— За последнюю военную кампанию в Чечне отряд дважды выполнял задачи в спецкомандировке. В течение этих двух полугодий часть действовала на всей территории Чечни, участвовала в абсолютном большинстве проводившихся спецопераций как самостоятельно, так и в составе мобильных сил антитеррористического центра под единым руководством оперативного штаба со спецподразделениями ГРУ, "Альфой", "Вымпелом", ГУБОПами и частями Минобороны. Особенно результативной была последняя командировка — осень 2001 — весна 2002 года.

Было бы некорректно давать оценку действиям отряда мне, как его командиру. Она дана в обзорах и приказах командующим объеди-

ненной группировкой войск, руководителями объединенного штаба мобильных сил, командирами подразделений специального назначения всех силовых структур. До-

статочно сказать, что изначально планировалось применение отряда лишь в рамках одной структуры, а пришлось выполнять задачи во взаимодействии со спецгруппами разных ведомств. Постоянная востребованность "витязей" говорит сама за себя и накладывает особую ответственность на нас. Ведь мы представляем спецназ не только внутренних войск, но и всей России.

Сегодня можно с гордостью сказать, что значительная часть боевиков, захваченных и уничтоженных в период выполнения нами задач на территории Чечни, на счету нашего отряда.

Хоть это и звучит несколько нескромно, но, по оценкам нашего руководства, вклад "Витязя" был не только весомей вклада всей группировки внутренних войск, но даже превзошел результаты спецподразделений других силовых ведомств. Конечно, это объясняется тем, что характер нашей работы более активный, чем у частей оперативного назначения. Они несут службу на заставах, во взводных опорных пунктах, сопровождают колонны и т. д. Мы же работаем как охотники.

В феврале в Старых Атагах погибли четыре работника ФСБ. Судя по всему, они поехали на встречу с агентурой. Два сотрудника "Альфы" и еще два оперативника были захвачены бандитами, зверски замучены и расстреляны ими прямо на городской площади. Во взаимодействии с "Альфой" отряд провел операцию по блокированию и захвату боевиков в селе. Именно бойцы "Витязя" уничтожили главарей той банды.

— Президент, давая высокую оценку деятельности спецназа внутренних войск, прежде всего

основывался на заслугах, в том числе и отряда "Витязь". А какое место отряд занимает среди спецназа войск?

— Здесь я могу пока с гордостью заявить, что ведущее. Некоторые, правда, утверждают, что нам зимой было легче — зеленки нет. Но нельзя забывать слова Суворова о том, что везение везением, но надобно и умение иметь. По большому счету зеленка в условиях партизанской, минной войны значения практически не имеет. У боевиков существует система особой отчетности за получаемые деньги (за пропагандистскими лозунгами лидеров бандформирований о священной религиозной войне, борьбе за независимость все же стоит "грязный капитал"), и отрабатывают они их вне зависимости от погодных условий. К тому же зимой сепаратисты действуют с "зимних квартир", легализуясь под мирных граждан, что значительно облегчает достижение ими преступных целей, а нашу работу, наоборот, затрудняет.

Кроме того, зимой нам приходится затрачивать дополнительные силы на бытовое обустройство, увеличивается время на подготовку техники и вооружения к боевому применению.

— Александр Павлович, войну внесла серьезные коррективы в вопросы подготовки подразделений и личного состава. На чем в боевой подготовке делается упор сейчас?

— Я бы не сказал, что произошли какие-то глобальные изменения. В принципе спецназ всегда готовился к подобным действиям. Ведь в Чечне не ведется широкомасштабная война с четко очерченной линией фронта, когда про-

тивник находится перед нами. Это террористическая война. Специфика нашей подготовки всегда подразумевала готовность к действиям против мобильных, небольших по численности, прекрасно владеющих партизанскими и диверсионными приемами, оружием групп, которые отлично снаряжены и экипированы.

Во главу угла мы сегодня ставим огневую подготовку. Но не в общевоинском понимании, когда выполняются из раза в раз одни и те же упражнения на одном и том же участке стрельбища по одним и тем же мишеням. Учим ведению огня в условиях уличного боя, по внезапно появляющимся мишеням, в ограниченное время. Это и стрельба из разных положений, различного оружия. По-прежнему уделяем большое внимание физической подготовке, и прежде всего выработке выносливости и скоростных качеств. Нашим военнослужащим часто приходится переносить нагрузки в течение длительного времени, к тому же, в этот период решать целый ряд задач, требующих проявления взрывной энергии. В тактической подготовке основной упор делается на привитие военнослужащим навыков действий в условиях внезапно меняющихся обстоятельств, в населенных пунктах, в горах, лесу.

— В свое время в УРСН, потом в батальоне, отряде существовала некая специализация, когда каждое подразделение было нацелено на выполнение определенных задач: высотных, огневых и так далее. Существует ли какая-либо специализация сейчас?

— И тогда, и сегодня такое разделение имеется. Но оно носит

больше традиционный характер, нежели является основным принципом подготовки и боевого применения подразделений. Сегодня любая группа должна действовать универсально, трагедия с захватом заложников в Москве — яркое тому подтверждение. В тактике террористов, как показывает опыт, нет места шаблону. Соответственно и нам нужно быть готовыми нейтрализовать их и в жилых, и в административных зданиях, в подземных коммуникациях, на транспорте, в населенном пункте, горном или лесном массиве. Конечно, это одна из сложнейших задач, стоящих перед командирами, но я повторюсь, это — веление времени.

— Товарищ полковник, я думаю, вы согласитесь со мной в том, что раньше существовали все условия для отбора призывников. В ОМСДОН призывались лучшие из лучших. Сегодня обстановка изменилась кардинально. Отразилось ли это на принципах комплектования ваших подразделений и на качестве кандидатов? Какие требования предъявляются к ним сегодня?

— К сожалению, сейчас приходится отбирать лучших из худших. Ни один нынешний солдат, который проходит службу в отряде, в девятые годы к нам не попал бы. Так ухудшилось качество призывников.

Отбор происходит на пункте приема пополнения, прибывающего в соединение, офицерами отряда, психологом части и медработником. Часть кандидатов отсеивается уже на этапе собеседования, когда узнают о специфике выполняемых задач и о предстоящем участии в боевых действиях. Оставшихся на месте проверяет медик. Первичную психодиагностику

Генераторы идей

проводит психолог. Затем офицеры тестируют их по физподготовке. К сожалению, ограниченное время для работы врача и психолога не гарантирует нас от погрешностей при отборе кандидатов. Да и тест по физической подготовке по сравнению с тестами пяти-, семилетней давности упрощен очень сильно. Через три — четыре года, если тенденция ухудшения качества призывников будет развиваться, нам некого будет призывать. Поэтому будущее, конечно же, за профессиональным спецназом, и наши офицерские подразделения — яркое тому подтверждение.

В составе отряда есть профессиональное подразделение. До недавнего времени это офицерская рота. После оргштатных преобразований, к сожалению, остался лишь взвод. Там служат люди, фанатично преданные спецназу и своей работе, которые знают, что полковниками не станут, в лучшем случае — майорами.

Профессионализму «краповиков» завидуют многие. Был случай, когда в одной из чеченских командировок перебросили к Бачи-Юрту офицерскую группу, подразделение ГРУ, отряд спецназа одного из округов внутренних войск, ОМОН. Вышло так, что ЗИЛ, перевозивший имущество «витязей», сломался. Его пришлось тянуть на прицепе. В итоге наши профессионалы пришли к пункту назначения на четыре часа позже всех. Каково же было удивление спецназовцев от ГРУ и милиции, когда через двенадцать минут палатка «витязей» была установлена, из трубы шел дым, два офицера складывали аккуратную поленницу, а остальные на бэтээрах убыли к штабу получать задачу!

— Александр Павлович, а откуда вы черпаете офицерские кадры?

— В основном это выпускники нештатных взводов спецназначения наших военных институтов.

— В конце восьмидесятых — начале девяностых в отряд отбирали офицеров из частей соединения. Они писали рапорта, которые рассматривались аттестационной комиссией отряда. После изучения документов их приглашали в подразделение для сдачи так называемого экзамена. Кандидаты должны были выполнить нормативы по физподготовке, выстоять в рукопашной схватке и пройти собеседование. Немногие тогда попадали в отряд. Это была элита в квадрате: элитное подразделение в элитном соединении. А сейчас идут в отряд офицеры дивизии?

— Текучка кадров в отряде довольно большая. Причина банальная — социальная незащищенность и бытовая неустроенность. Те, кто служил в «Витязе», пользуются большим спросом как в государственных, так и в частных предприятиях и учреждениях.

Ждать очередного выпуска в институтах, естественно, представляется нецелесообразным. Поэтому дополнительным источником пополнения отряда офицерами, конечно же, являются части и подразделения соединения.

— Товарищ полковник, в свое время офицеры отряда были новаторами, своеобразными генераторами идей в области совершенствования методики обучения личного состава (свой курс

стрельб, вождения машин, свои секреты подготовки рукопашников), учебно-материальной базы. Сейчас такие люди есть?

— Безусловно. Но отличие того времени, когда спецназ только рождался, от нашего в том и состоит, что тогда все было в новинку, каждый шаг, по существу, был открытием. Изобретать велосипед сейчас нет необходимости. Есть каноны и опыт, наработанный десятилетиями, в соответствии с которым мы и действуем.

Во всем мире сейчас идут по пути совершенствования системы подготовки, сложившейся годами. По-такому же принципу работаем и мы. Одно дело — захватить преступника, вооруженного ножом, и совсем другое — идти на боевую работу в чеченском селе. Последнее ноу-хау (правда, это хорошо забытое старое) было введено у нас в огневую подготовку. Стреляли по мишеням, результат стрельбы можно было узнать только после их осмотра, непосредственно подойдя к ним после выполнения упражнения. Это накладывало отпечаток на морально-психологическое состояние бойца, выражавшийся в неуверенности в себе. Мы стали стрелять по стеклянной таре с цветным жидким наполнителем. Это позволяет видеть результат стрельбы немедленно, корректировать огонь. Появилась психологическая устойчивость у военнослужащих, уверенность в своем оружии.

— Александр Павлович, а что предпринимается в отряде для психологической подготовки солдат?

— Методика самая разнообразная. В программе есть посещение морга, причем в то время, когда

происходит вскрытие трупов. Чтобы в боевой ситуации бойцы не терялись в случае ранения товарищей. Солдат должен оставаться хладнокровным всегда. Мы однажды в Чечне видели целое подразделение разведбата, которое билось в истерику при виде убитых и раненых сослуживцев. Они были деморализованы только одним видом увечий, причиненных товарищам: Борьба за выживание — еще одна программная тема занятий. Солдат должен знать, что можно есть в лесу, поле, пустыне, где бы то ни было. Как употреблять в пищу то или иное растение или животное, в каком виде, как не заболеть при резких изменениях погоды и тому подобное.

— **Отряд всегда выступал в роли некоего полигона для испытания новых образцов вооружения, специальной техники, средств...**

— И сейчас такая практика имеет место. Наши солдаты обеспечивают все проходящие в войсках тендеры по приобретению оружия и специальной техники, участвуют в выставке вооружений "Интерполитех". Мы имеем большие личные связи с НИИ Спецтехники и НПО "Базальт", заводами и конструкторами. Например, недавно испытывали новые образцы оружия, приобретенного известным конструктором Барышевым. Откровенно говоря, не все его разработки понравились нашим офицерам. А вот автоматический гранатомет и крупнокалиберный пулемет, созданные им по принципу два в одном, получили высокую оценку наших специалистов. У нас есть подразделение огневой поддержки, которое создано будто специально, для этих образцов оружия. Но, к сожалению,

мы не можем их приобрести.

— **Александр Павлович, а что за организационные изменения претерпел "Витязь" за последнее время и с чем это связано?**

— В 1999 году отряд "Витязь" был преобразован в полк специального назначения. Наименование части, знамя, награды были переданы нам от расформированного одновременно с этим первого Краснознаменного оперативного полка ОДОНа. Это решение, наверное, было продиктовано желанием сохранить историю и традиции легендарного полка, ставшего, по существу, родоначальником советских внутренних войск. Но ничего из той затеи не вышло. Штат сформированного полка спецназначения не соответствовал его предназначению. По организации он мог иметь только диверсионное предназначение наподобие частей ГРУ ГШ, а не антитеррористическое, какое испокон веков принадлежало внутренним войскам. В 2002 году руководство войск приняло решение вернуться к традиционному и близкому по духу штату отряда. Что и было сделано.

Верность традициям

— **Товарищ полковник, в "Витязе" всегда был главным девиз "Один за всех, и все за одного". Дедовщиной, рукоприкладством, воровством, пьянством, чем сегодня славятся некоторые подразделения, в отряде и не пахло. А каково состояние воинской дисциплины в части сегодня? На чем основывается коллектив спецназа?**

— Есть такая дежурная фраза: состояние воинской дисциплины

позволяет выполнить поставленные перед частью задачи. Конечно, учитывая призывной контингент, поступающий к нам на службу, избежать каких-то негативных проявлений нам не удалось. Но на фоне других частей соединения мы выглядим лучше. По сравнению с прошлым годом уровень преступлений и дисциплинарных проступков у нас снизился в два раза. В командировках народ прекрасно понимал, что плечо товарища нужно там, а отношения дружбы, товарищества и взаимопомощи формируются здесь. И идти куда-то на задание, зная, что у тебя за спиной обожженный тобой же сослуживец, не очень-то приятно. Кстати, наиболее неблагополучными в плане воинской дисциплины у нас являются небоевые подразделения, прежде всего группа материального обеспечения и учебная группа, дающая нам основную долю самоволок. Что бы там ни говорили, традиции "Витязя" в отряде живы. Каждый своим поведением старается соответствовать высокому званию спецназовца. По-прежнему высшими наградами и стимулами укрепления дисциплины остаются краповый берет и знак "Доблесть спецназа". Не забыта и традиция шефства над молодыми солдатами.

— **Гарантом того, что славными традициям отряда жить, всегда являлся совет "краповых беретов". Какую роль он играет сегодня в укреплении дисциплины, служебно-боевой деятельности, в воспитании военнослужащих?**

— Обладатель крапового берета пользуется у наших солдат и офицеров непререкаемым авторитетом. Ведь заслужить его может

лишь боец, добившийся высоких профессиональных показателей, проявивший доблесть и мужество при решении служебно-боевых задач, образцовый в воинской дисциплине. Спектр деятельности совета огромный. Это вопросы боевой и специальной подготовки, и воинской дисциплины, и быта, и отдыха. А уж о влиянии на бойцов и говорить не приходится. Решения, которые принимаются на совете, обязательны для исполнения всеми солдатами и сержантами, к ним прислушивается командование подразделений и части. Вызов спецназовца на заседание совета за какой-либо проступок страшнее самого строгого наказания, можно распрощаться с отрядом навсегда. Иначе и быть не может, ведь совет выражает мнение здоровых сил коллектива.

— Учатся ли они у вас, товарищ полковник, специалисты вновь формируемых подразделений спецназначения, помогаете ли вы им освоить азы спецназовской науки?

— Да. И здесь я хочу выразить огромную благодарность прежде всего нашим ветеранам и лично Сергею Ивановичу Лысюку за тот неоценимый вклад, который они вносят в подготовку и наших специалистов, и офицеров вновь формируемых отрядов. Мы всегда готовы оказать помощь командирам новых частей спецназначения, ведь, в конечном счете, служим одному делу. Хотя надо признать, что для нас это — существенная дополнительная нагрузка. Было бы неплохо создать единый центр подготовки офицеров для спецподразделений с соответствующей инфраструктурой, где хотя бы азы нашей науки изучались ими

еще до того, как они попадут в боевые группы.

Направление “Норд-Ост”

— Александр Павлович, позволите задать вопрос, который интересует, наверное, многих наших читателей. 23 октября в Москве произошли события, которые всколыхнули не только наш народ, но и всю мировую общественность. Развязки ситуации ждали, прильнув к экранам телевизоров и радиоприемникам, все. Хотя и вопреки ожиданиям, но спецоперация все же была проведена. Как известно, в отряде накоплен огромный опыт участия совместно с “Альфой” в подобных операциях. Каковую роль в освобождении заложников в театральном центре выполняли ваши подразделения?

— Да, мы были подняты по тревоге сразу же, как только руководство МВД и войск узнало о случившемся. С двадцати трех часов 23 октября и до окончания спецоперации мы находились в боевых порядках возле театрального центра. Отряду была поставлена задача по блокированию объекта, захваченного террористами, перекрытию возможных путей отхода преступников и на действия во втором эшелоне вслед за штурмующими здание ДК подразделениями “Альфы” и “Вымпела”, проведение зачистки здания после операции. Если коротко, то хронология событий утра 26 октября выглядела так. В 4.30 отряд приведен в полную боевую готовность. В его составе созданы штурмовые группы и группы обеспечения. Получили задачу: с

началом штурма по единому сигналу броском выдвинуться к ДК, заблокировать ближние подступы к зданию и тем самым обеспечить работу штурмовых групп “Альфы” и “Вымпела”, воспрепятствовать прорыву боевиков, направить выходящих заложников по созданному коридору на фильтрационный пункт.

Примерно в 6.30 первая штурмовая группа ворвалась в фойе театрального центра, произвела досмотр всех помещений первого этажа, заблокировала выходы со второго этажа. В это время вторая группа оказывала первую помощь пострадавшим и принимала участие в их эвакуации.

По окончании штурма по распоряжению старшего оперативного начальника подразделения отряда взяли под контроль все здание ДК с задачей повторного его досмотра на предмет наличия боевиков, оставшихся заложников, а также обеспечения работы оперативно-следственной бригады и групп разминирования.

Хочу выразить благодарность своим подчиненным, которые в очередной раз проявили высокий профессионализм и показали отличную выучку.

— И напоследок, товарищ полковник, что бы вы пожелали своим подчиненным в день двадцатипятилетия “Витязя”?

— Здоровья, счастья, удачи во всем и не останавливаться в своем развитии.

— Спасибо вам за беседу.

Беседу вел подполковник Ринад АРИБЖАНОВ

ление, в тот период носившее название УРСН (учебная рота специального назначения), для обеспечения безопасности на предстоящей Олимпиаде в Москве. Но это не являлось единственной целью его создания. Важно было на базе УРСН выработать и обкатать учебные программы для подготовки подразделений специального назначения в системе МВД СССР. Кроме того, одной из важнейших задач была борьба с особо дерзкими преступными проявлениями.

При формировании нового подразделения выбор на 9-ю роту пал не случайно. По уровню общефизической подготовки она превосходила роты не только 2-го полка, но и всех частей дивизии. Рота, по сути дела, была спортивным подразделением, служившим базой, резервом для известной команды "Динамо".

Кроме проверки по физической подготовке кандидаты проходили собеседование, тестирование. В начале планировалось сформировать три взвода. Но в итоге из всех военнослужащих, представленных из дивизии, смогли набрать только два.

Началось слаживание. Командованию поставили задачу — подготовить личный состав для показа министру внутренних дел возможностей такого подразделения. Поэтому что вновь созданный коллектив был пока нештатным, и от того, как завершится показ, зависела дальнейшая судьба этого подразделения.

На первом этапе разработали программу подготовки к действиям в различных критических ситуациях на Олимпийских играх, а именно: при захвате заложников в наземном транспорте, в самолете. Необходимо было продемонстрировать возможности роты по освобожде-

нию заложников, уничтожению террористов, кроме того — показать комиссии МВД методику подготовки военнослужащих.

Трудностей было немало. Конечно, и в полку, и в дивизии понимали эти проблемы, но полк есть полк, батальон есть батальон, и командирам, естественно, было выгодно иметь полнокровное подразделение, а не двухвзводное. Ведь при отсутствии одного взвода дополнительная нагрузка ложилась на лич-

ный состав других подразделений полка. Поэтому решили сформировать в роте еще один взвод.

Таким образом, уже с начала 1978 года 9-я рота имела трехвзводный состав: первый взвод являлся строительным, второй и третий — боевыми. Численность взводов — по двадцать бойцов в каждом. Вооружение — обычное, штатное. Исключение составляли несколько единиц стрелкового оружия и средств защиты, предназначенных для выполнения специальных задач. Не было особых отличий и в обмундировании бойцов. Военнослужащие носили на занятиях комбинезоны механиков-водителей. Только группу показательных занятий одели в форму для жарких районов — обыкновенное хлопчатобумажное обмундирование с открытым воротом и брюками прямого покроя.

К весне 1978 года появились в роте и краповые береты. По указанию заместителя начальника внутренних войск генерал-лейтенанта Сидорова один из офицеров тыла был откомандирован в город Горький, откуда и привез 50 беретов: 25 крапового цвета и 25 — зеленого. Носить береты разрешалось лишь во время показательных занятий.

Конечно, с учетом значимости и сложности поставленных перед УРСН задач вооружение и экипировка спецназовцев были достаточно скудными даже по меркам того времени. Однако в роте все, от рядового бойца до командира, понимали: главное — показать и доказать целесообразность и необходимость создания подобного подразделения.

Так рождался "Витязь"...

Подготовил старший лейтенант Роман ДУРКАЧ

Традиция — боевое братство

Майор запаса Виктор Путилов:

— Подразделение наше было уникальным не только в плане особой боевой подготовки. Например, у нас в роте абсолютно отсутствовала пресловутая дедовщина. Как на равных все, независимо от срока службы, пахали в спортзале, на полигоне и штурмовой полосе, так и, вернувшись в роту, все без исключения наводили порядок: мыли полы, убирали закрепленную за ротой территорию... Да тот же знаменитый Зорро в день увольнения в запас с утра драил пол в ротной канцелярии, а после обеда, уже в парадке, шел в штаб за документами. И самое интересное, что никто из старослужащих даже не пытался “качать права” — за подобные вещи из роты отчисляли мгновенно. Вместо дедовщины у нас был так называемый “сержантский диктат”. Наш командир Владимир Александрович Мальцев вел в этом отношении четкую и непреклонную политику. Если перефразировать маршала Жукова, это звучало так: “Ротой командую я и сержанты!”

Рота наша была исключительно дружной. Любое дело, которое нам поручалось, мы делали намного качественней, чем другие подразделения, и в

более короткие сроки. Допустим, припашут нас куда-нибудь в полку на хозработы, например свеклу убирать. Каждому выделяют по два рядка. До конца поля, предположим, два километра, и мы должны его окучить, как минимум, в два раза быстрее, чем, например, соседняя рота, обрабатывающая поле параллельно с нами. Хотя, конечно, офицеры нашей роты постоянно воевали с командованием полка, чтобы нас не привлекали на хозработы.

Внутренние отношения в нашем коллективе можно назвать одним словом — братство. У нас даже к солдату офицер или прапорщик обращался не как-нибудь, а: “Братишка...”. Это слово, кстати, принес в роту наш тогдашний замполпец Сергей Иванович Лысюк. Мы все были братьями, старшими и младшими.

Вообще, так сложилось, что, в отличие от других подразделений, у нас командиров уважали не за погоны, а за личные качества. Порой офицеру, пришедшему в роту сразу после училища или из другого подразделения, приходилось учиться заново, в том числе и у подчиненных-солдат. У нас не считалось зазорным, когда офицер или прапорщик обращается за советом или помощью к более подготовленному солдату или сержанту. Ведь в неумении и незнании ничего постыдного нет. Постыдны лень, безволие, нежелание учиться, излишнее самомнение и горор. Спрос с командиров был намного строже, чем в других подразделениях: сержант должен быть вдвое лучше и подготовленней солдата по всем критериям, прапорщик — втрое-вчетверо, офицер — тем паче...

Солдата трудно обмануть. Он тонко чувствует фальшь и ложь, нарочитую

показуху, за которыми скрываются малодушие командира, его неуверенность в собственных силах. Потому главный принцип работы с подчиненными в нашем подразделении был один — личный пример.

Полковник запаса Сергей Лысюк:

— Всю жизнь в армии у меня были братские отношения с солдатами. Ведь сначала не я их, а они меня учили — большого, худощавого, ушастого и малоопытного командира взвода. Учили рукопашке, акробатике. Ох и напугал я тогда шишек от своих подчиненных, несмотря на то, что был кандидатом в мастера спорта по боксу. И между прочим, не вижу в этом ничего зазорного. Хочешь чего-то путевого достичь — учись.

Я всегда к нормальному солдату обращался на "ты". А если подчиненный провинился, если он не был мне близок по духу, по трудолюбию и самоотдаче — я называл его на "вы", строго по уставу. Как любой человек, солдат сразу чувствовал отношение к себе командира и, если неглупый, делал выводы. Это нельзя было назвать панибратством, поскольку мы были одержимы одной идеей и шли к одной цели. Большинство солдат чувствовали, понимали это и никогда не переступали грани дозволенного. А тех, кто все-таки эту грань переступал, быстро ставили на место, и чаще всего сами солдаты и сержанты.

По большому счету, такие отношения с подчиненными были только в моем взводе. И не потому, что я хороший и умный, а остальные плохие, просто я знал, что спецназ — моя жизнь. В других взводах командиры, так уж получилось, были в спецназе людьми временными. Они были нормальными офицерами, но сказать, что

они одержимы идеей создания спецназа, я бы не решился.

Не думаю, что я строил свои отношения с подчиненными неправильно. Я ведь и позже, став ротным, потом комбатом, командиром отряда, не изменил себе. Солдат и сержантов называл братишками, к прапорщикам и офицерам обращался — брат. Между прочим, доставалось мне за это на совещаниях от тогдашнего командира полка, а позже комдива Игоря Николаевича Рубцова: "Это не подразделение, а монастырь какой-то. У них там все братья".

Генерал-майор Владимир Мальцев:

— У нас такой коллектив сложился, что рота как второй дом была. Все, что могли, офицеры несли в подразделение. Я, помню, только-только получил квартиру. Сделал ремонт, краска осталась — в роту, гвозди остались — в роту. И все офицеры так. А еще мы уговорили командира полка, чтобы нас выселили из казарм, и мы разместились на улице в палатках: решили отремонтировать расположение роты. Раз подразделение новое — значит, и место жительства должно быть с иголочки. Старались на совесть, рассудив так: пусть затратим много времени, зато сделаем всё в лучшем виде. Прошли все сроки, а мы еще в палатках. Командир полка рассердился не на шутку: почему, такие-сякие, не вселяетесь? Но мы пошли на принцип — рота должна быть лучшей в дивизии не только по личному составу, по боевой подготовке, но и по жилищным условиям. И сделали-таки отличный ремонт. Любопытно посмотреть. Все поставили новое — кровати, тумбочки, табуретки, в КХО — новые пирамиды, все было по военному пронумеровано, промарки-

ровано. Привлекала внимание, радовала глаз со вкусом оформленная наглядная агитация — Булатов постарался. Словом, порядок и уют. Я только Лысюка, помнится, отругал за то, что он матами колонны обтрянул — для отработки ударов. Это ж все-таки воинское подразделение, а не спортзал. Сергей Иванович согласился, что чуток перестарался, но он же на рукопашном бое помешан был!

После ремонта солдаты поняли, что рота — это их родной дом. И, как в собственном доме, поддерживали чистоту и порядок. Однажды после выезда бойцов на стрельбище (роту подняли рано утром, быстро вооружили, времени для наведения порядка не было) в расположение зашел дежурный по полку. И не поверил своим глазам: все как на учебном плакате. Потом рассказывал командиру полка: "В роте будто никто никогда не жил — кровати заправлены, табуреты выровнены, всё сверкает, чистота идеальная". А это оставшийся наряд после нашего спешного отъезда постарался — доправил, "долизал". Порядок был исключительный. Всегда.

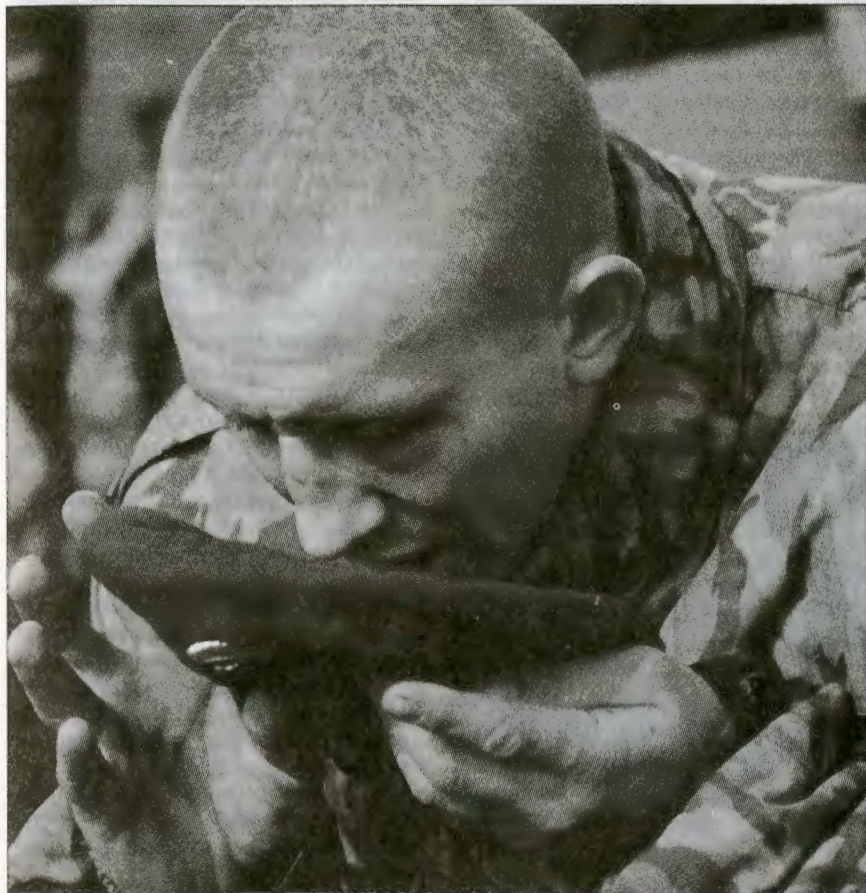
А когда в доме образцовый порядок — живется, дышится легче. Уют влияет и на микроклимат в коллективе, поднимает настроение бойцов.

Видя, что офицеры ничего не жалуют для благоустройства личного состава, создания учебной базы, как старшие братья, относятся к подчиненным, солдаты, в свою очередь, старались высоко держать марку родного коллектива, крепить традиции воинского товарищества, боевой состязательности. В этих условиях воспитательная работа, тон которой задавал замполит Владимир Булатов, приносила добрые плоды. Рота жила как дружная, сплоченная семья. По законам братства.

Святыня спецназа

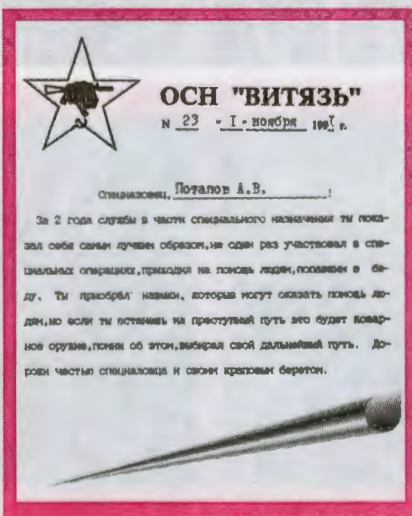

Полковник запаса Сергей Лы-
сюк:

— Когда говорят о спецназе внутренних войск, когда называют гордое имя "Витязь", перед мысленным взором сразу же возникает образ воина в краповом берете. Сегодня и люди в погонах, и те, кто далек от ратной службы, знают о легендарном головном уборе, отличающем элитные подразделения войск правопорядка. Многим также известно, что это не предмет военной формы, он не выдается в комплекте с обмундированием. Краповый берет — символ доблести, славы и чести спецназа, знак, свидетельствующий о высоком профес-

сионализме лучших бойцов, офицеров и прапорщиков. Право на его ношение надо завоевать в суровых испытаниях.

А вот откуда берет начало эта традиция, когда и как она зародилась, чьим образцам следовали ее инициаторы — на эти вопросы даже отдельные "краповики" затрудняются ответить. Так, еще недавно в некоторых подразделениях спецназа внутренних войск, как мне рассказывали, висели стенды, посвященные истории возникновения крапового берета, где утверждалось, что он впервые появился в... частях ВДВ. Это абсолютно неверно! В 1967 году для десантников, участвующих в парадах на Красной площади, был введен берет малинового цвета как символ воздушно-десантных войск некоторых армий мира. С правой стороны берета нашивался голубой флажок с эмблемой ВДВ. 7 ноября 1967 года в первый и последний раз воздушно-десантные подразделения прошли на параде в малиновых беретах. Вскоре десантники от них отказались, и в 1969 году правилами ношения военной формы одежды был официально узаконен берет голубого цвета как головной убор летней повседневной формы военнослужащих ВДВ. Словом, тот экспериментальный берет десантников не имел ничего общего с нашим — краповым, цвета погон внутренних войск, цвета крови наших братьшек, пролитой во время боевых действий и учебных занятий. Время его появления, как уже говорилось в первых главах книги, связано с формированием в 1978 году учебной роты специального назначения дивизии им. Ф. Дзержинского. Тогдашний заместитель начальника войск генерал-лейтенант Александр Георгиевич Сидоров рекомендовал подобрать такой символ, который бы отличал военнослужащих этого подразделения. Им и стал краповый берет.

В те времена всеобщего дефицита изготовить на заказ береты нужного цвета и пошива было очень трудно. Один из офицеров тыловиков разузнал, что это можно сделать в Горьком. Так появились первые 25 беретов из краповой ткани и столько же из зеленой, которые вплоть до 1985 года надевались только на показательные занятия. В 85-м решили пошить береты на весь личный состав УРСН. Снова встала проблема, где это сделать. Отец сержанта Симоненко в то время был вторым секретарем Ставропольского крайкома партии. Отправили братишку домой в отпуск, и он возвратился со 113 беретами. Ровно столько людей было в УРСН. Еще около трех лет краповые береты надевались только на государственные праздники и показательные занятия.

Идея сдавать экзамен на право ношения крапового берета родилась в начале 88-го, когда в руки мне попала книга "Команда "Альфа" Миклоша Сабо, бывшего солдата войск специального назначения США. Как пишет автор, в американском спецназе ничего и никогда не давалось просто так, все нужно было заслужить. Право ношения зеленого берета зарабатывалось через изнурительные испытания, через кровь и пот. Книга произвела на меня очень сильное впечатление и подтолкнула к мысли учредить в своем подразделении экзамен на краповый берет, чтобы он являлся не просто головным убором, а стал знаком высочайшей квалификации спецназовца. Об этом я рассказал своему другу Виктору Путилову. Он меня поддержал, и мы вместе с инструкторами разработали экзаменационную

программу по специальной физической и специальной тактической подготовке, которая с небольшими изменениями используется и по сей день во всех подразделениях войскового спецназа.

Поначалу квалификационные испытания проводились нелегально, под видом комплексных и контрольно-проверочных занятий. Идея о ношении крапового берета наиболее достойными спецназовцами, сдавшими экзамен на мужество и профессионализм, не находила понимания у командования, считавшего, что этот головной убор должны носить все военнослужащие подразделений специального назначения, невзирая на уровень их подготовки. Но время взяло свое! Умелые действия "беретов" в спецоперациях, их морально-психологическая закалка доказали важность этих испытаний, которые стали официально признанной традицией. 31 мая 1993 года генерал

Анатолий Сергеевич Куликов, командовавший внутренними войсками МВД России, утвердил Положение "О квалификационных испытаниях военнослужащих на право ношения крапового берета".

Согласно этому Положению, основные испытания проводятся в один день и включают в себя марш-бросок не менее десяти километров с последующим преодолением специальной полосы препятствий в экстремальных условиях, проверку подготовки по штурму высотных зданий, акробатику, выполнение четырех комплексов специальных упражнений и в заключение — рукопашный бой.

Не скрою, при подведении итогов в учебных поединках иногда возникали проблемы. Некоторые бойцы и офицеры были убеждены, что во время сдачи экзамена главное — стойко держать удар. Это некомпетентное мнение. Просто устоять на ногах — мало. В спарринге каждый из кандидатов должен прежде всего показать технику владения приемами рукопашного боя и стараться вести схватку активно. Вот почему изначально контактный бой задумывался по схеме, максимально обеспечивающей объективность оценки испытуемых: трех кандидатов по очереди экзаменует военнослужащий, имеющий краповый берет. С каждым он борется по четыре минуты. Одновременно проводят схватки между собой двое других кандидатов. Весь бой длится двенадцать минут, причем для "краповика" является подтверждением квалификации. Если сам он будет избит, то его могут лишить права ношения берета. А однажды я лишил права ношения берета двух человек, которые во время

сдачи проявили излишнюю жестокость к экзаменуемым. И впредь требовал твердо стоять на страже чистоты проведения проверки по рукопашному бою. Негоже, когда у аттестующих верх берут эмоции, а стремление выявить наиболее достойных приводит к жестоким избиениям.

Столь же недопустимы перегибы, всегда наставлял подчиненных, и на других этапах квалификационного экзамена, в первую очередь — игнорирование мер безопасности, что приводит к трагическим последствиям. Настойчиво внушал солдатам и офицерам: самое главное — не запятнать нашу святыню. Если ее ценой будет нечаянно загубленная жизнь, мы дискредитируем краповый берет как знак высокого ратного мастерства.

Нельзя мириться и с другой крайностью — с послаблениями и упрощениями на экзамене в погоне за числом “краповых беретов”. Больше — не всегда лучше. Поэтому квалификационные проверки необходимо проводить с максимальным напряжением сил. В нашей роте, а затем в батальоне и отряде “Витязь” получали общий зачет и соответственно право на ношение берета не более 10-20 процентов экзаменуемых. Но это только поднимало авторитет воинов, сдавших трудный мужской экзамен. Командиры и сослуживцы относились к ним с особым уважением. Они были настоящим боевым ядром коллектива.

Учитывая характер и содержание экзамена, его важную роль в обучении и воспитании спецназовцев, серьезное внимание уделяли ритуалу вручения крапового берета. Каким должен быть сценарий

этого ритуала, подсказал традиционный порядок проведения в армии и внутренних войсках торжественных церемоний. Берет — одновременно и награда за мужество, стойкость, выносливость, боевое мастерство, проявленные в испытаниях, и знак высокой профессиональной квалификации, приобретенной в упорных тренировках, и символ доблести, чести спецназа, которому по плечу любые, самые трудные и ответственные задания Родины. Значит, акт вручения святыни должен быть по-военному простым, строгим и в то же время волнующим до кома в горле. Затрагивающим до горячее, сильное и светлое в душе юноши и мужчины-защитника, что побуждает его быть патриотом Отечества. Призывающим к самоотверженному поступку, к подвигу — как зовет на подвиг Знамя, которое с клятвой верности целует коленопреклоненный воин. И такая форма ритуала была найдена.

Вручение крапового берета производится при общем построении участников экзамена, в торжественной обстановке. Военнослужащий, получивший право ношения берета, поворачивается лицом к строю при развернутом Знамени отряда, опускается на правое колено, целует берет, надевает его на голову и, приложив руку к головному убору, громко произносит: “Служу Отечеству! И спецназу!”

С этого момента победитель — в элитной когорте сил специального назначения. И обязан в боевых операциях, в учебе, в повседневной жизни подтверждать завоеванное в испытаниях право носить святыню цвета крови. Доказывать делами верность идеалам спецназовского

братства. Находиться всегда впереди, на самых трудных участках, быть опорой командирам на занятиях и в бою, помогать товарищам в профессиональном становлении. Служить образцом мужества, отваги, благородства.

Именно так, с достоинством и честью, служили и служат нашему общему делу мои боевые побратимы — “краповые береты” Олег Кублин, Владимир Кобзев, Максим Котов, Владимир Кургин, Вадим Кухар, Олег Луценко, Григорий Мыларщиков, Александр Никишин, Виктор Путилов, Александр Сергеев, Руслан Татарин, Петр Шутко и тысячи других “витязей-краповиков”. Они — цвет и гордость спецназа.

Говоря о лучших из лучших, не хотелось бы упоминать о тех, кто не осознал, что высокая честь носить краповый берет сопряжена с такой же высокой ответственностью, кто превращал святыню в средство дешевой браводы, хвастовства, пытался добиться привилегий за чужой счет, забывая о личной примерности. Увы, в семье не без урода. У нас были случаи, когда за дискредитацию звания военнослужащего подразделения специального назначения, то есть за трусость, воровство, измену идеалам спецназа мы лишали человека крапового берета. Самый позорный проступок — рукоприкладство по отношению к товарищам или солдатам других подразделений. Самый большой грех в спецназе — когда начинают бить своих. Беспощадно с этим боролся, не принимая в расчет прежние заслуги нарушителей.

Для наказания провинившихся у нас был введен специальный ритуал, позаимствованный у американ-

ских “зеленых беретов”, — так называемое “выколачивание”. Происходило это следующим образом: выстраивался личный состав подразделения в краповых беретах и при государственных наградах; разрушитель выводился на правый фланг; под барабанную дробь оглашался приказ о лишении права ношения крапового берета; к нарушителю подходил командир и срывал с его головы берет. Затем провинившийся с личными вещами уходил в мотострелковое подразделение, а в те минуты, когда он, сгорая со стыда, шел мимо строя, каждый военнослужащий поворачивался к нему спиной. После этого он не имел права переступить порог подразделения спецназа. Естественно, такой ритуал воспитывает людей лучше всяких слов.

Иногда гражданские журналисты меня спрашивают: как я отношусь к тому, что краповые береты вручаются людям, не проходившим квалификационных испытаний или никогда не служившим в спецназе. Поясняю им: берет — это награда. Положением предусмотрено: краповый берет может быть вручен за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга; при получении во время проведения спецопераций или в ходе боевых действий тяжелых ранений, увечий или контузий, которые не позволяют военнослужащему сдавать экзамен. Данные пункты в комментариях не нуждаются. Кроме того, дается право носить берет должностным лицам Главкомата, управлений округов и соединений внутренних войск, имеющим особые заслуги в деле развития частей и подразделений специального назначения. Самый яркий пример — генерал Романов. Уже находясь на должности замкомандующего внутренними войсками, Анатолий Александрович регулярно находил время, чтобы прийти в спортзал, отработать приемы рукопашного боя. Он всегда поддерживал спецназ и по праву является обладателем крапового берета.

Само собой разумеется, право носить краповый берет имеют руководители, отдающие приказ на применение сил специального назначения, — Президент России, министр внутренних дел и главнокомандующий внутренними войсками.

Вместе с тем считаю своим долгом выразить мнение ветеранов “Витязя”, стоявших у истоков нашей традиции, относительно некоторых перегибов. С нашей точки зрения, ни в коем случае нельзя надевать святыню спецназа на голову курсанта военного института только для того, чтобы он прошел в парадном строю. Конечно, краповая “коробка” смотрится красиво, но в таком случае найдите людей, которые носят краповый берет по праву. Пусть они и маршируют на параде! Краповый берет — наша святыня. Сколько было случаев, когда у раненого бойца спрашивали: беретом его наградить или медалью? Ответ был один — только беретом! И как этому братишке объяснить, что на праздничном концерте в День внутренних войск музыканты нашего ансамбля все как на подбор “краповые”? Во внутренних войсках может быть ансамбль “Краповые береты”, талантов у нас немало, только музыканты должны носить берет по праву. Например полковник Запаса Александр Александрович Чукунов, известный в войсках бард. Он никогда не служил в спецназе, но несколько раз был ранен и контужен, награжден боевыми орденами, в своих песнях пропагандирует спецназовские традиции, поэтому, на мой взгляд, Сан Саныч может быть удостоен права ношения крапового берета.

В целях поднятия статуса крапового берета, оказания помощи командиру и офицеру подразделения в проведении квалификационных испытаний, повышении профессионального уровня и укреплении воинской дисциплины бойцов нашей элитной когорты мы решили создать общественный орган — совет “краповых беретов”.

В совет избираются самые подготовленные, опытные “краповики”, пользующиеся непрерываемым авторитетом среди сослуживцев. Первым председателем совета был один из лучших спецназовцев Виктор Путилов.

Совет “краповых беретов” являлся моим надежным помощником в решении многих вопросов обучения и воспитания личного состава. Его члены не только помогали проводить предварительное тестирование на допуск к испытаниям и оценивать кандидатов в ходе самого экзамена, но и серьезно об-

суждали, как тот или иной военнослужащий, изъявивший желание сдать проверку на мужество, относится к выполнению своих обязанностей, как ведет себя по отношению к товарищам, можно ли положиться на него в трудную минуту. Если братишка по всем статьям — достойный, правильный парень, ему давали добро, включали в список кандидатов, допущенных к сдаче экзамена. Ну а когда солдат, сержант недотягивал по уровню спецподготовки или дисциплина у него хромала, совет говорил: нет, рановато тебе, дружок, бороться за право носить берет, подтянись, поработай над собой, подкорректируй линию своего поведения.

Решающее слово: допускать или не допускать кандидата к испытаниям — всегда было за советом.

Наш общественный орган был строгим блюстителем чистоты спецназовских традиций, следил за тем, чтобы каждый “краповик” высоко нес честь своего звания, активно поддерживал здоровый микроклимат в коллективе, всегда и во всем был примером. Не дай Бог, кто-то начнет качать права перед молодежью, демонстрируя “крутизну” — мол, элите все позволено, или, почивая на лаврах, снизит показатели в учебе — совет “краповых беретов” тут же вызовет на свое заседание и в такой оборот возьмет, что тысячу раз раскаешься в совершенных грехах. А не проймает строгое словесное внушение — больше уговорами заниматься не будут, ходатайство перед командиром — и к позорному столбу. Но такое случалось крайне редко. Сдавшие экзамен на берет дорожили святыней. Старались всегда быть на высоте.

Бывая на испытаниях в родном отряде, всегда сравниваю: как сдавали экзамен в конце 80-х годов прошлого уже века, в период зарождения традиции, и как это делается сейчас. С удовлетворением отмечаю: братишки работают по боевому. С прицелом не на количество, а на качество. Так и надо держать! Хотя важно помнить и о том, что утвержденные правила — не догма. Думается, сдача на берет должна меняться в сторону усложнения. Не зря в спецназе говорят: ратному совершенствованию пределов нет.

Этот день они не забудут никогда

Тишина морозного октября утра в подмосковном Реутово была нарушена горячим дыханием сорока девяти спецназовцев "Витязя", стоящих в монолите строя. Сегодня им, выдержавшим экзамен на допуск к сдаче на краповый берет, предстояло, может быть, самое важное испытание в их жизни. О том, что эта сдача не будет легкой, знали все. Во-первых, в "Витязе" не бывает легких сдач, а во-вторых, этот экзамен был приурочен к юбилею отряда.

Старт! Через несколько километров сдающие уже выплевывали легкие — такой высокий темп взял бегущий впереди командир одной из групп капитан Владислав С. Впереди была водная преграда — маршбросок по речке, глубина которой местами доходила до подмышек. Покрытые льдом лужи лишней раз говорили о температуре в реке. Но несмотря ни на что, спецназовцы ринулись в обжигающую холодом воду... Немногим удалось уложиться во временной показатель. Первые вышедшие поотжимались — и снова вперед!

— Вспышка справа! Занять оборону! Перебежками вперед!..

Поправляя на ходу сползающие бронежилеты, спецназовцы прикрывают друг друга. А впереди — еще несколько подъемов на высокую, этажей в пятнадцать, крутую гору. Перед ней — снова водная преграда. Снова метров двести идти по грудь в ледяной болотной жиже, подталкивая застревающих на деревьях товарищей.

— Оружие по-боевому! — рычит инструктор. Даже здесь не дает слабину.

Рядом глухо хлопает взрывпакет, обдавая лицо брызгами. Вперед! Только вперед! Кувырками с песчаной горы, схватив за ствол автомат, чтобы песок не попал в канал ствола...

До финишной прямой доходят немногие. Здесь уже последние напирают: не дай Бог отстать от инструктора далее ста метров — снимут с экзамена. На стрельбище — сразу на огневой рубеж. Перед этим — проверка оружия. У нескольких ребят автомат заклинивает. Напрасно они досылают патрон в патронник, сби-

вая в кровь руки — инструктор умолим. В другой раз! А пока тренируйся! Стирая набегающие на глаза слезы, они выбывают из борьбы.

После огневого рубежа — огненно-штурмовая полоса. Тут уж правда огня хоть отбавляй. Сидящие сверху пулеметчики лупят из ПКМ холостыми. Лупят не просто так. Надо в перерывах между очередями пробежать участок местности, занять оборону и прикрыть товарища. После этого — ползком вперед. Приполз последним — тренируйся!

Ноги ватные. Дыхалка — ноль. Голова гудит.

— Тридцать секунд на прохождении "высотки".

За это время надо прицепить спусковое устройство, достать из разгрузочного жилета гранату, вырвать чеку, выбив муляж окна ногой, бросить гранату, перезарядить оружие и выстрелить. Быстро отцепить устройство и доложить об окончании упражнения. Здесь еще срезаются двое ребят. Отработку комплексов рукопашного боя и элементов акробатики проходят все. Остается последнее — спарринг.

Ринг небольшой. Вокруг — толпа. Все кричат. Все болеют. За тебя. Ты — лучший. Ты прошел все, вернее — почти все. Только он за тебя не болеет. Он болеет за себя. И прошел он не меньше. И спуску не даст. Потому что если даст — будет тренироваться. Он всегда будет тренироваться. Даже если сдаст на берет. Левый глаз заплыл. Но это ничего. Бывало хуже. Нога от пропущенного "лоу-кик" еле двигается, а он в нее садит и садит. Прямой в нос! Ему! Чтоб не садил! Тут же мгновенно зубодробительный удар. Челюсть свело. Боль адская. Но и он уже одним глазом плохо видит!

Четыре минуты кажутся вечностью. Смена партнера. Снова принимаешь удары от такого же, как и ты, кандидата, так же ему отвечая. Смена! Заmaterелый в рукопашных боях "краповик", не раз занимавший призовые места в различных турнирах, поначалу бросается на тебя, как волк на ягненка. Удары сыплются градом. Ушел в глухую защиту. Но ты не ягненок! Через несколько секунд напор ослабевает. Противник смотрит, на что ты способен. Он — опытный боец. Он дает тебе возможность атаковать. Руки еле поднимаются, но злость заставляет толкать их вперед. Ему в лицо. В голову. Под дых... Тридцать секунд осталось! Это сигнал не тебе. Ему!

Тридцать секунд! Не расслабляться! Отвечать! Не уходить от ударов! Толпа вокруг уже орет. Держаться! А секундомер в голове считает почти вслух: двадцать одна, двадцать... Руки не слушаются, но все равно их надо держать поднятыми. Иначе — замечание. Три замечания — тренируйся...

Две секунды до конца, одна! Все!!! Тот, кто только что тебя мутзил, уже обнимает. На глаза наворачиваются слезы. Это можно. Это от радости...

Из сорока девяти "витязей" выдержали экзамен восемь. Два офицера, контрактник и пять солдат-срочников. Этот день они не забудут никогда.

Капитан Альберт КУДРЯШОВ

**Полковник
Никишин
Александр Николаевич**

Настоящая боевая работа полковника Никишина началась после назначения в августе 1992 года заместителем командира отряда "Витязь". Об этом свидетельствуют и награды: 1993 год — орден "За личное мужество", 1994-й — орден Мужества, 1996-й — именное ору-

жие. В январе 1996 года "Витязи" принимали самое непосредственное участие в проведении спецоперации в селе Первомайское. Полковник Александр Никишин, к тому времени уже командир отряда, действиями подчиненных остался доволен. При освобождении заложников отряду удалось успешно и с минимальными потерями выполнить поставленную задачу. Спецназовцы под руководством командира прорвались в глубь населенного пункта, уничтожили боевое охранение радуевцев, а затем, из тактических соображений, отошли на окраину села и закрепились там. В ходе осады Первомайского разведчики отряда еще не раз скрытно пробирались в центр села, рискуя попасть под удары своей авиации. Собранные разведданные всегда оказывались ценными для руководителей операции. Во время разведки подчиненным Никишина удавалось не только добывать информацию, но и освобождать заложников. На их счету — десятки спасенных жизней.

Указом Президента РФ от 12 мая 1996 года за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, умелое руководство подчиненными полковнику Никишину Александру Николаевичу присвоено звание Героя России.

**Полковник
Лысюк
Сергей Иванович**

Вся офицерская служба Сергея Ивановича Лысюка неразрывно связана с ОМСДОном. Более 15 лет он посвятил созданию и развитию спецназа внутренних войск. Еще несколько лет назад войсковой спецназ невозможно было представить без Сергея Ивановича. Первая рота специального назначения, сформированная к Московской Олимпиаде как антитеррористическое подразделение, стала со временем батальоном, а затем превратилась в отряд "Витязь", которым многие годы командовал Лысюк.

Боевое крещение он получил в Сумгаите в феврале 1988 года. Спецназовцам была поставлена задача — отсечь от толпы зачинщиков массовых беспорядков. Справились тогда в основном за счет общефизической подготовки. Мудрость пришла с опытом, а опыта отряд набирался в Фергане, Нагорном Карабахе, Ереване, Баку, других горячих точках эпохи перестройки.

Неоднократно Сергей Иванович руководил своими подчиненными при проведении специальных операций по освобождению заложников. Уверенно и решительно действовали спецназовцы при обезвреживании террористов в сухумском изоляторе временного содержания, в одной из исправительно-трудовых колоний на Урале и при других чрезвычайных обстоятельствах.

Полковник Лысюк Сергей Иванович награжден орденами "За заслуги перед Отечеством" IV степени, Красного Знамени, Красной Звезды и "За личное мужество", медалями "За боевые заслуги", "За отличие в воинской службе" I степени. Указом Президента РФ от 7 октября 1993 года ему присвоено звание Героя России.

... Не погиб он и не умер.
Он ушел и где-то рядом.
Мы его салютом звездным
Проводили всем отрядом...

Группа "Голубые береты"

Погиб, спасая жизнь другим

Прапорщик "Витязя" Алексей: Несмотря на то, что Аргун сравнительно небольшой город, его можно чистить и две недели, и месяц, не вылезая оттуда. Все равно даже после этого там будут всплывать стволы и боеприпасы. Больно надежно они спрятаны. И всплывать они будут в руках "духов". Днем они — мирные жители с реальными паспортами, а ночью два-три таких "законопослушных" гражданина придут в схрон, возьмут оружие да обстреляют войсковую заставу или инженерную разведку... Борьба с такими боевиками очень трудно. Поймать практически невозможно.

Офицер "Витязя" Эдуард: Если бы не Бурий (сержант Сергей Буриаев. — Авт.), наша группа оттуда бы не вышла. Только после боя понимаешь, как морально силен тот человек, который, прикрывая своих товарищей, сознательно выбирает смерть. Выбирает ее для того, чтобы спасти жизнь другим.

Офицер "Витязя" сапер Александр: В подвале школы мы нашли несколько пластиковых бутылок с запаянными в пластид радиостанциями, настроенными на одну и ту же частоту. Смертоносная игрушка. Положить рядом с ней ящик с гвоздями,

28 марта, сразу после Дня внутренних войск МВД России, в чеченском городе Аргуне погиб военнослужащий 1-го Краснознаменного полка специального назначения "Витязь" сержант Сергей Буриаев. Для "витязей", у которых после первой чеченской кампании не было "двухсотых", гибель боевого товарища стала трагедией.

выйти на частоту и ... кранты всей группе. Только не учили "духи", что у нас на БТРах стоят специальные устройства, которые подавляют такие сигналы. Может быть, потому, что школу окружили БТРами, мы и не взлетели в воздух, а может, нам просто повезло.

На войне спецназ всегда готов к выполнению внезапно возникающих задач. Так было и на этот раз. По оперативной информации, в одной из школ на окраине Аргуна находился схрон с оружием и боеприпасами. Вероятно, его должны были охранять.

Задачу отряду поставили утром. Несколько минут на сбор — и колонна БТРов "Витязя" уже летит в сторону Аргуна. Указанный район нашли быстро: до этого спецназовцы не раз защищали этот город и поэтому хорошо знали его. Сразу выставили оцепление и провели рекогносцировку. Все сошлись во мнении, что место для схрона "духи" выбрали идеальное: школа стояла на пустыре, к ней примыкали несколько домов, где можно было так расположить огневые точки, что они простреливали бы все вокруг.

Здание школы тоже полностью подходило для организации схрона: для того чтобы спуститься в железобетонный подвал без окошек, нужно

было выбить две заколоченные толстенные двери. Да и подвал школы построили как будто специально для того, чтобы вести в нем боевые действия: комнаты, разделенные железобетонными перекрытиями, друг с другом напрямую не стыкуются, зато окошек, через которые можно вести огонь, очень много.

Саму школу зачистили быстро: в П-образной трехэтажке кроме поломанной мебели да выбитых стекол ничего не оказалось. Оставалось почистить подвал здания. Перед заходом штурмовые группы еще раз согласовали действия. По оперативным данным, в подвале школы могли находиться "духи", охраняющие склад. Помимо этого, фээсбэшники еще подкинули "радостную" весть: по их данным, подвал школы мог быть соединен подземными ходами с близлежащими домами. Отрядовские БТРы ошетинились стволами в сторону окон пятиэтажек, а бойцы групп прикрытия рассредоточились около домов.

В подвал решили бросить несколько штурмовых групп, которые вошли с разных направлений. Пошли вслепую: не было ни карты, ни даже рисунка помещения. А он бы не помешал: темень в подвале непроглядная. Лучи мощных фонарей выхватывали куски стекловаты, лежащие в песочной пыли, да небольшие окошки на уровне головы — идеальные бойницы для обороняющихся.

Передвигались очень осторожно. Фонари включали лишь на доли секунды, для того чтобы сориентироваться и найти проход в следующую комнату. Осмотрели несколько помещений. Группа, в которую входил и сержант Сергей Бурнаев, в первой комнате сразу же обнаружила снаряд для установки фугаса, а из другой комнаты бойцы вытащили замаскированную спортивную сумку, в которой нашли автомат с подствольником и разгрузочный жилет с боепри-

пасами. Для начала неплохой улов. А впереди спецназовцев ожидало еще больше двух третей подвала.

Две другие комнаты оказались пустыми, а в третьей... Как только первый солдат влез в окно — сразу раздалась автоматная очередь. Обычно "духи" не светятся, сидят до последнего, надеясь, что их не заметят. Эти или обкуренные были, или просто нервы сдали, ведь с начала операции прошло уже немало времени, а шум с улицы в подвале был хорошо слышен. Комнату, где сидели боевики, "витязи" забросали гранатами. Штук десять смертоносных подарков влетело в окошко. Взрыв гранаты в подвале — вещь страшная. Укрыться или спрятаться практически невозможно — осколки рикошетят от стен. Сразу, через доли секунды после последнего взрыва, пока еще не осела песочная пыль, штурмовая группа, светя фонарями, влетела в комнату и обнаружила двух боевиков. Они сидели оглушенные и в этот момент вряд ли понимали, что происходит. "Духов" вытащили на улицу. Один, тяжело раненый, — не жилец, а второго осколки зацепили всего в нескольких местах. Он был еще интересен оперативникам.

На улице около отрядовских БТРов и прибывших на подкрепление солдат оперативной бригады Приволжского округа внутренних войск, которые также находились в оцеплении, стали прохаживаться люди. Их интерес был объясним — горка оружия около боевых машин все росла: другие поисковые группы, работающие в другом крыле подвала школы, также находили оружие. Движение жителей поначалу не вызывало подозрений, но уж больно близко дома стояли, с верхних этажей которых солдаты были видны как на ладони. Да лица одних и тех же молодых людей примелькались. Хотя с документами у них вроде все оказалось в порядке.

А в подвале, в комнате, где сидели боевики, группа нашла внушительный арсенал: несколько автоматов с подствольными гранатометами, спальные мешки, патроны, гранаты и выстрелы к гранатомету.

Тщательно осматривая комнату за комнатой и находя оружие, поисковые группы, шли навстречу друг другу. Между ними сидели обреченные боевики, приготовившиеся к смертельной схватке. "Духи" знали, что из подвала они живыми не выйдут. Поэтому их задача сводилась к минимуму — прихватить с собой на тот свет побольше военнослужащих. В своей штурмовой группе сержант Сергей Бурнаев шел впереди всех...

Для Сергея эта командировка была уже не первой. Еще солдатом-срочником на полгода попал в Чечню. Он с детства хотел стать военным и мечтал о службе в воздушно-десантных войсках или в спецназе. Его мечта сбылась — он попал служить в колыбель спецназа внутренних войск — полк специального назначения "Витязь". Несмотря на тяжелые физические нагрузки, служить здесь Сергею нравилось. Незадолго до командировки он подписал контракт о прохождении службы в этой части, избрав местом службы одно из самых боевых подразделений "Витязя" — разведроту, коллектив которой стал для него второй семьей.

... Для дальнейшего прохода спецназовцам надо было влезть в окно размером чуть больше форточки. Крепким парням в бронежилетах с оружием и боеприпасами сделать это было непросто. Сергей первым влез в окно и стал прикрывать подход остальных. Бойцы группы отправились вслед за ним. Неожиданно из темноты в упор раздалось несколько автоматных очередей. Боевики били из амбразуры в стене. Мгновенно оценив обстановку, солдаты и офицеры "Витязя" бросились к спасительной железобетонной стене, кото-

рая разделяла их и "духов". В сплошной темноте, ослепляемые и оглушаемые вспышками и разрывами гранат, "витязи" сгруппировались и вступили в бой. В пылу схватки не заметили, что один офицер ранен, а из брови одного сержанта-срочника сочится кровь — лоб задело осколком. Бурнаев оказался ближе всех к боевику. "Духи" отсекали его огнем и не давали остальным подобраться. Поначалу Сергей кидал гранаты в проем, а когда осталась одна для себя, стал стрелять с вытянутых рук: прицельно бить не давали вражеские пули.

В это время группа стала откатываться назад — заканчивались боеприпасы, да и раненых надо было вытаскивать. Старший кричал Сергею, чтобы он отходил. Его прикрыли бы, но Бурнаев знаками показывал, что он останется и сам прикроет остальных. Возможно, он видел то, чего остальные не видели. Подбежавший к выломанной БТРом двери предпоследний солдат на секунду замер: в глубине подвала раздался взрыв. Сразу же за этим в подвал ворвалась другая штурмовая группа из разведроты "Витязь". В темноте было тихо. Лишь вдалеке, в правой стороне подвала, слышались выстрелы. Два "духа" пошли навстречу группам, зачищавшим другое крыло. Выйти им не дали. Разведчики обнаружили тело сержанта и нескольких убитых им боевиков. Сергей лежал лицом к врагам, сжимая в руках искореженный взрывом автомат. Даже в последний миг жизни он думал о том, как прикрыть братишек.

"Витязи" прощались с Сергеем Бурнаевым в подмосковном Реутово. По традиции спецназа, гроб с телом сержанта вынесли перед личным составом части. После этого сопровождающие Сергея офицеры полка "Витязь" повезли сына к родителям в Тулу.

Согласно Указу Президента Российской Федерации № 992 от 16 сентября 2002 г. сержанту Сергею Александровичу Бурнаеву за мужество и героизм, проявленные при выполнении служебно-боевых задач по уничтожению бандформирований, присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). А совет "красных беретов" отряда специального назначения "Витязь" единогласно постановил вручить родителям погибшего товарища красновышитый берет.

Капитан Альберт КУДРЯШОВ

Прапорщик Терешкин Олег Викторович

Свою срочную службу Олег проходил в отряде специального назначения "Витязь". Именно здесь рядовой Терешкин постигал азы спецназовского мастерства. После увольнения в запас он работал инспектором пожарной части в родном городе, но вскоре решил вернуться во внутренние войска — стал прапорщиком, заместителем командира взвода в отряде специального назначения "Росич" Северо-Кавказского округа внутренних войск.

18 апреля 1995 года бойцы и командиры отряда спецназа "Росич" совершили групповой подвиг. Отряд продержался на стратегически важной высоте ценой жизни десяти парней, четверо из которых посмертно стали Героями России. Они ввязались в бой с превосходящими силами противника и победили.

— Прапорщик Олег Терешкин, будучи тяжело раненным, видя, что бандиты имеют значительный перевес, и чувствуя, что его силы на исходе, встал в полный рост и пошел с автоматом на врага, стреляя прицельно, взяв в уплату за свою молодую жизнь несколько вражеских...

Указом Президента РФ от 20 июля 1996 года прапорщику Терешкину Олегу Викторовичу присвоено звание Героя России (посмертно). Приказом министра внутренних дел он навечно зачислен в списки отряда специального назначения "Росич". Олег заслуженно стал гордостью двух отрядов, ведь и в "Витязе" он навсегда свой.

Рядовой Ситников Николай Юрьевич

В 1993 году Николая призвали на воинскую службу. По распределению он попал во внутренние войска, в отряд специального назначения "Витязь". Неоднократно выполнял боевые задачи в горячих точках, принимал участие в специальных операциях по освобождению заложников и разоружению боевиков. Не раз приходилось Николаю смотреть смерти в лицо, но судьба благоволила ему и уводила из-под удара. Так было и во время его командировки в зону осетино-ингушского конфликта. Тогда дозор наткнулся на группу боевиков, которые обрушили на воинов шквал огня. В результате обстрела кумулятивная граната попала в башню БТРа, ранив механика-водителя. В этот раз Николай и остальные бойцы чудом остались невредимы. Не уберется рядовой Ситников при выполнении другого задания.

В тот день отряд получил задачу по охране важного государственного объекта. Николай заступил на боевой пост. Около полуночи обстановка вокруг охраняемого объекта резко обострилась, раздались первые выстрелы. Спецы действовали смело и решительно, никто не оставил свой пост. В эти минуты на втором этаже здания, где находился Николай, раздался оглушительный взрыв, который оборвал жизнь девятнадцатилетнего солдата.

Указом Президента РФ от 12 мая 1996 года за мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, рядовому Ситникову Николаю Юрьевичу присвоено звание Героя России (посмертно). Он навечно зачислен в списки воинской части.

“Уходим все, или не уходит никто!”

Майор запаса Борис Ивонин:

— На исходную мы выдвинулись затемно, только-только начинало светать. Замысел был такой: вначале по высоте 541,9 отработает авиация, потом с полчаса ее поутюжит артиллерия, а на рассвете пойдём мы, чтобы, выбив оттуда “духов”, закрепить на ней и обеспечить подход к высоте второго полка нашей дивизии. Но, как часто бывает на войне, планы пришлось корректировать. Не в нашу пользу. Авиация прилетела на пять часов позже, артиллеристы тоже начали долбить по высоте с трехчасовым опозданием. Из-за этого мы получили команду на штурм не в пять-шесть утра, а только к обеду.

В общем, скомандовали нам “Вперед!”, мы тут же переправились через небольшую речушку и двинули по дороге. Проскочили Али-Юрт, катим на своих “коробочках” вдоль ущелья. Кругом тишина, птицы поют, обстановка успокаивающая такая, будто “духов” никаких поблизости и в помине нет. Только метров через пятьсот, в районе ущелья, вдруг взрыв бахнул: то ли “сигналка” сработала, то ли граната шальная откуда-то прилетела. И опять тишина.

Добрались мы до леса, что эту высоту покрывал. Там как раз дорога разветвлялась: влево уходила хорошая, накатанная, а прямо — колея неразъезженная. Вот по ней мы и двинули.

Группа моя шла в тыловой заста-

ве. Отряд весь вперед рванул, я же со своими бойцами прикрывать сзади остался. Через какое-то время слышу: сверху пальба началась. И через минуту мне по рации команда: “904-й, поднимайся вперед”. Собрал я своих братишек, вновь бэтээры оседлали и пошли.

Выбрались на полянку небольшую, на ней перед лесом несколько “коробочек” наших стояло. Я еще слезть не успел, только подумал: “Как неудачно бэтээры поставили, если что — “чечи” мигом их раздолбают...” И тут же: ба-бах! Пара снарядов прямо на поляне рванула. И тут по рации Андрей Максимов, контрактник из первой группы, докладывает: “Костю Смирнова убило!...” И следом команда: “904-й, вперед!”.

Молодых бойцов я оставил на поляне, объяснил, куда стрелять и куда отходить, если что, а с остальными — на помощь головному дозору. Сначала хотели, как положено, за броней пойти, но там на поляне трава будь здоров — густая, высоченная, бежать абсолютно невозможно, пришлось — по колее.

Углубились в лес, рассредоточились слева у БТРа, тут выскакивает к нам Бес — рядовой Андрей Безденеж-

ных, это прозвище у него было такое — и орет: “Убирайте “коробочку”, сейчас подобьют ее к...!” Мы бэтр отогнали в укрытие, я Андрюху спрашиваю: “Где “духи”?”. Он отвечает: “Там...”. И вверх показывает.

Двинулись туда осторожно, вижу, навстречу бойцы из соседней группы бегут, несут кого-то. Ближе подходят, смотрю — Валя Лелека, тяжело раненый. Я им: “Несите быстрее вниз, там наши с “коробочками”. Ситуация, конечно, была малообнадеживающая: влипли мы на этой горке конкретно. Но ничего — дальше вверх рванули.

Еще сотню-другую метров прошли, и тут вокруг — взрывы. Видать, засекли нас “духи”. Не успела осесть взметенная взрывом земля, как новый черный фонтан встает перед глазами. Ни черта не видно, откуда долбят и куда дальше идти. Кое-как сориентировался и перебежками повел своих наверх. Нашел более или менее защищенное местечко, оттуда, из-за укрытий, удобно вести огонь. Рассредоточил бойцов, нарезал им секторы обстрела.

Огляделся, вижу — просека небольшая. А за ней в глубине леса канонада грохочет, очевидно, там головной дозор наш бьется. Дай, думаю, пробегу по этой просеке, может, удастся незаметно для “чехов” к своим подобраться. Только побежал — рядом что-то хлопнуло и тупо шархнуло по колену, будто валенком.

Упал я, лежу, боли поначалу не чувствовал. Очухался, подполз к своим: “Парни, меня зацепило! Давайте наверх, там местечко хорошее есть, удобное для позиции”. Жохов Дима, контрактник, и еще один боец меня подхватили, взяли мой автомат и поволокли.

Выбрались на опушку, положили меня в кусты, вызвали по рации “ко-

робочку” да еще из ракетницы пару раз пальнули — место обозначить. Бэтр подскочил почти сразу же, ко мне док наш отрядовский, прапорщик Игорь Ляпоров, подбежал, промедол вколол, перевязал ногу. Я ему: “Кость задета?”. Он: “Да, есть чуть-чуть, не переживай, до свадьбы заживет”.

Положили нас, раненных, под кустами, а сами на “таблетке” за остальными наверх понесли. Тут как раз опять стрельба началась, кто-то рядом закричал: “Нас окружают!” До меня дошло, что автомат мой бойцы забрали, только гранат штук пять на поясе осталось. Глянул я вверх, а там — небо такое синее-синее, солнышко светит... И тогда мне вдруг так остро-преостро жить захотелось...

Вскоре бэтр наш вернулся, загрузили нас всех туда скоренько, рванули с горы этой прочь. Кругом долбят всюю, автоматы трещат, гранаты бухают, а у меня все та же мысль в голове засела: “Надо раздобыть срочно оружие...” Визу: со мной рядом боец раненый, у него осколком глаз выбило, а на плече — “калашников”. Я у него тут же забрал автомат, в бойницу высунул, и чуть откуда пальнут — я тут же очередь в ответ. Потом сверху стучать начали: “Все, вышли. Не стреляй!”.

Подъехали туда, где на позициях второй полк стоял. Люк открыли, я окликнул кого-то из офицеров и говорю: “Там наши на высоте влипли, давайте выручайте!..” И дальше покатили.

Только через речку переехали — у бэтэра нашего движок заклинило. Те бойцы, что с нами на броне ехали, стали машины тормозить. Таким макаром поймали мы “жигуленок”, там мужик был за рулем и две женщины.

Объяснили им, что к чему, и нача-

ли самых тяжелых загружать. А с нами в “коробочке” парнишка был, связист, его буквально всего осколками нашпиговало, весь перебинтованный, кровью сочится. Женщины эти, чеченки, его увидели — и давай голосить на разные лады. Короче говоря, загрузили в легковушку паренька этого и еще двоих “трехсотых”, туда же кто-то из бойцов, что “таблетку” сопровождали, втиснулся, и отправились в полевой госпиталь.

Глядим — “уазик” на дороге показался, наш, из дивизии. Запихнули туда еще нескольких раненых, только тронулись и... машина заглохла. Прямо по закону подлости.

На наше счастье, откуда-то КАМАЗ нарисовался, тоже наш, дивизионный. Нас всех по-быстрому в него загрузили и — в медсанбат наш полевой. Ну а оттуда — вертушкой в госпиталь. Вот так я тогда повоевал. Одно утешало: нашел на высоте для своих бойцов выгодную позицию. Может, кому-то и жизнь тем сохранил...

А не вернувшихся из боя на той проклятой высоте до конца буду помнить. Как живые они перед глазами стоят: рядовые Костя Смирнов, Андрей Арефкин, прапорщики Валя Лелека и Дима Расщупкин...

Рядовой запаса Дмитрий Купцов:

— В этот бой “старики” шли вместе с молодежью. Подбадриваем пацанов: “Ничего, скоро матерыми спецами станете. На войне быстро боевую науку постигают. Самое важное для начала — не праздновать труса и не лезть на рожон. Смотрите, как “старики” работают, да на ус мотайте”. И себя мысленно успокаивали — с нами две приданных бээмпэшки. Все веселее, под прикрытием брони-то.

Остались на поляне. Меня и Старого — так сослуживцы прозвали Славу Потапова — командир отправил в дозор. Пошли вдоль просеки. Кругом кусты, деревья, да еще и мгла пред-рассветная — мало что разглядишь. И все же заметили свежие следы от берцовок, нашли около деревьев брошенные лопаты. Просека превратилась у небольшой поляны. На ней мы сразу увидели землянку, рядом с которой была оборудована позиция СПГ. Мы вроде не шумели, действовали осторожно, маскировались, но у "духов" ушки на макушке, глаз-алмаз, засекли нас, выскочили из землянки. Мы влупили по ним. Бандиты, отстреливаясь, скрылись в зеленке как раз в тот момент, когда у нас закончились патроны в магазинах.

Пока меняли рожки, один из бойцов неожиданно оказался почти рядом и открыл огонь, можно сказать, в упор. Меня спасло лишь то, что я успел сгруппироваться, покатился кубарем по земле. В это время Старый перезарядил автомат, выпустил в "духа" очередь. Тот упал замертво. А мы заняли позицию за дорогой, у обочины. Связались по рации с отрядом. За командира тогда был подполковник Сергей Адамчук. Он выслал подкрепление. Видим, мчится БМП, бойцы наверху сидят. Старый и я в один голос: "С брони, мать вашу!..." Те скатились горохом. И в эту секунду "дух", гад, из "граника" грохнул. Командир экипажа высунулся из люка — осколки в него пришили. От удара крышку люка сорвало.

На помощь прибежали прапорщик Дмитрий Расщупкин и еще один боец. Стали поливать очередями зеленку. Оттуда грохнул РПГ. Между нашими братишками разорвался выстрел. Погибли ребята...

Началась беспорядочная пальба.

Из леса выбежал прапорщик Валентин Лелека. Мы его в шутку называли замом по хозяйственной части. Он отлично готовил, и это было его дело. На операции ездил редко. Валентина и в этот раз отговаривали, но он упирался: "Хочу со "стариками" прокатиться. А то ведь за кастрюлями и войны не увижу".

Лелека подбежал к боевой машине, стал вытаскивать раненых и погибшего. На какое-то время он пропал из виду — обходил БМП с другой стороны. Потом я его увидел выползающим между колес: он был белый как мел. Пуля угодила ему в спину. Мы оттащили его в зеленку.

Бой все не утихал. По второй БМП снова ударил гранатомет. Появились новые контуженые, раненые. Механик-водитель растерялся, побежал. Трудно, конечно, не спецназовцу сохранить выдержку в такой заварухе.

Мы перебежали на другую сторону дороги, начали оттащить раненых. Ни своих, ни чужих не видно, только пули над головами свистят. Мне показалось, что нас из группы всего трое невредимых осталось: я, Старый и рядовой Дубинин. А потом и Дубинин упал. Кровь ему голову залила. Подполз — понял, что рана не смертельная: осколок по касательной прошел. Достал промедол, вколол. Дубинину полегчало.

По врагам мы стреляли скорее наугад, но так плотно, что "духи", боясь попасть под пули, откатились в глубь леса, и у нас появилась возможность оглядеться, прийти в себя. Нашелся водитель, он отвел БМП в низину, где, как нам казалось, безопасней. Но только начали грузить раненых, как опять грохнул выстрел РПГ. Осколки посеки тех, кто и без того лежал в крови.

Машина ушла. Бой продолжался,

но мы чувствовали себя увереннее, от былой растерянности не осталось и следа. Как клин вышибают клином, так и здесь: увидев кровь, впервые попав в такую переделку, о которой раньше только слышать приходилось, мы вспомнили, чему нас учили офицеры. И стали действовать грамотно, слаженно, уже не теряя друг друга из виду. Неразбериха закончилась, началась солдатская работа. Выбили боевиков с позиции СПГ, оттеснили их поглубже в зеленку, стали чаще стрелять из подствольников.

Казалось, враг рассеян, особых неприятностей с его стороны уже можно не ждать, но тут взрыв раздался прямо над Андреем Арефкиным. Осколок навывлет прошиб Андриюхе всю правую сторону груди. Он пытался мне что-то сказать, но не мог: кровь пошла изо рта.

А ведь Андрей оказался здесь вместе с нами, можно сказать, случайно. Он лишь накануне вернулся из госпиталя, и через считанные дни должен был ехать домой, на дембель, даже оружие уже сдал. Но упросил командиров взять на последнюю операцию: "Чтоб было что дома вспомнить, да и с отрядом вот так, по-боевому, попрощаться хочу".

Прощался... Братишка наш, братишка!

Позже сказали, что бой шел три часа, хотя нам всем показалось, что всего минут пятнадцать, не больше. С нашей стороны были потери — убитые и раненые. Именно в том бою я понял, что такое война, и как это горько — терять друзей. И как трудно дается победа над врагом. Но она, победа, обязательно придет!

Полковник Игорь Соловьев, старший офицер управления по воспитательной работе Главного ко-

мандования внутренних войск МВД России, кандидат психологических наук:

— В Чечне познакомился с замечательным парнем. Его философским и гуманитарным знаниям можно только позавидовать. Вот одна из его мыслей по поводу российского воинства. В мировой истории было три великих армии: монгольская, прусско-германская и русская. Первая брала своей многочисленной конницей, вторая — железной дисциплиной, а наша — жертвенностью. Ведь только наш воин, обрекая себя вместе с врагами на верную смерть от собственной гранаты, остается прикрывать отход своих товарищей. Или, вынося с поля боя тело убитого и двух раненых товарищей, буквально вытаскивая их под шквальным огнем засевших в зеленке дудаевских боевиков, теряет еще троих ребят убитыми и пятерых ранеными. Уверен, что только у наших российских спецназовцев не определяемый уставом принцип "Уходим все, или не уходит никто" мог стать одним из основных законов боевой работы. Только наш солдат, поливаемый свинцом из бандитских стволов, потоками лжи с телеэкранов и страниц газет, подвергается обвинению "правозащитников", забывших о том, что солдаты — граждане своего государства, которых оно может послать на смерть. Кормили их китайской тушенкой и серого цвета крупной непонятного происхождения (дефицит бюджета, инфляция и прочее — объяснений находилось великое множество, только вот склады войск ими не заполнишь). Неделями и месяцами отдыхают спецы по три-четыре часа в сутки в перерывах между обстрелами боевиков, но цепляются на антенны своих бэтээров российские флаги, а на заношенный за три-четыре месяца войны в сырых и грязных окопах, латаный-перелатаный камуфляж — значки с государственной символикой. Только российский офицер, семья которого ютится в убогой общаге или занимает угол в солдатской казарме, получая в месяц денежное содержание вдвое меньше зарплаты водителя столичного автобуса, прикрывая отход своих солдат, оставляет сиротой двухлетнего сынишку и вдовой молодую жену, которая в полной мере испытает, потеряв кормильца, всю "прелесть" экономических реформ.

Знаю, что причиняю боль вдовам

и сиротам той войны, но не сказать об этом не могу. Хотя бы потому, что нельзя не говорить об этом. Ведь принимал же в Белом доме президент Соединенных Штатов пилота самолета, сбитого за тысячу миль от родных берегов над территорией бывшей Югославии, ведь встречала вся Америка как героев своих солдат после войны в Персидском заливе, после защиты так до сих пор и не понятных мне национальных интересов американцев. А у нас много ли чествовали воинов-героев, совершавших подвиги во имя того, чтобы положить конец терроризму и бандитизму на Северном Кавказе, сохранить целостность России? Нет, на экранах телевизоров, на страницах газет мелькали совсем не те лица. А достойных защитников Отечества обливали грязью, обвиняя во всех мыслимых и немыслимых грехах. Да и сейчас не больно-то жалуют государевых слуг хозяева СМИ. И я никогда не поверю, что людей долга и чести охаивали по недомыслию. Нет. Это делалось сознательно, целенаправленно и не без корыстного умысла.

По всей видимости, вселяли страх в кого-то люди, способные достойно противостоять подлости, преступности, коварству и ненависти. Иначе чем объяснить, что во время первой чеченской войны задача дискредитации внутренних войск в глазах общественности для некоторых средств массовой информации стала одной из самых актуальных. Доставалось всем — и окопникам измученным, и гор-

дому спецназу. Что ж, Бог им судья, ненавистникам армии и войск правопорядка. А солдаты, которые под пулями боевиков кроме веры в себя, своих боевых командиров и товарищей обрели еще и веру в Бога, которая помогает и поддерживает их, знают, что если Бог на свете есть, то и судный день наступит. Для всех недругов России. А Бог рассудит.. Ведь не зря перед убийством мотострелковых батальонов и спецназовских отрядов в Чечню батюшки благословили солдат и офицеров и собственноручно, начиная с командиров, повесили на шею каждому крестик, который никто с себя так и не снял, хотя для многих это был первый опыт приобщения к вере. И никому уж не придется упрекнуть вас, сыны Отечества, что креста на вас нет.

Низкий вам поклон, дорогие воины российские, за то, что своим мужеством, честью, выдержкой и жертвенностью вселяли веру в будущее нашей страны, за то, что вы в свои 18-19 лет оказались мудрее тех, для кого не существует ни чести, ни Отечества, ни веры, кому долларовая зелень застит глаза и усыпляет совесть. Вы знаете цену жизни и смерти, знаете, что такое дружба и братство, не со слов школьных педагогов и офицеров-воспитателей, а по рубцам в своих сердцах, оставленным гибелью товарищей. Вы видели последствия преступного режима и бандитского беспредела. Жители казачьих станиц на территории "независимой" Чечни, доведенные до отчаяния тремя годами дудаевщины, вас встречали со слезами и надеждой. Вы не дрогнули под страшным огнем боевиков в Грозном, Гудермесе, Самашках и Бамуте. В окопах под гитару вы пели: "...Не за копейки и рубли идем мы по земле Чечни, а чтоб тебя, Россия-Русь, великой звали".

Я преклоняюсь перед этими мальчишками. Знаю, что не допустят они развала своего Отечества. Слишком дорого заплатили.

...24 мая 95-го года. То, что видел в тот день, вряд ли смогу когда-либо забыть.

Рослый спецназовец, богатырь — хоть античного героя с него лепи — склонился над телом погибшего друга. Подхожу со спины. Едва не отшатнулся, когда посмотрел в его лицо, повернутое в мою сторону. Левая половина — сплошная рваная рана. На что-то надеясь, хотя вид глазницы никаких надежд уже не оставляет, спра-

шиваю: "Глаз видит?" — "Нет, не вижу..." — "Потерпи, брат, сейчас медики промоют, протрут, и все будет нормально". — "У них без меня работы хватает. Там тяжелые пацаны..."

Переводит взгляд на посеревшее лицо навсегда замолчавшего друга, лежащего на синем армейском одеяле рядом с медицинской палаткой. Ему уже помочь нельзя...

"Димка... После этой командировки собирался увольняться...Завтра должна прилететь замена..."

Опять рев двигателя несущегося к палатке с красным крестом БТРа.

Навстречу бежит спецназовец-контрактник. С бэтэра кричат, чтобы не бежал, у них убитый. Останавливается, провожая взглядом броню, и выдыхает: "Кто?"

Ответа я не расслышал. Он потонул в крике этого сильного, мужественного парня, зарывавшего не только от потери боевого друга, но и от досады, что не был рядом с ним в этом бою...

Под палящим солнцем семь часов ждали, когда начнут работать армейские соколы на Су-25. Не понятно, по какой причине вместо четырех часов утра прилетели почти в одиннадцать. И в результате отряд специального назначения "Витязь" при выдвижении с исходного рубежа на высоту 541.9 попадает под шквальный огонь уже поджидавших его боевиков. Точно на направлении наступления отряда, в хорошо подготовленном опорном пункте. Пятеро убитых и восемь раненых. Высота осталась у боевиков.

25 мая. Смотрю на начальника штаба "Витязя". Сколько лет жизни отнял у него вчерашний бой? Сколько нужно времени, чтобы пережить утрату своих подчиненных, каждый из которых уже давно стал ему как родной?

"Завтра идем на высоту..."

Молчу. Могу представить, каково начинать все заново, если вчерашние усилия оплачены кровью, которую еще не успела впитать земля на той злосчастной высоте. Хотя знаю, что эта высота — ключ к успеху всей операции. И он это знает, и подчиненные его это знают. Поэтому спрашиваю, не сомневаясь в том, что услышу в ответ: "Как ребята?" — "Пойдут... Мы же спецназ. Высоту брать надо..."

27 мая. На высоте 541.9 закрепляются подразделения одного из полков ОДОНа. Отряд "Витязь" задачу выполнил. Спротивление "духов" было сломлено практически без потерь с нашей стороны. Спецназовцы действовали дерзко и уверенно, а дураевцы уходили с высоты, побросав в окопах полного профиля и в блиндажах в три наката продукты, боеприпасы, мины. Даже в чайнике над потухшим костром вода не успела остыть. Утащили лишь трупы и раненых (судя по следам крови и окровавленным обрывкам одежды, их было немало). Оборудование опорного пункта "борцов за независимость Чечни" отвечает всем канонам инженерного искусства. Чувствуется наставничество опытного закордонного инструктора, а опыт, оплачиваемый хрустящей валютой, — это не энтузиазм "ополченца". Наверняка знает тот иноземный инструктор, что для взятия подобных хорошо оборудованных в инженерном отношении позиций нужна мощная и плотная работа авиации и артиллерии, которой во внутренних войсках кот наплакал. Да и расчеты четырнадцати "саушек", приданных из разных частей Российской армии, в ходе этой операции продолжали обучаться, потому что воинской специальностью начали овладевать непосредственно на этой войне. В то

время пригласить бы туда "знатоков" оперативной обстановки, которые давали оценку внутренним войскам, сидящим, по их утверждениям, в тылу или занимающимся мародерством то ли от безделья, то ли от жажды жизни. Предложить бы им тогда "помародерствовать" вместе с нами. Впереди была высота 606.4, а за ней еще с десяток наберется до самого Ножай-Юрта. Хорошая представлялась возможность вкусить всю прелесть "тыловой" жизни внутренних войск.

Это только на эзоповом языке подобные действия могут называться специальной операцией по разоружению и ликвидации незаконных вооруженных формирований. Друзья-армейцы, с которыми учился в училище и академии, служил до перевода во внутренние войска, знают, что такое наступление в горно-лесистой местности на заблаговременно подготовленные позиции противника. Новые боевые друзья из внутренних войск теперь тоже знают. Хотя готовились к выполнению других задач. Ну что же, век живи — век учишься. А ученики "витязи" и их братишки из других элитных частей способные, только вот танковых и артиллерийских подразделений, необходимых для подобной "учебы методом практических занятий", у них по штату не предусмотрено. Вот и приходилось проявлять свои способности, компенсируя недостаток боевой техники и артиллерийских систем.

Мужество и выдержка солдат вырвали, их величайшее терпение и вера в командиров...

**Записал полковник
Юрий КИСЛЫЙ**

Капкан на банду Басаева

*Старший лейтенант запаса
Владимир Кургин:*

— Фергана, Абхазия, Армения, Азербайджан, Молдова, Карабах, Южная Осетия — эти адреса горячих командировок, по которым спецназовцы мотались начиная с 88-го года, стали ближним зарубежьем, страна ужалась, как шагреновая кожа. Но работы у “витязей” не убавилось. Пожар конфликтов переметнулся на территорию России, и мы продолжили колесить по дорогам и серпантинам теперь уже Северного Кавказа, нацеленные на все те же задачи — найти, изъять, задержать, обезвредить...

Осень 92-го застала отряд в Карачаево-Черкесии. Размещались мы на пустующей турбазе близ Дамхурцского перевала, километрах в шести от небольшого селения Пхия. В те живописные места, понятно, не для отдыха спецназ забросили. И представляли для нас интерес люди, далекие от романтики туристических походов. Командование располагало информацией о передвижениях боевиков, прибывших из мятежной Чечни. В достоверности этих сведений мы вскоре сами убедились.

...Вечером после очередной засады в горах вернулись на базу и только рассупонились с приятными мыслями об отдыхе, подполковник Лысюк командует: “Группа Кургина — в ружье!” Пока бойцы вооружаются, говорит мне: “Позвонил председатель сельсовета — в Пхию зашли несколько вооруженных боевиков. Скрытно выдвигаешься и производишь захват”.

Дело привычное. Садимся на бэтры, едем. За четыре километра до села спешиваемся, чтобы не спугнуть неизвестных звуком двигателей — слышимость в горах на много верст, оставляем у брони охрану и топаем на охоту. Впереди разведдозор во главе с замполитом ГСН старшим лейтенантом Зуевым. Темнота крошечная. Бежим на ощупь, не включая фонарей. У окраины села рассредоточились, ждем сигнала нашей разведки.

Деревушка еще не спит. Светятся окна домов. Прислушался: вроде всё спокойно, никакого шума. Если “гости” еще там, значит, ведут себя тихо, селян не напрягают. А может, у залетных боевиков с местными вообще приятельские отношения? Тут же Кавказ, свои традиции. Впрочем, сейчас

не важно, как привечают здесь вооруженных чужаков, главное для нас — чтобы боевики были в куче, тогда легче их взять.

Через пять минут Алексей Зуев докладывает по рации: “Вижу четверых мужчин. Похоже, вооружены. Сидят на лавочке. Один гранатой играет, подбрасывает в руке”.

Мы перебежечками, скрытно, от дерева к дереву, от столба к столбу приблизились к “клиентам”. И внезапно из темноты: “Ни с места! Руки за голову!”. Не успели мужички опомниться — уложили их на землю, связали, обыскали. У каждого из гостей были пистолет и гранаты. Застигнутые врасплох, боевики долго не могли в себя прийти.

Вызвав броню, быстро прочистили село, оно оказалось совсем крошечным, дворов пятнадцать всего. Нигде чужих нет. Поговорили с председателем, опросили местных жителей. Сказали нам, что всего было двенадцать боевиков, эти четверо собирались заночевать в Пхией, а остальные, вооруженные автоматами, еще засветло ушли с проводником вдоль реки.

Привезли захваченных мужчин на базу, там с ними сразу же начали ра-

ботать особысты. Выяснилось: взяли мы абхазов, а те, что в горы ушли, — чеченцы. О чем еще рассказали на допросе пленные, мы не любопытствовали. И так было ясно, какая нелегкая занесла сюда боевиков из Чечни: по соседству, за хребтом — воюющая Абхазия.

А через несколько дней — вновь команда “В ружье!”. На этот раз Сергей Иванович поднял по тревоге все боевые группы. В спешном порядке выдвигаемся на основную трассу. Информация по радиостанции такая: по дороге идет колонна из двенадцати автобусов, битком набитых чеченскими боевиками. Якобы направляются в Сухуми, помогать абхазам. Задача — срочно перекрыть дорогу, устроить засаду и любыми способами остановить. Позже я узнал от Лысюка, что приказ ему отдал генерал Анатолий Сергеевич Куликов, в то время начальник управления оперативных и специальных моторизованных частей Главного управления командующего внутренними войсками. Выбрали идеальное место для капкана на банду чеченских “волонтеров”. Река, мост, с одной стороны отвесная стена, с другой — обрыв метров сорок глубиной. Установили фугасы вдоль обочины на повороте, дополнительно заминировали крутой склон, чтобы устроить обвал. Бэтры укрыли в расщелинах близ дороги, тоже очень удачно — у наводчиков был хороший обзор для ведения прицельного огня из пулеметов. Бойцы заняли удобные позиции.

Прикинули вероятное соотношение сил. Нас три группы по 26 человек, у противника, судя по всему, не менее трех сотен штыков. Но в горах, даже при численном превосходстве врага, всегда побеждает тот, кто первым оседлал высоты. Так что мы бы

перебили их конкретно, вздумай “гости” пойти напролом.

Перекрыв дорогу одним бэтэром, приготовились к теплой встрече. Сергей Иванович и командиры групп — я, капитан Андрей Кончев и старший лейтенант Максим Котов — у брони, стоим на виду для ведения переговоров. Смотрим, едет “уазик” с тремя мужчинами кавказской наружности. Вышли, пытаются прощупать ситуацию: “В чем дело, почему дорогу закрыли?” А сами так и зыркают по сторонам, место засады “сканируют”. Ясно: разведка. Лысюк их вежливо отправил назад. Через полчаса — повторный визит на том же “уазике”, но люди другие. С виду дерзкие и наглые. Подступились с угрозами: “Смотрите, как бы вам жалеть не пришлось! Вы знаете, у нас колонна стоит. Если не пустите, будем прорываться”. — “Попробуйте, коли вы такие смелые”, — отвечает Сергей Иванович. — Но предупреждаю, у вас нет никаких шансов”. Убедившись, что на испуг нас не возьмешь, парламентары, громко хлопнув дверцами машины, убралась восвояси.

Лысюк по радиостанции доложил обстановку старшему начальнику. В ответ тот же приказ: “Любыми способами задержать!” А вскоре дополнительная информация поступила: оказывается, еще в районе Пятигорска боевики предусмотрительно взяли в тиски автобус, следовавший из Тбилиси с семьями российских военнослужащих, и теперь объявили их заложниками. Это ставило нас в трудное положение. Замысел операции пришлось менять: как только замыкающий автобус пройдет поворот, взрываем один заряд, отрезаем колонне путь отступления, двигаем навстречу заслон и предлагаем сдать оружие. Чеченцы не рискнут начать

расстрел заложников, ведь тогда вся банда в считанные минуты будет уничтожена. А едут воевать отнюдь не камикадзе. Так или иначе, боевики будут загнаны в тупик, и дальше останется лишь психологическое противостояние.

Проходит час, другой — колонны не видно. Тогда командир принимает решение ехать к месту стоянки чеченцев. Собирает офицеров, сержантов, сообщает о своем намерении, еще раз уточняет задачу, как действовать в случае попытки прорыва. Берет с собой меня, прапорщика Сергея Руднева, пятерых бойцов, и мы на бэтре отправляемся навстречу колонне.

Спускаемся вниз и, не доезжая до поселка на равнине, видим такую картину. На большой поляне стоят полукругом автобусы — ЛиАЗы, ПАЗы, два “Икаруса”, а между ними табуны боевики, до зубов вооруженные — обвешаны автоматами, пулеметами, гранатометами. Стволами оцетинились, точно ежики. У многих пулеметные ленты крест-накрест, “по-революционному”. Одеты кто в камуфляж, кто в “песчанку”, на головах зеленые повязки. Молодежи полно. Все настроены агрессивно, злые, как волки.

Сергей Иванович приказывает: “Ствол пулемета — в сторону, чтобы не провоцировать, мы вроде как на переговоры приехали. Через бойницы сосчитать, сколько у них людей и оружия. Предельное внимание, действовать только по моей команде”.

Подъезжаем. “Здравствуйте!” — “Салам алейкум!” К нам подходит коренастый, среднего роста чеченец с маленькой бородкой. Камуфлированные брюки, футболка, кепи на бритой голове. Глядит надменно. Взгляд тяжелый, пронзительный.

“Я командир батальона Шамиль

Басаев. У меня приказ правительства Ичкерии перейти перевал и оказать помощь братскому абхазскому народу в войне с Грузией". — "А у меня приказ не пропустить вас, — в тон ему отвечает Лысюк. — Что будем делать?" Басаев гнет свое: "Мы назад не повернем. Людей у нас много, оружия и боеприпасов много. С нами Аллах, будем прорываться". И для убедительности похлопывает рукой по кобуре с пистолетом. В ответ Сергей Иванович дает понять, что это напрасная затея, у спецназа тоже достаточно сил и средств, при любых обстоятельствах чеченский батальон будет остановлен и в случае сопротивления уничтожен. Полевой командир упрямо повторяет: "Пойдем на прорыв". Так ни о чем не договорились.

Басаев направился к своим ополченцам, дает команду: "По машинам! Вперед, поехали!" Начал играть на нервах, пошел ва-банк. Дескать, посмотрим, чья возьмет.

"Поехали, значит, поехали! — сказал Сергей Иванович. — У нас там все готово".

Пользуясь удобным моментом, я внимательно оглядел с бэтээра окна всех автобусов. Женщин, детей, безоружных мужчин в салонах не заметил. Значит, заложников где-то спрятали, чтобы использовать этот козырь в решающие минуты. А может, изменили свои планы и пленников отпустили, сделали ставку на какой-нибудь другой коварный прием. Но как бы то ни было, сейчас у нас руки развязаны. Маленько полегчало на душе.

Тронулись. Пропустив кавалькаду вперед, наш бэтээр пристраивается в хвост колонны, за нами едут только три автобуса. Лысюк передает по радиостанции: "Готовьтесь встретить по полной программе!" И вкратце обрисовывает ситуацию. В динамике встревоженный голос: "Командир, а как же... Вы ведь на броне в составе колонны идете...". — "Не волнуйтесь. Это не ваши проблемы, — успокаивает Сергей Иванович. — Мы себя в обиду не дадим".

По приказу Лысюка наводчик загоняет патроны в патронники пулеметов. Бойцам команда — на броню, оружие — с предохранителей...

Тепло, солнышко приветливо светит. Купаясь в его ярких лучах, старенькие "убитые" автобусы черепашьим ходом ползут в гору, и каждый драндулет — просто идеальная мишень. У меня аж настроение поднялось. Мысленно представляю картину

вероятного боя. Если чеченцы, увидев заслон на дороге, первыми откроют огонь, саперы тут же взорвут десять тротильных фугасов, которые вдоль обочины установлены. На повороте скорость колонны упадет до минимума, все автобусы будут опрокинуты взрывами. По ним начнут работать пулеметы бэтээров — в упор, расстояние от укрытых броников до поворота не более семидесяти метров. Поддадут жару гранатометы. Уцелевших бандитов камнепадом накроет. Уж и не знаю, что там останется для автоматчиков и снайперов. Ну а мы со своей брони по трем замыкающим машинам лупанем, как раз сподручно будет очередями поливать — под уклон... Но девяносто девять против одного, что события пойдут совсем по иному сценарию. Не дурак же, думаю про себя, этот самый Басаев — гробить людей лобовым прорывом. Поплефует и — на попятную.

Так оно и вышло. Колонна останавливается. Командир чеченцев подбегает к бэтээру, внешне невозмутимый, а внутри, как видно, кипит весь, спрашивает: "Ну что, вы не передумали?" — "А чего нам думать? У нас приказ, мы действовать будем", — улыбается Сергей Иванович. Басаев не выдержал, начал хамить. Но это нас только развеселило. Посидели, посмеялись — глядь, один автобус сдает задом и уходит в отвод между двумя скалами (на горных дорогах есть такие аварийные "карманы" на случай отказа тормозов), за ним другой, третий... Все автобусы, шедшие перед нашим бэтээром, влезли в этот "отстойник". Как видно, такие маневры у них были предусмотрены заранее. С помощью проводника наметили места для укрытия машин. Наверняка этот же проводник поведет их вьючными тропами через хребет.

Мы тоже подъехали к "карману", ждем, что будет дальше. Опять Басаев подходит, тащит с собой десятилитровую канистру спирта. Начинает "по ушам ездить": "Это вам, мы вас проверяли. Рад бы с вами выпить, но у нас в батальоне сухой закон". — "И у нас тоже, — говорит Лысюк. — Придется отложить до лучших времен". — "Тогда просто так поговорим, — не стал настаивать главарь. — Вы там долго со своей засадой стоять собирались?" — "Пока не поступит приказ снять заслон после того, как вы повернете назад". — "А если будет приказ и вы сымитируете отход, а сами нас накроете, когда мы дальше по-

едем?" — задает следующий вопрос Басаев. Чувствуется, дрейфит чеченец, боится спецназовской засады. "Ты же грамотный, командир, — отвечает Сергей Иванович. — Нам четко приказано задерживать вас. Любыми способами. И я этот приказ выполню. До встречи!"

С тем и распрощались. Возвращаемся к отряду. Стоим, ждем. Начинает смеркаться, и в это время подъезжает к нам "уазик". Водитель сообщает, что боевики спустили два пустых автобуса, набрали в поселке людей и едут сюда.

Лысюк по радиации немедленно передает эту информацию наверх. И где-то через час поступает приказ: срочно... снять засаду, покинуть турбазу и маршем — в Пхию.

Поплывались мы, помянули крепким словом непредсказуемые обстоятельства, за двадцать минут сняли фугасы, вернулись, очистили базу и поздно вечером разбили лагерь в селе. А Пхия — в стороне от маршрута, по которому следовали чеченцы. Они спокойно ушли.

Вот где досада душу скребла! Крепко ломали голову, пытаюсь догадаться, почему отменили операцию и дали боевикам зеленую улицу? Было обидно, что наши труды пошли насмарку — капкан так и не захлопнулся. Что в обход закона какому-то непонятному чеченскому формированию предоставили право беспрепятственно передвигаться по российской территории, а отряду спецназа, призванному обеспечивать порядок, не позволили выполнить ранее поставленную задачу. Высказывались разные предположения, но всё сводилось к одному: очевидно, принцип законности принесен в жертву каким-то важным интересам верхов. И не нашего ума это дело. Главное — служивым людям не приходится за себя краснеть. "Витязи" не оставили басаевским ополченцам, а точнее — бандитам, ни одного шанса выиграть поединок со спецназом. Просто наши пешки, зажавшие противника, были сметены с шахматной доски. Дабы не мешали вести игру по тем хитрым правилам, в которые иной раз даже генералов не посвящают.

Недавно мне попала в руки книга воспоминаний бывшего командующего внутренними войсками и министра внутренних дел Анатолия Куликова "Тяжелые звезды", где упоминается этот эпизод и дается версия о причинах отмены спецоперации по

задержанию басаевцев. Давайте откроем книгу и прочитаем, что пишет Анатолий Сергеевич.

“К середине дня я снова был на месте предстоящей операции. Поникший Лысок докладывает: “Я их пропустил...” — “Как пропустил?!” — не мог я поверить. На что спецназовец, мужественный боец, мимо которого ни один боевик не прошел бы, протягивает мне полученную им телеграмму за подписью нашего командующего генерала Саввина: “Пропустить!” И он, конечно же, был вынужден подчиниться этому приказу, хотя все было сделано для того, чтобы не дать бандитам уйти безнаказанно.

Я потом долго размышлял об этом странном решении Саввина. Объяснение ему находил лишь в том, что причиной столь либерального отношения к вооруженным чеченцам стали итоги одного чрезвычайно секретного совещания у министра внутренних дел Баранникова, в котором приняли участие и представители Министерства обороны РФ. Возможно, на нем обсуждалась деликатная проблема взаимоотношений России и Абхазии, особенно тот аспект, что Россией не оказывается реальная помощь абхазам в их войне с антироссийским режимом Звиада Гамсахурдии.

Не исключено, что в качестве компромисса было решено время от времени закрывать глаза на то, что вооруженные чеченцы будут следовать транзитом по отдаленным горным районам Российской Федерации и помогать Владиславу Ардзинбе, если уж военно-техническая помощь самопровозглашенной и никем не признанной Абхазии не может быть оказана официально.

Думаю, что истинные причины столь щедрого подарка чеченцам кроются именно в этом...”

Сколько лет прошло с тех пор, но меня по-прежнему точит одна мысль. Если бы мы тогда накрыли Басаева с его батальоном, может быть, в чеченской войне одним “героем Ичкерии” было бы меньше. Конечно, это не решающий фактор, но все же...

**Записал
Андрей СОВКОВ**

Сержант Бурнаев Сергей Александрович

Сергей с детства мечтал быть военным и служить в элитном подразделении. Его мечта сбылась — он пошел служить в полк специального назначения “Витязь”. Несмотря на постоянные боевые командировки и физические нагрузки, служба рядовому Бурнаеву нравилась. Получив сержантские погоны, Сергей решил подписать контракт о прохождении службы в “Витязе”, избрав местом службы одно из самых боевых подразделений — разведроту.

28 марта 2002 года отряд “Витязь” выполнял специальную операцию в городе Аргунь. Обнаружив в подвале одного из домов города схрон с оружием, спецназ тщательно стали осматривать все уголки этого здания. В своей штурмовой группе сержант Бурнаев шел впереди всех. Для дальнейшего прохода необходимо было пролезть через окно. Сергей первым пролез и стал прикрывать подход остальных. Неожиданно из темноты раздались несколько автоматных очередей. Сержант оказался отсеченным от основной группы и ближе всех находился к боевикам. Закидывая гранатами проход и ведя прицельный огонь, спецназовец смог прикрыть отход группы, тем самым спас жизни своих товарищей. Когда подошла подмога, было уже полночь. Сергей лежал лицом к врагам, сжимая в руках искореженный взрывом автомат.

Указом Президента РФ от 17 апреля 2002 года сержанту Бурнаеву Сергею Александровичу за мужество и героизм, проявленные при выполнении служебно-боевых задач по уничтожению бандформирований, присвоено звание Героя России (посмертно). Единственным решением совета “красовых берегов” отряда “Витязь” родителям погибшего товарища была вручена святая спецназа — красовый берет.

Полковник Кублин Олег Васильевич

Военная биография Олега Кублина крепко переплетена с боевой деятельностью отряда спецназа “Витязь”. За выполнение заданий в горячих точках он награжден орденами “За личное мужество”, Мужества, медалями “За боевые заслуги”, “За отличие в военной службе” I степени.

В начале 1996 года спецназовцы срочно вылетели в очередную боевую командировку — в дагестанское селение Первомайское, где явско хозяйничали бандиты Радуева. Штурм был назначен на 15 января “Витязи” под командованием Кублина по оврагу вышли к центру села. Ведя непрерывный огонь, продвинулись метров на сто вперед. Неожиданно из кирпичного дома обрушился шквал огня. Спецназ ответил залпом гранатометов и огнеметов, но огонь не ослаб. До чертового дема было метров семьдесят. Кублин перебежками приблизился к зданию. Смотрит — метрах в двух от стены вырыт окоп, в котором и засел пулеметчик. Оценив обстановку, Олег открыл прицельный огонь, но вскоре понял, что ему необходимо сменить позицию и выйти из зоны обстрела. Приподнялся для прыжка и... В это время — очередь. Пуля прошла навылет чуть в стороне от сердца. Но даже в тяжелом состоянии он смог передать, что пулеметчик засел не в доме, а рядом. Благодаря этим сведениям огневушка точку подавили сразу. Минут через сорок смогли вынести с поля боя и раненого офицера.

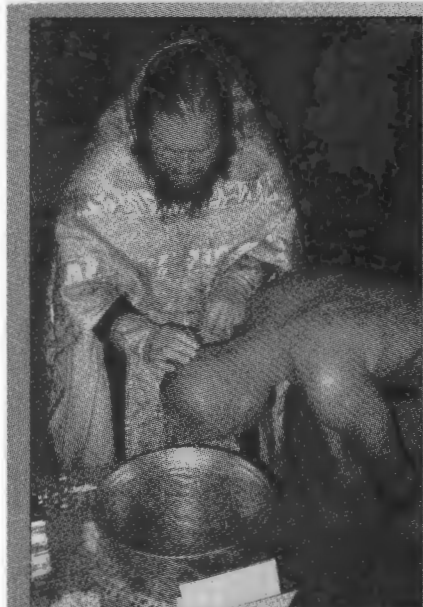
За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, Указом Президента РФ от 20 июля 1996 года полковнику Кублину Олегу Васильевичу присвоено звание Героя России.

**По всему Кавказу
Про нас слава ходит,
Наш дедушка, наш Ермолов
Страх на всех наводит!**

Из старой песни солдат
отдельного Кавказского корпуса

БРАТЦЫ

Так уж принято было у русских витязей. Без Божьего благословения не начиналась ни одна битва, ни один поход. Потому что вера укрепляла их в бою, давала силы для морального превосходства над противником, надежным щитом ограждала "от стрелы, летящая во дни". А если и суждено было сложить кому голову "за веру, царя и Отечество", то был уверен воин, что душа его с миром вознесется на Небеса, как положившего жизнь за "други своя", согласно евангельской заповеди. "Чудо-богатыри! Без молитвы оружия не обнажай! — учил великий Суворов. — Молись Богу. От Него победа!". И то верно. Кто-кто, а величайший полководец знал, что говорил. "Безверное войско учить, что перекаленное железо точить", — и снова в точку сказал Александр Васильевич. России со Христом больше тысячи лет! Пора вернуться к историческим традициям христолюбивого русского воинства.

Не все потеряно, живы добрые

традиции в войсках и сегодня. Накануне выхода на очередную спецоперацию решили покреститься военнотружущие тогда еще полка специального назначения ВВ "Витязь" сержант Алексей Меньшиков и рядовой Сергей Пашаев. Мысль эта зрела у парней давно, но креститься они решили именно здесь и сейчас. В полевом палаточном храме в Ханкале, развернутом на базе уральского отряда специального назначения. Совершавший обряд крещения священник отец Сергей доволен не меньше воинов. "Прибыло полку православного воинства — значит, у врагов стало еще меньше шансов на победу!"

До места проведения операции — пара часов быстрого хода. Колонна собралась основательная. Здесь, кроме бэтров, бронированные "Уралы", называемые еще "хищниками", в обозе — полевая кухня. Это в правилах командира полка полковника Николая Скворцова — создать своим бойцам, находящимся на выезде, нормальные условия. Тогда и за результат можно спрашивать по полной программе.

Цель и маршрут движения к месту проведения спецоперации становятся известны лишь за несколько минут до начала движения колонны. Пыль столбом. Косынки, франтовато, поковбойски, повязанные на груди,

перемещаются повыше, под самые глаза — защитить от пыли. Позади остались Аргун, Шали, Герменчук. Значит, следуя указанию красной стрелы, нанесенной на оперативной карте старшего начальника, острием нацеленной на горы, колонна повернула на юг. Маленький мальчик, лет трех, держащий за руку отца, приветливо машет ручонкой. Помнится, в августе 1996-го чеченская малышня "приветствовала" наших солдат далеко не так. На задрипанном магазинчике — подобие наших сельповских точек — вызывающая надпись "Супермаркет", дескать, "у нас не хуже"! Бросается в глаза обилие российских флагов, победно реющих над оборудованными повсеместно блокпостами и комендатурами, которые попадают через каждые 500 метров. Лозунги "Слава России!". Кажется, одними флагами мы уже должны привести в трепет всех врагов сразу и убедить местное население в серьезности наших намерений.

пылью за не-стекле-пла-ва-зика" при-местной милиции, "Великая Чечня". Нет, борьба символов и лозунгов — это только внешнее выражение сути происходящего сегодня в республике. Корни лежат глубже. Одних зеленых шестов на символических могилах "шахидов" на кладбище Герменчука, призывающих родственников к газавату — священной войне, насчитывается свыше 10 штук. Возьмутся ли родственники погибших за оружие, чтобы мстить, или пойдут другим путем — вот в чем вопрос.

Замысел операции прост и понятен: выявление и ликвидация участников бандитских формирований, скрывающихся в окрестных лесах и хорошо оборудованных в домах схронах, в поселке Автуры — большом населенном пункте Курчалоевского района. Основной метод — вошедшие "в моду" адресные проверки. Командир хмурится. Не нравится ему этот либерализм, когда утечка информации идет полным ходом и все бандиты предупреждены заранее. Как тут не вспомнить добрым словом генерала Ермолова. Он действовал так, как того требовали обстоятельства. Главным критерием считал интересы России и жизнь подчиненных. Но сейчас другие времена.

Несколько минут общения с оперуполномоченным ФСБ по району. Шутки в стороны. "Парни, работаем!"

С места срывается бэтр первой роты и исчезает в туче пыли. Несколько минут езды, пара резких поворотов. Такая же неожиданная остановка в каком-то переулке.

скапыва- с брони занимают свои места. Через несколько секунд понятно, где предстоит работать: стоящий на отшибе дом незаметно, но плотно оцеплен. Сегодня работают профессионалы. Рота, которой в ПВД (пункте временной дислокации) командует майор Павел Гудилов, единственная в войсках, сформированная из офицеров. Элитность подразделения заметна не только в экипировке, но в самом стиле работы. Это суперспецназ, и лучшее их слово — это дело. Командир под прикрытием пулеметчика быстро заходит на широкий двор. Это дом, где время от времени появляется полевой командир местного бандформирования Иса Умаров. Под вздохом и причитания престарелых родителей боевика начинается "игра в прятки" по заведенным здесь правилам. "Не был, не появлялся уже давно. Где находится, не знаем!" — разводит руками добродушная на вид бабулька. Впрочем, это мало что значит в спланированном мероприятии. Свои роли назубок знают все участники этой недетской игры. По всем правилам до-сматриваются многочисленные комнаты, са-

построй-

Сцена не нарушает... как реванш женщина... негражденными гостями... как нервирует командира... работать, но мажора ушли... следом, пытаясь что-то... Странная психология. Боится ребенок — уведи его в другое помещение. Майор Гудилов считает, что это прием психологического давления. Но сегодня он не пройдет. Угрюмый на вид, вооруженный винторезом — модернизированной снайперской винтовкой рослый боец в чине не ниже старшего лейтенанта убедительно поводит ствол по сторонам. Лучший и веский, хотя и бессловесный аргумент. Та мигом исчезает. Так-то всем лучше. Работа продолжается. Среди фотографий, ворохом рассыпанных на столике, снимки чьей-то свадьбы. Счастливые жених и невеста, улыбающиеся гости и.

“Год 1984” — подписано на обороте. Наверное, этот высокий, усатый жених — и есть Иса? А счастливая невеста в белом платье — эта женщина с плачущим ребенком? Елки зеленые, да что же вам, люди, мешало нормально жить?

С литографии, висящей на стене, на нас грозно смотрит имам Шамиль. Что же, как говорит история, национальный герой чеченского и дагестанского народов искренне раскаялся, когда познал глубину души и благородство русского народа, величие и мощь императорской России. Только вчера в Ханкале, в группировке войск раздавали календарики с Шамилем и словами его завещания, обращенными к своим землякам: “Да, я жалею, что не знал России и что ранее не искал с ней дружбы”. Вручаю его бабушке в надежде на воспитательный эффект.

Неожиданно тишину мирно завершающейся адресной проверки пререзает длинная пулеметная очередь. Все — в сад, из глубины которого обвешенный, как матрос революции, лентами пулеметчик гонит к дому молодого, лет шестнадцати, парня. Выяснить его личность с ходу не удастся, поэтому, получив легкий пендель, перепуганный чеченец в уже натянутой на глаза черной шапочке лезет во чрево бэтра. Выяснять, почему этот парень лазит по чужим садам, будут теперь более компетентные органы. Похоже, что на сегодня это все. Не густо. Активные боевики боятся днем появляться дома открыто. Придется побеспокоить хозяев ночью. Тем более что оперативники настаивают на своем: “Иса бывает дома!”

Ночной выезд, как и ожидалось, был более эффективен. В ходе

молниеносно проведенной специальной операции Иса Умаров и два бандита были уничтожены.

Так завершился только один “рабочий день” этого подразделения, которое, кстати, по возвращении домой ждет реформирование. Суперпрофессиональное, единственное в войсках подразделение, которое складывалось на протяжении двух последних лет, показывающее высокие стабильные результаты, будут сокращать. В который раз демонстрируется неуклюжая попытка зарезать курицу, несущую золотые яйца!

Судите сами. Всего в ходе боевой работы спецназа в этом районе меньше, чем за одну неделю, было уничтожено 17 боевиков, изъято 49 ручных гранат, 8 автоматов Калашникова различных модификаций; РПГ-26 — 6, РПО “Шмель” — 2 единицы, более 58 тысяч патронов, большое количество взрывчатых

веществ и электродетонаторов, используемых при минировании местности. За полгода командировки полк потерял одного боевого товарища, ныне — Героя России сержанта Сергея Бурнаева.

Боевики напоследок решили огрызнуться, устроив засаду и заминировав тропу на опушке леса, куда, по их расчетам, должны были пойти спецы. Однако неожиданно для бандюков в лес парни не вошли, а въехали. На своих бэтрах. Прозвучал взрыв. Осколками “эфки” посеколо ноги ефрейтору Виталию Павлову и младшему сержанту Дмитрию Курдюшову. Командиру роты капитану Павлу Горобцову повезло меньше. Не удержавшись на броне при резком торможении, офицер, падая, получил несколько переломов, но, не потеряв сознания, принял руководство боем на себя. Огрызнувшись огнем башенных пулеметов по ожившей зеленке, парни вернулись на базу. Втягиваться в бой с боевиками в этот раз задачи не было.

Это была крайняя спецоперация полка. На базе в Ханкале их уже ждали прибывший на замену отряд спецназа из Москвы и готовый к открытию памятник. На черном море, заказанном в Моздоке, золотом: “Вечная память воинам-спецназовцам, погибшим при исполнении служебного долга”.

По сложившейся в группировке войск традиции при убытии подразделения по завершении командировки к месту постоянной дислокации проводится награждение отличившихся. Пятнадцать медалей Министерства обороны были вручены бойцам полка еще под Автурами командующим оперативной группировкой армейским генералом. Родное ведомство было куда скупее. Одна медаль, полтора десятка ведомственных нагрудных знаков, несколько радиоприемников фирмы “Vitek”. Неужели и правда кто-то считает, что в Чечне люди “гибнут за металл”, скромно уместившийся на половинке стола, вынесенного для награждения? Полковник Скворцов, которого страна наградила миниатюрным черно-белым телевизором, принимая подарок, сказал, обращаясь к своим орлам, как-то совсем по-ермоловски: “Спасибо, братцы!”

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**
Фото автора

*Автуры — Ханкала — Москва.
Некоторые фамилии изменен*

Дед Мороз для СПЕЦНАЗА

По-разному люди встречают Новый год. Есть встречи памятные, есть такие, что и вспомнить нечего. Безусловно, на всю жизнь запомнится Новый 1996 год.

Еще в первую войну, собираясь в очередную командировку на Северный Кавказ в декабре и являясь по должности начальником клуба отряда специального назначения "Русь", я осознавал, что Новый год мне придется праздновать там. В силу специфики своей "веселой" должности, естественно, пришлось задуматься и о том, как организовать празднование в походно-полевых условиях воюющих войск. Приходилось принимать нестандартное решение на ходу, так как советоваться было не с кем, да и времени было в обрез. Таким образом в моем РД оказался костюм Деда Мороза, сшитый из солдатской шинели.

Под самый Новый год я был направлен в составе автоколонны в Моздок за новогодними подарками на всю ханкалинскую группировку, где стоял тогда наш отряд. Остроты этой вроде бы мирной задаче придавали полученные оперативные данные о готовящемся нападении боевиков на один из приграничных городов. (Не повезло через несколько дней, как выяснилось, дагестанскому Кизляру.)

Получение, загрузка — здесь все прошло без сучка и задоринки. Грузные подарками машины на ночь решено

было поставить на территории рембата оперативной дивизии, размещавшейся на окраине города. Обеспечив, как мне показалось, должную охрану груза, я, к своему недогованию, обнаружил утром на земле несколько распотрошенных коробок. На мои вопли и проклятия в адрес "тех тыловых крыс, которые обокрали солдат воюющей группировки", сбежались все свободные от службы офицеры. Горю моему не было предела. Ко всему прочему оказалось, что застучал двигатель одного из ЗИЛов. Но тут ремонтники частично искупили свою вину, обеспечив меня жесткой сцепкой, именуемой в народе "галстук". Проклиная все на свете, я с чувством облегчения покидал "гостеприимных" хозяев, обещавших мне непременно найти и сурово покарать виновников кражи. Однако коварных ремонтников мне пришлось вспомнить недобрим словом еще раз, когда дареный "галстук" обломился как раз перед въездом в Червленную. Тросов и сцепок ни в колонне, ни на ближайшем блокпосту не нашлось. Старший группы прикрытия колонны, офицер оперативной бригады Северо-Западного округа, тут же предложил бросить автомобиль на обочине.

— Какие, на хрен, подарки! — жестикулируя, убеждал он меня. — У меня более десяти единиц техники. Что же нам теперь, рисковать жизнью из-за твоей рухляди?

Но здесь я уперся насмерть. Мало того, что меня пощипали в Моздоке ремонтники, я еще должен бросить целую машину новгородных подарков здесь, в чистом поле, когда фактически до Ханкалы осталась пара часов ходу! Плюнув с досады на мое упрямство, доблестный офицер перестроил колонну и, чихнув на прощание в лицо едким выхлопом своего БТР, увел колонну на Грозный. Я с двумя своими машинами, парой водителей и пьяненьким попутчиком-прапорщиком, сопровождавшим опрометчиво загруженные в мою машину ящики с инженерным имуществом, лихорадочно собирался, что делать.

Смеркалось очень быстро. Зажглись яркие южные звезды и огни ближайшего блокпоста, расположенного метрах в трехстах впереди. Вспомнилось грозное предупреждение о возможности совершения теракта, и по спине предательски пополз холодок от крепчайшего мороза и элементарного страха.

Помощь подоспела, как это часто бывает, неожиданно. Выручил запоздалый автолюбитель-чеченец, которого, на мое счастье, в такое время занесло в эти края. Проникнувшись сочувствием к военнотружущим группировки, которые в перспективе могли лишиться целой машины подарков и сопровождавшего их незадачливого капитана в придачу, он пожертвовал своей трос, на котором мы и потащили злополучный ЗИЛ. Передвигаясь фактически ощупью, с выключенными в целях маскировки фарами колонна вползла в Грозный.

Ханкала, как говорится, не принимала. Наступало 31 декабря. Кое-как добравшись до городка 101-й бригады в Грозном, решили здесь и заночевать.

Про эту знаменитую бригаду, которая тогда только начинала создаваться, в группировке в ту пору ходило очень много слухов. Одним из них был такой: в бригаду собраны со всех войск "отпетые мошенники", которым уже нечего терять. Между тем, узнав среди встречающих своего бывшего комбата по Кировской дивизии, порядочного и грамотного офицера, поменял свое мнение о людях этой героической бригады. А проведенная в кругу этих мужественных людей предновогодняя ночь окончательно убедила, что слухам верить нельзя.

Завершилась наша поездка на другой день благополучным возвращением на базу, где о нас уже беспокоились. А вечером, облачившись в костюм Деда Мороза, обутой по местной моде в резиновые сапоги, я раздавал удивленным сослуживцам подарки — аккуратные коробки с не претендующими на оригинальность набором: печенье, кофе, сигареты, сгущенка. Солдаты с удовольствием фотографировались рядом с Дедом Морозом, от души радуясь возможности отвлечься от однообразия военных будней и вспомнить мирную жизнь, дом, маму. На одной фотографии, что бережно храню дома, Дед Мороз среди бойцов второй ГСН, которая рано утром 9 января умчится на вертушке в Кизляр, куда ворвалась банда Радуева. Среди них в камуфлированной куртке "снег" будущий Герой России рядовой Олег Долгов, погибший под Первомайским.

Позже был еще совместно с замкомандира отряда обход палаток, поздравление солдат и сержантов с праздником у накрытых столов. Связисты тогда представили нам на удивление настоящий торт, а палатку разведчиков украшала зеленая и пушистая красавица елочка. Ну а в расположении группы материального обеспечения, чего скрывать, нас встретил с блесневшими, чуть хмельными глазами солдат-повар. Не удержался, стервец!

В офицерском вагончике был накрыт праздничный стол, ломившийся от снеди. (Командир отряда, душа-человек, полковник Анатолий Иванович Голоскоков накануне с okazji передал из столицы крупную сумму денег от спонсоров и различные московские вкусности.)

Были здравицы, анекдоты, песни под гитару, прерываемые треском включенной радиостанции, как положено, третий тост. Ровно в полночь небо осветилось заревом от ракет, трассеров — группировка вступала в новый год. Заходили к нам на огонек и гости: братишки из "Росича", летчики, сибирские омоновцы и даже... комендант, который привел для посадки в наш штрафблиндаж двух подвыпивших воинов. Нельзя сказать, что было жутко весело, но запомнилось это на всю жизнь!

Илья РОМАНЕНКО
Фото из архива автора

НЕБЕСНЫЙ ПОКРОВИТЕЛЬ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

Его Святейшеством Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил обретение внутренними войсками МВД России святыни — образа почитаемой иконы и святых покровителей воинских коллективов.

Поводом к такому решению стало обращение заместителя главного командующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенанта Станислава Кавуна в Московский Патриархат с просьбой восстановить давнюю традицию российского православия иметь святого покровителя, который совершил деяния общероссийского масштаба, чьи служение и характер государственных преобразований близки предназначению внутренних войск МВД России, поручив с возложенными на них федеральным законом служебно-боевыми заданиями.

В истории России таким человеком был Святой Равноапостольный Великий князь Владимир, оставшийся в памяти народной как собиратель земель и населяющих эти земли славянских народов. На княвском престоле он сидел 37 лет. Во время своего правления принял христианство и в 988 году окрестил Русь, повелев "сокрушить идолы и зремы идоловские до основания разрушить". Другими во главе с подчиненными лично ему вождями — посадниками в городках и землях Руси стали регулярной вооруженной силой, во многом способствовавшей централизации власти, созданию единого государства до столицы в Киеве. Так зарождалась единые исторические, культурные, религиозные и воинские традиции и идеалы.

Внутренние войска МВД России через тысячелетие продолжают дело, начатое Святым Равноапостольным Великим князем Владимиром. Они служат надежным щитом и острым мечом государства в разрешении межнациональных конфликтов, в непримиримой борьбе с сепаратистскими, националистическими и религиозными агрессивными попытками разрушить целостность Российской Федерации.

Главная икона внутренних войск МВД России — Святой Равноапостольный Великий князь Владимир — выполнена иконописцами супругами Бабальевыми, историками иконы главного храма резиденции Патриарха в Свято-Даниловом монастыре — храма Всех Святых, в земле Русской просиявших. Икона изготовлена в мастерской Кафедрального собораного храма Христа Спасителя и выдержана в древних воинских и христианских традициях. Он выполнен из дерева, покрыт натуральными минеральными красками и сусальным золотом. Украшения иконы исполнены по старинным технологиям резьбы по дереву. Общий вес иконы в киоте около 100 кг.

В верхней части киота помещен крест с распятием, над которым позолоченный ленте с воинским девизом: "С нами Бог, никто же не нас". Под иконой Святого Равноапостольного Великого князя Владимира сделана памятная надпись: "Святая икона освящена Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II при Верховном Главнокомандующем В.В. Путине, министре внутренних дел РФ Б.В. Грызлове, заместителе министра — главкомандующем ВВ МВД России генерал-полковнике В.В. Лихомирове, членом военного совета ГКВВ России генерал-полковнике В.Л. Баранове, генерал-лейтенанте Н.Е. Рогождине, генерал-полковнике Л.П. Шевцове, генерал-лейтенанте С.Ф. Кавуне, генерал-лейтенанте В.А. Дудылове, генерал-майоре Е.П. Лазарине, генерал-майоре Ю.В. Пильникове, генерал-лейтенанте П.Н. Рязанском, генерал-майоре Е.С. Громове, генерал-лейтенанте А.В. Будникове, генерал-лейтенанте П.И. Ермакове".

С обретением иконы Святого Равноапостольного Великого князя Владимира — небесного покровителя внутренних войск МВД России открывается возможность обретения иконой святыни — покровителя войск округов, объединений и воинских частей внутренних войск МВД России.

В истории нашего Отечества немало подвигов, совершаемых святым подвигами Русской Православной Церкви. К сожалению, мы сегодня мало об этом знаем. Поэтому, встав на путь возрождения исторической традиции — обретения святыни иконой, мы закладываем основу для духовно-нравственной и воспитания наших военнотружущих, считает заместитель главного командующего внутренними войсками МВД России генерал-лейтенант Станислав Кавун.

Полковник
Василий ПАНЧЕНКОВ,
начальник пресс-бюро
внутренних войск МВД России

Так все-таки, как служится чеченцу Автаеву и его товарищам? Такой вопрос и задал я ребятам.

— В нашем районе, — рассказывает Рамазан, — это был первый призыв за двенадцать лет. Желающих служить достаточно. По крайней мере, из моих знакомых ни один не стал уклонистом. Мне кажется, устали ребята от войны, от вынужденной безработицы и беспорядков. Для нас и эта служба как путь к миру. На службу идти не боялся. Я же не в банду иду, а в армию, где есть порядок и воинские уставы. А бояться трудностей я не привык, потому что в нашем народе у мужчин с детства воспитывается любовь к оружию, воинской

ПРИЗВАН с Кавказа...

НЕ в первый раз приходится обращаться к теме прохождения службы солдатами, призванными с Кавказа. Интерес понятен. На фоне контртеррористической операции, которой некоторые журналисты и политики пытаются придать статус третьей кавказской, или проще — русско-кавказской войны, немало важен факт, что молодые люди коренных национальностей северокавказских республик служат в вооруженных формированиях России, в том числе и во внутренних войсках, и служат, надо признать, неплохо. В ходе осеннего (2001 года) призыва на службу в ВВ призывали и граждан Чечни. В курское соединение было направлено 8 призывников, уроженцев этой республики. Позади положенные полгода учебки, и вчерашние курсанты разъехались по частям бригады. Среди них рядовой Рама-

зан Автаев, призванный из Надтеречного района республики.

Встретиться с ним и его товарищами по службе довелось в солдатском кафе, недавно открытом в городке, где воины собрались посидеть в столь редкий для солдата милицейской части выходной. Расположившись за столиком, однополчане за чаем и рассыпчатым домашним печеньем (кто-то наверняка получил посылку из дому) вели разговоры, без которых не обходится ни одна подобная посиделка. О девушках, письмах из дому, желанном дембеле. Активно обсуждали просмотренный по видео боевик. За столом оказался целый интернационал. Кроме Рамазана здесь были азербайджанец ефрейтор Хазрат Гусейнов, кабардинец ефрейтор Валерий Гечиров, представитель многонационального Дагестана младший сержант Тимур Баширов, русский рядовой Евгений Федоров.

службе, дается закалка, необходимая будущему воину.

Интересуюсь, как родные относятся к его службе, часто ли пишут.

— Пишут часто. Конечно, они за меня волнуются, особенно мама. Однако, как сами видите, поводов для волнения у нее нет. Ну а дома тоже все нормально, жизнь налаживается. Наш поселок, Верхний Наур, от боевых действий практически не пострадал. На патрульно-постовую службу меня пока не привлекают. Надо еще подучиться. Командир роты сказал: "Как сдать мне экзамен, так и буду ставить тебя на службу". Так что стараюсь.

— Поможем, — включается в разговор ефрейтор Хазрат Гусейнов, призванный из горного Дагестана и прослуживший уже почти год. — У меня в начале службы тоже были проблемы и с языком, и с тонкостями ППС. Те-

перь проблем нет. И вообще мы живем дружно, как братья. Дело не в национальности. Если ты нормальный человек, никому не делаешь гадостей, не строишь из себя невесту что, то тебя по твоим качествам и будут уважать сослуживцы.

— Я тоже так считаю, — подтверждает самый “старый” из собеседников ефрейтор Валерий Гечиров. Осенью ему увольняться. Он с гордостью вспоминает о том, что по окончании техникума сам пришел в нальчикский горвоенкомат. — Это в крови нашего народа — желание послужить Отечеству. Хотя сейчас, к сожалению, и среди наших парней находятся уклонисты. Плохо, когда предаются традиции и обычаи народа, — с грустью говорит Валерий. — Я несколько не жалую о времени, отданном службе. Чувствую, как я вырос профессионально и окреп физически. Не согласен категорически с теми, кто утверждает, будто служба в армии — это напрасно прожитые годы. Это те годы, которые из юнцов делают мужчин. И еще я понял в армии, насколько важна здесь роль офицера. Когда в подразделении грамотные, требовательные командиры, способные подчинять своей воле десятки молодых парней и направлять их к единой цели. Это сила непреодолимая. Это я ощутил, когда был в командировке в Чечне. С нашими опытными офицерами мы выполняли там все поставленные задачи.

Интересуюсь у старшины роты МТО старшего прапорщика Александра Забугина, так ли хорошо складывается служба у его подчиненных на самом деле. Александр Алексеевич в войсках с 1978 года, а на старшинской должности 11 лет. Воин он, как видно, бывалый, награжден зна-

ком “За отличие в службе” двух степеней, трижды побывал в Чечне. Ему есть что рассказать. Однако он немногословен:

— Бывают проблемы, конечно. Как же без них. Например, поставил я задачу молодому воину, призванному из Дагестана, вымыть полы в кладовой. Прихожу через полчаса, ничего не убрано. Воин объясняет, что, мол, у него на родине мужчины полы не моют, и он не может нарушать эту традицию. Понятно, старая песня. Что делать? Есть, конечно, много

недолго. Берется за тряпку и отмывает пол уже сам. Потому что уважение к старшим — еще одна традиция народов Кавказа. Если я для него не просто начальник, но и авторитетный командир, то у нас с ним в дальнейшем проблем не будет. Так вот и работаем, — подводит итог старшина.

В заключение своего визита посещаю спортзал полка, где проходят сборы участников предстоящего чемпионата Московского округа ВВ по самбо. Здесь собрались те, кто будет представлять на состязании курское соединение. И опять вижу дагестанских парней, которые будут защищать цвета родной дивизии: младшие сержанты Анатолий Вашкетов, Тимур Баширов, рядовые Хайрутдин и Юсуп Магомедовы, среди них русский, рядовой Владимир Воробьев. Веками жили в России разные народы бок о бок, поэтому очень трудно отделить что-то в России по национальному признаку. Делать это сегодня — значит резать по живому, ослабляя и обедняя в первую очередь себя. В этом, видимо, и есть глубокий смысл национальной идеи о единой и неделимой России, проверенной веками. А значит, верной. Что не дает нам идти этим путем?

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**

Курск — Москва

способов заставить солдата выполнить задачу, на то она и армия. Но по опыту знаю: неизбежен конфликт, потому что проблема в этом случае загоняется вглубь и выплескивается потом озлоблением на других солдат. Тут важно убедить человека. И самый лучший способ убеждения — личный пример. И тогда я, пожилой человек, который годится ему в отцы, начинаю сам мыть пол. Он стоит, смотрит. Но

Это случилось после одной из спецопераций в районе горного села Ялхой-Мох, в которой участвовала рота старшего лейтенанта Евгения Шикова осенью 2001 года. Разведчики осмотрели местность, отметили на карте все тропинки и дороги, которые могут использоваться боевиками для их разбойных нападений на поселок. Подразделение выполнило задачу и возвращалось на базу, где предстояло разработать подробный план выставления засад.

В стороне от дороги, по которой шли бэтээры разведроты, стояла "Нива", которая явно дожидалась военных. Когда бронетранспортеры приблизились, она вдруг завелась и, резко рванув с места, понеслась по серпантину.

— Тогда мы даже не подумали, что нас провоцируют на преследование. — рассказывает Евгений, — и за-

влекают таким образом в ловушку. Когда наш броник наехал на трубу, проложенную под полотном дороги на одном из виражей, прогремел взрыв. Помню только, что подлетел примерно до уровня третьего этажа и упал в грязь. Кстати, то, что грязи было по колено, многих, в общем-то, и спасло. Тогда на месте погибло три человека, а 11 бойцов получили ранения. Носу мне оторвало сразу, но об этом как-то и не подумал. Вокруг ребята, стонущие, обезображенные взрывом. Да еще "духи" стреляют. Правда, попасть не могут. Мы оказались в мертвой, непрозрачной зоне, поэтому никого пулями не задело. Группа, следовавшая на втором бэтээре, рассеяла бандитов. Братишки погрузили раненых на броню и эвакуировали в ПВД. Вот так для меня та командировка и закончилась.

Буквально перед этим заданием разведывательная рота питерской бригады оперативного назначения удачно выполнила несколько задач в засадах и поисковых рейдах. Просто отменно, по спецназовским меркам, сработали в Курчалое. Взяли живыми

тридцать четыре "духа". В другом случае удалось задержать восьмерых боевиков, которые дали ценную информацию о маневре бандформирований и полевых командирах. В Аллерое десятерых повязали, в Октябрьском, где из-за близости к поселку зеленки работать очень сложно, и то — четырнадцать.

В Ханкале, в штабе оперативной группировки, видя результативность работы подчиненных Шикова, разделили подразделение на две группы. Одна осталась в Курчалое. Другую, старшим в

шись, он надеется вернуться в строй.

— А что, — говорит Женя, — Маресьев без обеих ног летал. Нешто я в родной бригаде ни на что не схожусь?

Пока же старший лейтенант Шиков, как значится в официальных документах, в связи с ранением переведен на должность с меньшим объемом работы, то есть командира взвода. Но ничто, кажется, не сможет сломить в нем дух спецназовца, формировавшийся долгие годы, пожалуй, с самого раннего детства.

Детские игры — юношеские мечты

Эта история началась очень давно, когда 14 мая 1962 года в семье простого заводского рабочего и районной почтальонши, живших в городе Кирове, родился второй ребенок. Радости отца не было предела. Помощница матери, старшая дочь, уже подрастала, теперь вот — продолжатель рода Шиковых, защитник семьи и Отечества.

Женя рос мальчиком активным, в хорошем смысле слова упрямым. Любил доводить все начатое до конца. Бойцовский его характер проявлялся еще с пеленок, задирист был и горяч.

В конце шестидесятых — начале семидесятых, когда Женя подросток, его внимание все чаще стали привлекать демонстрируемые на экранах кинотеатров и телевизоров фильмы про подвиги красноармейцев в годы Великой Отечественной. Само собой, это не проходило бесследно для сознания босягоного пацанов тех лет. Они выстрогивали из досок автоматы и пистолеты, носились друг за другом, изображая то отважных разведчиков, то несгибаемых партизан, играли в "казаков-разбойников", в "войнушку". Вместе с ними бегал по кировским дворам и Женя.

И несмотря на то, что в роду Шиковых военных никогда не было (родители, дедушки и бабушки сугубо штатские люди), в Женино детское сердце глубоко запала мечта стать военным. Он постоянно мастерил из подручных средств погоню, которые потом

которой был командир роты, отправили в Ялхой-Мох. По оценкам спецназовцев, это гиблое место. Там все отказывались работать, потому что район высокогорный и никаких войск нет. "Духи" в том селе смело разгуливают со стволами средь бела дня. Временно дислоцировавшийся там пехотный полк Вооруженных сил вывели совсем скоро после ввода. Каждый день в штабе группировки получали из него донесения о нападении бандгрупп, подрывах на минах, гибели и ранениях военнослужащих.

Для ликвидации банд, орудовавших в селе, сформировали смешанную группу спецназа по двадцать пять человек из разведчиков роты старшего лейтенанта Шикова, фээсбэшников, сотрудников московского СОБРа и столько же из состава воздушно-десантного полка, дислоцированного в Центорое. Перед группой стояла задача на проведение разведывательно-поисковых мероприятий, по принципу: нашли — уничтожили.

После той операции война для Евгения Шикова закончилась. Но служба в войсках — нет. Вылечив-

просил мать нашить то на одну, то на другую рубашку. В 12 лет, чтобы закалить характер и окрепнуть физически, занялся боксом. С тех пор, кстати, со спортом не расстался никогда.

Первая война Шикова

Кончилось безоблачное босогое детство, позади остались выпускные экзамены в школе. Наступила пора, когда приходится всерьез задуматься о будущем. Евгений торопится события не стал. Решил: "Отслужу в армии, а там видно будет".

К тому времени как Женя по повестке прибыл в военкомат, в Афганистане уже год шла война. Евгений, будучи настоящим комсомольцем, не мог быть в стороне от происходящих на юге событий. Телевизионные и газетные репортажи о победах Советской армии рождали в умах молодежи романтические представления о военной службе, идеологическая пропаганда — понимание справедливости внешней политики нашего государства, а "черные тюльпаны" — чувство мести за погибших школьных товарищей и соседей по двору. Словом, на призывной комиссии Евгений попросился в горячую точку. Военкоматские работники только приветствовали такое решение молодого человека.

В сентябре 1980 года "покупатель" из десантно-штурмовой бригады привез новобранцев в Туркмению, где они прошли горную подготовку. Через полгода их перебросили в Афганистан. Рядового Шикова, в силу моральных, деловых и физических качеств, командование бригады определило для прохождения службы в разведподразделение. Начались суровые боевые будни: поиски, засады, налеты, разведывательные рейды в логово "духов". Всего и не перечислишь.

Во время одного из поисков в октябре 81-го на перевале Саланг Евгений получил свое первое ранение. Бэтр, на котором он ехал со взводом, подорвался на фугасе. Всех раненых отправили в Кабул и Союз. Евгений, поскольку ранение не вызвало тревоги у врачей, три месяца пролежал в медсанбате бригады и благополучно вернулся в строй.

Воспоминаний о той войне много, но обо всем Евгений рассказывает с юмором, будто и не были каждый день и каждый боевой выход сопряжены с риском для жизни.

— А вот еще случай — чистый анекдот, — с искрящейся улыбкой вспоминает Женя. — Пришел как-то к нам в роту афганский агент и, что называется, слил информацию о том, что в определенном месте в определенный час соберется банда душманов. Командир наш, ясное дело, не отреагировать не мог. Назначил группу около 30 человек, причем всех, кто по полтора или по году прослужил. Но одного молодого паренька из Украины все же пришлось взять с собой. По-русски он говорил плохо, по-всему выдать, с Львовщины. В общем, оделись, чтобы нас не узнать было, в "полудуховскую" одежду и поехали.

Броню оставили, не доезжая до деревни километров десять. В селение пошли пешком. Высокая река, выгоревшая, но высокая трава. Луна яркая такая. И вдруг в ее свете замечаем, что прямо на нас направлен ствол пулемета (старого с круглым диском) Дегтярева. Слышим: "Эй, баца, — обращается к нам кто-то из укрытия на афганском. — Куда идете? Из какой вы банды?"

С нами был переводчик, который хотел было ответить, но молодой разведчик его опередил. Крикнул что было мочи: "Лягай, хлопцы!". Все скорее от смеха попадали, чем с перепугу. "Дух" понял, что это не свои, и давай поливать из "дегтяря". Пробыл радиостанцию, что существенно затруднило наши действия. Помощь не вызвать, о засаде не доложить. Завязалась перестрелка. К счастью, противник понял, что просто так нас не напугать. Поэтому под прикрытием пулеметчика ретировался. Подрали тогда только одного бойца, моего друга Васю. Он роста был большого и, когда залег, зад-время спрятать не успел. Туда-то ему пуля и угодила. Долго потом мы над ним подтрунивали: "Представляешь, Васек, тебе в военном билете запись сделают: "В ж... раненный солдат".

За службу в Афганистане Евгения представляли и к ордену Красной Звезды, и к медали "За отвагу". Но он их не получил. Говорят, много спорил с командирами.

— Я всегда какую-то свою правду во всем искал, скандалистом был. Сейчас, с высоты прожитых лет, когда за плечами уже какой-никакой командирский опыт имеется, думаю, что это было нелепо с моей стороны. Командир, который отвечает за жизнь и здоровье своих подчиненных, конечно, обязан и думать соответствующим образом. Теперь, когда я сам офицер, понимаю, что мои коман-

диры были тогда правы, уча меня уму-разуму.

Много позже, в конце девяностых, к очередной годовщине вывода советских войск из Афганистана, награда все же нашла героя. От имени президента в военкомате ему вручили медаль Жукова.

На пути к давней мечте

Осенью 1982 года Женя, собрав свой дембельский чемодан, в последний раз посмотрел на казарму, живописно вписывающуюся в горный пейзаж, распрощался с боевыми друзьями и вернулся на родину.

Но в родном городе не усидел. Уже в январе 83-го оставил родительское гнездо. Решив, что готов к самостоятельной жизни, Евгений поехал к своей любимой девушке, переквалифицировавшись к тому времени в Ленинград. Город на Неве понравился Жене сразу. Несмотря на частые дожди и постоянную сырость, Питер пленил его, как говорит Евгений, своей внутренней красотой. Будучи романтиком в детстве, он остался им даже после страшного испытания войной. Но особенно привлекал Шикова темп жизни города, который с кировским ни в какое сравнение, конечно же, не шел.

Женился. Поступил на работу в горноспасательный отряд. Возобновил занятия спортом. Тренировал команду любителей кикбоксинга. Сам участвовал в соревнованиях. В 1990 году на чемпионате Союза заслужил звание мастера спорта по боксу.

Но мысли посвятить свою жизнь военной службе не оставляли Евгения. Однажды в беседе с особистом (в каждом спасательном отряде есть особый отдел) он попросил принять его на службу в группу спецназначения питерского управления КГБ "Балтика". Чеккист внимательно выслушал аргументы молодого человека и выдал ему направление на собеседование. В отделе кадров Евгений изъявил желание учиться. Уже очень хотел стать офицером. Но кадровик посоветовал ему сначала проявить себя в качестве прапорщика. Одновременно предложил сразу после зачисления в штат убыть с группой спецназа в Алжир. Такой вариант Шикова не устроил. Не хотел оставить молодую жену, которая уже однажды ждала его два года, одну.

Прошло пять лет. Женя не переставал жалеть об упущенной возможности связать свою жизнь

с военной службой. Он снова собрал все необходимые документы для поступления на работу в органы. Но по банальной причине — отсутствие постоянного жилья — в управлении КГБ ему отказали. Правда, желание служить в спецподразделении в отделе кадров учли и направили документы в Ленинградский оперативный полк внутренних войск. Это был 1991 год. В том же году Евгений окончил школу прапорщиков и был назначен на должность инструктора высотной подготовки роты спецназначения. С этой частью он объездил все Закавказье и Северный Кавказ: Степанакерт, Шуша, Мардакертский район Карабаха, Цхинвали, Чермен, Владикавказ, Буденновск.

Командир помнит нас

Во время сдачи спецами экзамена на краповый берет я видел, что Женя часто общается с депутатом Госдумы Сергеем Загидуллиным. Наверное, подумал я тогда, их жизненные пути когда-то пересеклись. Вероятно, с тех пор братишки не забывают друг друга. Впрочем, для обладателей краповых беретов слово “братство” не просто красивое название ассоциации. Послужив какое-то время вместе, они становятся братьями на всю жизнь на самом деле.

Сергей Загидуллин действительно был командиром подразделения, когда Евгений пришел служить в головной полк Северо-Западного округа войск в 1991 году.

— Командира всегда отличало высокое чувство ответственности за подчиненных, кем бы они ни были — рядовыми солдатами, прапорщиками или офицерами, — вспоминает Евгений. — Он никогда и никому не давал нас в обиду. Благодаря его настойчивости и кропотливой работе, мы имели все: и дополнительное питание, и сон после обеда, и занятия, буквально поглощавшие все внимание бойцов.

Будучи в Государственной Думе, Сергей Ильгизович не забывает братишек, постоянно в курсе дел бывших своих подчиненных. Когда Шиков в прошлом году лежал на операции в военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, Загидуллин приехал навеситить его. Мало того, привез дорогущее и дефицитнейшее лекарство, которого, как оказалось, ни в одной аптеке северной столицы днем с огнем отыскать было невозможно.

В 93-м, по рекомендации командира роты, Евгений поступил в Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск. Казалось бы, час, когда давняя мечта наконец-то осуществится, так близок. Но бывают в жизни обстоятельства, над которыми мы не властны. Дела семейные вынудили Шикова подать рапорт с просьбой отчислить его из вуза. Вернулся в родную роту. Однако по тем же причинам в 1994 году уволился в запас.

На гражданке Женя не потерялся. Он, как говорит, нашел себя. Организовал частное охранное предприятие. Проработал три года. Было все: хорошая зарплата, позволявшая достойно содержать семью и снимать неплохую квартиру, крутая иномарка. Но мысли о службе ни на минуту не покидали его. Они постоянно сверлили мозг во время первой чеченской кампании. А когда началась контртеррористическая операция в девяносто девятом, вообще лишили его спокойного сна.

В 2000 году он вернулся в родную часть, которая к тому времени оформилась в бригаду оперативного назначения.

— Обидно было за наших пацанов, которые погибали в Чечне, — говорит Евгений. — Среди них были и те, с кем мне пришлось служить в начале девяностых. Почему я, здоровый мужик, имеющий боевой опыт, должен спокойно на все это смотреть?

Женя сдал нормативы, прошел собеседование и был зачислен в штат отдельной разведроты. Через два месяца он уже учился на курсах по подготовке младших офицеров в институте, из которого несколько лет назад ушел по собственному желанию. Окончил их с отличием, получил звание младшего лейтенанта и совсем скоро уже месил чеченскую грязь.

В 2001 году в Чечне он получил свое второе ранение. На этот раз обошлось, считает Евгений. Осколок гранаты выбил зуб и застрял в щеке. Доктора в Грозном, в аэропорту Северный, прооперировали так, что от того ранения не осталось ни следа.

Вернувшись в строй, Евгений узнал, что его назначили командиром подразделения, ставшего уже родным. Со своими подчиненными старший лейтенант Шиков провел более трех десятков операций, высоко оцененных командованием бригады и группировки. В

2001 году за все удачно выполненные задачи (это и 34 засады, и множество ликвидированных банд, и больше полусотни задержанных боевиков) его наградили орденом Мужества.

Об одной из таких операций, проведенной в районе Гельдыгена, Евгений рассказал мне.

— Мы выдвинулись на бэтэрах в три часа ночи. 12 моих ребят в группе блокирования и захвата и 15 человек — в группе разграбления, огневой поддержки и обеспечения. Проводили так называемую адресную проверку. Блокировали объект. Ведем наблюдение. Тишина. Примерно через час, после доклада, что банда в здании, но ведет себя спокойно, подъехал наш броник. С ходу выбил ворота. Для группы захвата это сигнал к штурму. “Духи” даже опомниться не успели, как на них наручники оказались. Двое наших в окна влетели, двое в двери. Как в боевиках, все получилось красиво и быстро. Никто из бандитов не успел понять, что произошло. Взяли их, что называется, тепленькими. Долго в тот день рассказывал мне Евгений о своей службе. А я все не переставал думать: “Страшная все-таки и непредсказуемая штука — война. То она нас манит, то пугает. Десятки успешных операций и боев, награды и почести. А финал в виде нелепого, казалось бы, подрыва на mine”. Но сколько мне ни приходилось встречаться со спецназовцами, никто из них на свою судьбу не жалуется. Не жалуется и Шиков. Пока ждет. Ждет, когда врачи разрешат ему вернуться в строй, когда сможет обнять терпеливую жену Галину, снова по-дружески поговорить с сыном Владимиром, который учится в питерском инженерно-механическом институте и безмерно гордится своим отцом.

Я спросил Евгения напоследок, пойдет ли по его стопам сын.

— Я хочу, чтобы он сначала институт окончил. Конечно, Вова смотрит на меня и сильно сейчас переживает. Мы с ним друзья и часто говорим откровенно обо всем. Мне бы не хотелось, чтобы он служил в нашей армии. По-моему, я уже за всех в своем роду отслужил и отвоевал. Но если он захочет пойти по моим стопам, я отговаривать его не буду и даже помогу ему.

**Подполковник
Ринад АРИБЖАНОВ**

СОВЕТЫ ЮРИСТА ВЛАДЕЛЬЦАМ ГЖС

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ:

Военнослужащий. Стою в очереди на сертификат. Знакомые по решению суда потеряли приобретенную квартиру (сделка признана незаконной и расторгнута). Застрахованы ли от таких неприятностей обладатели ГЖС? Как обезопасить сделку?

Майор А. Фомичев, СКО ВВ

...При оформлении покупки жилья по сертификату нотариус потребовал шесть с половиной тысяч рублей за оформление договора. Нам и так пришлось докладывать свои деньги к сертификату, а тут снова поборы. Прав ли нотариус? Ведь сертификат-то нам дало государство?

Елена Никонова, жена военнослужащего. Санкт-Петербург

От редакции: подобных вопросов в нашей почте немало. Сегодня в выпуске "Квартирного вопроса" мы постараемся дать ответ нашим читателям, покупающим квартиру по сертификату или собирающимся это сделать.

1. Какую цену ставить в договоре?

При заключении договора купли-продажи недвижимости часто возникает вопрос: какую цену ставить в договоре? Цена выбранной квартиры редко сходится копейка в копейку с суммой субсидии. Если в договоре купли-продажи недвижимости указана цена меньше размера безвозмездной субсидии, то продавцу из средств федерального бюджета оплачивается лишь цена договора. Если цена договора превышает размер безвозмездной субсидии, то к ней придется докладывать свои деньги, но при этом обязательно должен быть определен порядок расчета. Часто бывает, что сумму договора занижают. Но мы советуем помнить, что при расторжении договора купли-продажи каждая из сторон обязана вернуть другой все полученное по сделке. То есть возврату подлежит сумма, указанная в

договоре (ст. 167 ГК РФ). Более того, в худшем случае, если докажут умышленное занижение цены в договоре купли-продажи, все полученное по сделке взыскивается в доход государства (ст. 169 ГК РФ).

Почему занижают цены в договорах купли-продажи? Люди не хотят платить лишние деньги нотариусу. Но договор купли-продажи можно оформить в простой письменной форме, избежав этих затрат.

2. Какие налоги заплатим?

При покупке жилья по сертификату безвозмездная субсидия не подлежит налогообложению на основании положения подпункта "д" пункта 1 ст. 3 Закона РФ от 07.12.1991 г. № 1998-1 "О подоходном налоге с физических лиц".

В том случае, если гражданин приобретает жилье свыше стоимости безвозмездной субсидии, он пользуется льготой в соответствии с подпунктом "в" пункта 6 статьи 3 этого же закона в пределах сумм, подлежащих исключению из облагаемого дохода.

При продаже жилья действуют имущественные налоговые вычеты (освобождение от налогов).

Статьей 220 Налогового кодекса предусмотрено право налогоплательщика на получение имущественных налоговых вычетов по суммам, полученным от продажи (реализации) имущества, находившегося в его собственности, а также суммам, израсходованным на новое строительство (приобретение) жилья.

Налоговые вычеты при продаже квартир, находившихся в собственности налогоплательщика менее пяти лет, предоставляются до миллиона рублей. При продаже жилья, находившегося в собственности налогоплательщика пять лет и более, имущественный налоговый вычет предоставляется на всю сумму сделки.

3. Как оформлять — с нотариусом или без?

В соответствии с действующим законодательством договор можно

зарегистрировать и в простой письменной форме. Что выбрать — зависит лишь от желания участников сделки.

Вариант первый: обратиться к нотариусу

Обычно привлекает то, что нотариус проверяет правильность оформления документов. Нотариус должен перед удостоверением договора установить личности участников сделки, проверить их личные документы, определить подлинность подписей на всех удостоверяемых документах, которые подписываются в его присутствии. Кроме того, он выясняет дееспособность участников и подтверждает вменяемость в момент совершения сделки. Нотариус обязан разъяснить каждому участнику смысл и значение сделки, а также правовые последствия, наступающие после ее совершения. Он же должен проверить весь комплект необходимых документов. При удостоверении договора нотариус проверяет правильность его составления, соответствие договорных условий действующему законодательству. Он и сам может составить проект договора.

Таким образом, придя к нотариусу, вы снимаете с себя часть проблем.

Вариант второй: сделать все самостоятельно

Следует отметить, что преимущества нотариального удостоверения носят больше теоретический характер. Соотношение случаев расторжения, признания сделок недействительными как нотариально удостоверенных, так и не удостоверенных договоров примерно одинаковое.

Да и ни один нотариус не гарантирует юридической чистоты совершаемой сделки. Даже при исключительной добросовестности и компетентности нотариуса все проверить невозможно.

Особенности регистрации

Процедура регистрации зависит от формы договора.

Если договор был нотариально удостоверен, обратиться с заявлением о государственной регистрации может любая из сторон договора. При заключении договора в простой письменной форме заявление о государственной регистрации должны подать обе стороны: как продавец, так и покупатель.

Сколько платить?

Нотариальное удостоверение — услуга платная. За нее взимается государственная пошлина (0,5% от суммы сделки, совершаемой между близкими родственниками, или 1,5% от суммы сделки, совершаемой между другими лицами).

Как правило, нотариус удостоверяет договор, им же составленный. В этом случае за составление проекта договора вы заплатите еще 1% от суммы сделки плюс оплата технической стороны сделки.

При приобретении жилья с участием государственной безвозмездной субсидии покупатель освобождается от уплаты государственной пошлины. Оставшуюся половину должен оплатить продавец. Хотя это часто приходится делать покупателю.

4. Поводы для расторжения договоров купли-продажи квартир

Можно ли оспорить сделку?

Участникам рынка недвижимости, к которым относится и участник Программы ГЖС, необходимо знать, что закон устанавливает целый ряд оснований для признания сделки недействительной.

Существуют два вида недействительных сделок: ничтожные и оспоримые. Ничтожная сделка недействительна независимо от ее признания таковой судом. Так, например, продажа квартиры, в которой проживают несовершеннолетние, без согласия органа опеки — ничтожная сделка, так как она противоречит требованиям закона (ст. 168 ГК РФ). Иск о применении последствий недействительности ничтожной сделки может быть предъявлен в суд любым заинтересованным лицом в течение 10 лет со дня, когда началось ее исполнение (ст. 166,

181 ГК РФ). Оспоримая сделка недействительна, если будет признана таковой судом по иску лиц, указанных в гражданском кодексе. Например, недействительной может быть признана сделка, совершенная под влиянием заблуждения, по иску стороны, действовавшей под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ). Иск о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий ее недействительности может быть предъявлен в суд в течение года со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной (п.2 ст.181 ГК РФ).

В случае признания сделки недействительной каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке, а в случае невозможности возместить стоимость (ст. 167 ГК РФ) продавец обязан возвратить полученную денежную сумму, а покупатель — квартиру.

В ряде случаев последствием является взыскание полученного по сделке в доход государства. Возможно взыскание только с виновной стороны, либо, при наличии вины у обеих сторон, с них взыскивается все полученное по сделке.

Для расторжения сделок поводов достаточно много: это неисполнение договора, нарушения, допущенные как в этом, так и в предыдущих договорах, связанных с этой квартирой.

Чаще всего встречается невключение несовершеннолетних, прописанных в квартире в момент приватизации, в число собственников, отсутствие согласия всех прописанных в квартире на момент приватизации. Это можно проверить, получив архивную выписку из домовой книги. Серьезную опасность составляют сделки, совершенные гражданином, признанным недееспособным или ограниченным судом в дееспособности. При этом часто вопрос о недееспособности решается как бы задним числом, на основании выписок из истории болезни и амбулаторной карты. Обезопасить себя можно, проверив, состоят ли продавцы квартиры на учете в психоневрологическом диспансере (часто эта информация является закрытой).

Отдельную категорию составляют сделки, совершенные людьми, не способными понимать значения своих действий или руководить ими, совершенные под влиянием за-

блуждения, обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжких обстоятельств. Проверить риск по таким сделкам трудно.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, что, по сложившейся судебной практике, при расторжении договора купли-продажи квартиры возврат квартиры не подразумевает одновременного возврата денег за квартиру.

Если продавец деньги уже потратил, то возврат будет осуществляться постепенно, из заработанных продавцом средств. Не всегда можно наложить взыскание на имущество должника.

5. Как проверить квартиру?

Первый этап: кто собственник квартиры?

Основная задача — выяснить, обладает ли продавец правами собственника на отчуждаемую квартиру.

Квартира может находиться в собственности как одного, так и нескольких лиц. При отчуждении квартиры, находящейся в общей собственности, каждый из собственников выступает в качестве продавца по договору. Нужно убедиться в том, что собственники продают квартиру по общему согласию.

Право собственности на приватизированную квартиру подтверждается договором передачи в собственность и свидетельством о собственности на жилище. Для кооперативных квартир таким документом является справка о выплате пая. Если квартира была получена продавцом по наследству, в дар или куплена им, право собственности подтверждается документом, на основании которого она перешла к собственнику (свидетельство о праве на наследство, договор дарения, купли-продажи, уступки права требования, мены). При этом на всех договорах должен быть поставлен штамп о регистрации.

Необходимо также убедиться в том, что приобретаемая вами квартира не заложена, не находится под арестом или запретом. Информация об ограничениях квартиры предоставляется учреждениями юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Если продавец квартиры отказывается ознакомить вас с интересую-

щими документами или нет уверенности в действительности представленных продавцом бумаг, вы можете самостоятельно получить необходимые сведения об объекте недвижимости, правах, зарегистрированных на этот объект, а также об ограничениях (обременении) прав представляются любому лицу. Для этого вам необходимо представить в учреждение юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним документ, удостоверяющий личность, и письменное заявление. Для квартир, находящихся в собственности лиц, ее приватизировавших (первая приватизация), проверка сводится к сверке лиц, зарегистрированных на данной площади и указанных в свидетельстве о собственности на жилище. Кроме того, нужно точно установить, участвовали ли в приватизации дети, прописанные здесь, и где они проживают в настоящее время.

Если же квартира принадлежит собственнику на основании договора купли-продажи, то непременно нужно выяснить, как часто с момента приватизации эта квартира продавалась. А еще необходимо узнать, куда при предыдущих продажах квартиры выписывались ее собственники. И соблюдались ли правила продажи. Нужно проверить, учитывались ли при продаже интересы несовершеннолетних и людей, отнесенных к группе риска. Эту информацию получают в органах опеки и попечительства по месту жительства. Эти органы выдают разрешение на совершение сделки с жильем, если в квартире проживают их подопечные. Если разрешение каким-то образом обошли, а оно требовалось, то в случае конфликта суд признает сделку недействительной.

Второй этап: кто живет в квартире?

Всегда нужно тщательно изучать документы, подтверждающие право собственности на продаваемую квартиру, интересоваться, есть ли лица, выписанные из квартиры временно (находящиеся в загранкомандировке, на службе в армии, на учебе или в заключении). Ведь в соответствии с действующим законодательством они по возвращении имеют право на заключение договора найма по месту прежнего проживания.

Необходимо обратить внимание, что лица, имеющие право на прожи-

вание, не всегда могут быть в числе собственников квартиры. Переход права собственности не является основанием для прекращения пользования квартирой членами семьи прежнего собственника (п. 2 ст. 292 ГК РФ). Вы можете купить квартиру не только с тараканами, но и с двумя жильцами.

Чье согласие должен иметь продавец?

Если собственником квартиры является малолетний гражданин (до 14 лет) или гражданин, признанный судом недееспособным, продать квартиру могут только его законные представители (родители, усыновители или опекуны). На совершение сделок по отчуждению имущества малолетних и недееспособных лиц необходимо получить разрешение органа опеки и попечительства (ст. 37 ГК РФ). Разрешение оформляется постановлением или распоряжением органа местного самоуправления за подписью его главы.

Если продавец приобрел продаваемую квартиру, находясь в законном браке, такая квартира является совместной собственностью супругов (ст. 34 Семейного кодекса РФ). Для того чтобы продать эту квартиру, продавец должен получить нотариально удостоверенное согласие второго супруга, в противном случае сделка признается недействительной решением суда (п. 3 ст. 35 СК РФ).

Этап третий: заключаем договор

В договоре купли-продажи должны быть указаны данные, позволяющие определенно установить квартиру. При отсутствии этих данных договор считается незаключенным и не влечет юридических последствий (ст. 554 ГК РФ). Договор должен обязательно предусматривать цену квартиры. Договоры купли-продажи и уступки права разнятся порядком расчета сторонами. Порядок расчета должен обязательно оговариваться в договоре. Договор купли-продажи считается заключенным с момента регистрации учреждением юстиции по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (п. 2 ст. 558 ГК РФ).

6. Страховать или нет?

Приобретая квартиру, покупателю необходимо отдавать себе отчет

в том, что, как бы тщательно риэлтор или нотариус ни проверяли ее юридическую чистоту, это не дает покупателю полной гарантии того, что сделка не будет оспорена бывшими владельцами. Каждый сотый владелец лишается своих прав по причинам, от него не зависящим. Судебная практика стоит на том, что признание одной из предыдущих сделок недействительной, влечет недействительность всех последующих сделок.

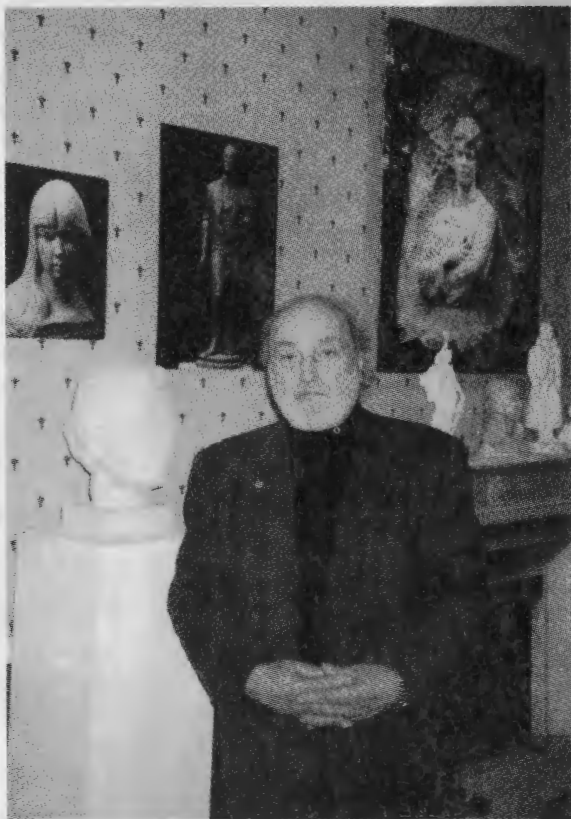
Юридическая проверка в значительной степени снижает риск для покупателя. Поинтересуйтесь в страховой компании, застрахуют ли они ваш риск утери права собственности на приобретаемую квартиру, и если после проверки сделки получите отрицательный ответ — значит, риск слишком велик. Страхование права собственности является частью сделки в практике западных стран. Российский рынок, несмотря на значительное количество афер, только начинает примерять западные стандарты. Первая причина состоит в том, что, несмотря на высокий потенциальный спрос, лишь немногие страховые компании предлагают подобный вид страхования.

Страхование риска утраты права собственности на жилье называют титульным страхованием. В задачи страховой компании входит защита покупателя в суде, причем делать это страховая компания будет исключительно добросовестно, отставляя свои деньги. Если страховая компания проигрывает в суде и квартиру возвращает владельцу, она полностью возвращает покупателю деньги, затраченные на приобретение жилья.

Вторая причина невысокой популярности страхования — все то же русское «авось», все, что ни происходит, происходит с кем-то и меня ни коснется.

Третья причина состоит в довольно высоких тарифах. Они колеблются от 0,2% страховой суммы (цены договора) при страховании новостроек на один год, до 2,5% при страховании риска утери права собственности на объекты недвижимости, имеющие длительную историю обращения на вторичном рынке, и сроке страхования до 10 лет. Страховать жилье на срок более 10 лет не имеет смысла — истекает срок исковой давности.

**Подготовил подполковник
Андрей МАКАРОВ**

**Скульптор
Анатолий БИЧУКОВ:**

"Они ушли в вечность, в гранит..."

10 ноября в Москве, на Красноказарменной улице состоялось открытие памятника, посвященного военнослужащим войск правопорядка. О высочайшем уровне и социальной значимости этого торжественного мероприятия говорит такой факт — на открытии присутствовали Президент Российской Федерации Владимир фПутин, Председатель Государственной Думы Геннадий Селезнев, министр внутренних дел Борис Грызлов и другие высшие лица государства.

Накануне этого знаменательного события наш корреспондент встретился с автором памятника, скульптором, руководителем Студии художников имени Василия Верещагина, народным художником России, чле-

ном-корреспондентом Российской академии художеств, профессором полковником внутренней службы Анатолием Бичуковым. Встреча проходила в одном из самых известных и популярных московских выставочных залов — на Кузнецком мосту; именно там в это время была развернута юбилейная выставка живописи, графики и скульптуры, подготовленная художниками-верещагинцами и посвященная 200-летию МВД России.

— Анатолий Андреевич, когда и почему у вас возникла идея увековечить в граните память о воинах внутренних войск?

— Если можно так выразиться, "заказ" на создание памятника дал

Анатолий Сергеевич Куликов в бытность министром внутренних дел. Он считал, что такой памятник нужен, своевременен и актуален. Я полностью разделял его мнение. Ведь должно было появиться такое место в Москве, куда могли прийти вдовы, матери, родственники, боевые товарищи погибших военнослужащих и склонить головы перед их светлой памятью, возложить цветы, посидеть, повспоминать. На мой взгляд, лучшее место, чем тихий сквер перед зданием Главного командования внутренних войск, найти было сложно.

— Расскажите о памятнике.

— Композиция представляет собой гранитную стелу высотой девять метров, на которой вырублены баре-

льефы лиц воинов, и бронзовую скульптуру Святой Богородицы, олицетворяющую собой скорбящую мать. Она же мать-Родина, оплакивающая своих сыновей. А внизу камни, валуны, которые символизируют те города, регионы, откуда ушли на войну наши ребята. И не вернулись. Они ушли в вечность, в гранит...

А с правой стороны гранитной плиты выбита надпись: "Воинам внутренних войск".

— Как долго вы работали над памятником?

— Почти пять лет. То денег не было на его создание, то началась чехарда с министрами... И только сейчас, в преддверии 200-летия МВД, благодаря новому руководству министерства удалось воплотить задумки в гранит и увековечить память о всех поколениях солдат, офицеров и генералов войск правопорядка, погибших при исполнении воинского долга.

— Анатолий Андреевич, читателям нашего журнала хорошо знакомо ваше творчество. Чего стоит даже краткое перечисление ваших основных работ! МонуMENT "Благодарная Россия — солдатам правопорядка, погибшим при исполнении служебного долга", воздвигнутый на Трубной площади

нашей столицы. Скульптурная композиция "Защитникам земли Российской", установленная на Поклонной горе. Памятники Есенину и Боткину в Москве. МонуMENT летчикам гражданской авиации в Шереметьево, героям-медикам в Кисловодске. Можно перечислять и перечислять... А вот о вашем жизненном пути мы знаем очень мало.

— Я родился и вырос в Донецке. Там же закончил художественно-декоративное училище. До сих пор с особой теплотой вспоминаю своих первых учителей, которые ставили мне руку. Во время Великой Отечественной войны они попали в наш город и так в нем и остались. А до этого заканчивали Санкт-Петербургскую академию художеств, Парижскую художественную академию. Это была школа...

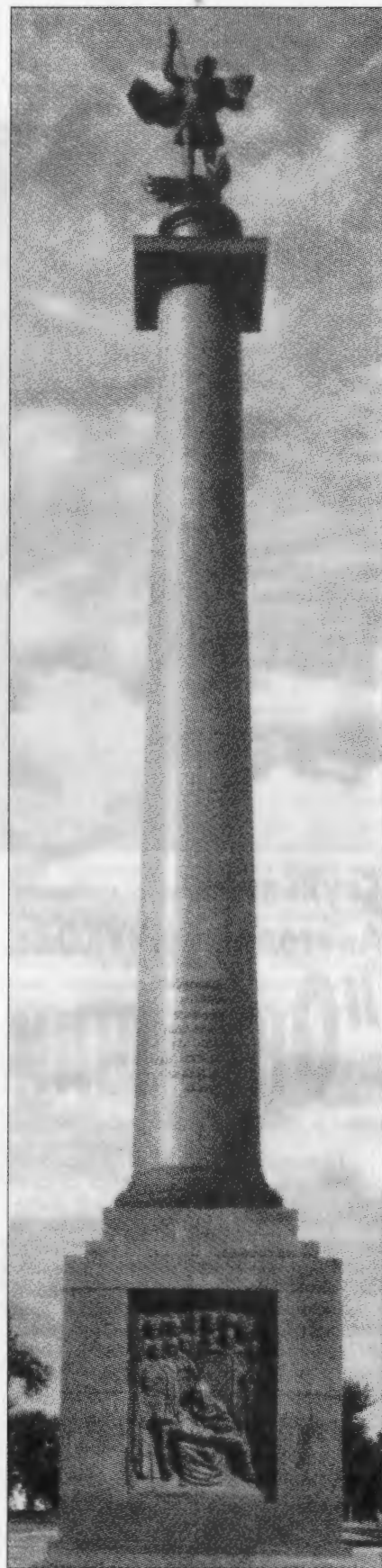
Затем — служба в армии, работа художником-графиком в газетах "Красная звезда", "Литература и жизнь", "Советский патриот", учеба в Московском государственном художественном институте имени Сурикова.

С 1972 года возглавляю Студию художников имени Верещагина. Тринадцать лет — с 1988 по 2001 год —

"Россия".
Статуя.
2001. Гипс.
Высота 2,5м.

Памятник
"Благодарная
Россия солдатам
правопорядка,
погибшим при
исполнении
служебного
долга".
1994. Бронза.
Гранит.
Высота 32,5м.

руководил кафедрой скульптуры и композиции в Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

Я считаю, что моя биография прежде всего в моих работах.

— **А вы никогда не пробовали подсчитать, сколько всего создали произведений?**

— Думаю, что это нереально. Ведь много моих работ находятся в галереях зарубежных стран: в Италии, Швеции, Германии, Чехии, Вьетнаме. Мои памятники великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину установлены в Чили, Мексике. А уж про ближнее зарубежье я и не говорю...

— **Анатолий Андреевич, вы могли бы выделить основную тему в своем творчестве?**

— Это мне очень трудно сделать. Я люблю и поэзию, и военно-патриотическую тематику. Поэтому появился и Сергей Есенин, и памятник воинам внутренних войск.

— **Какая ваша работа вам самому больше всего нравится?**

— Я не могу назвать. Я не могу даже сказать, что получилось, что нет. Что лучше, что хуже. Это очень трудно сделать. Честно говоря, я все время нахожусь в сомнениях. Самодовольство — это не спутник художника. Художник должен творить. А его произведения оцениваются временем, людьми.

— **Творчество для вас — это труд или удовольствие?**

— Это огромный труд. И огромное удовольствие, которое я получаю, когда леплю или рисую.

— **А вдохновения ждете, прежде чем приступить к очередному произведению?**

— Вдохновение приходит, когда человек работает. А когда бездельничает, никакого вдохновения нет.

— **Вы тридцать лет руководите Студией художников. Срок очень большой. Расскажите о своем коллективе.**

— Студия организована в 1969 году. За это время нашими художниками создано свыше полутора тысяч произведений живописи, графики, скульптуры, декоративно-прикладного искусства. Практически все они отражают подвиги и нелегкий повседневный труд сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск.

Имя великого русского художника-баталиста Василия Верещагина нам присвоили в 1993 году. И оно во многом предопределяет основное направление нашей деятельности и соответствующий уровень мастерства студийцев. Наш коллектив — это единство непохожих, общность мастеров разных судеб и творческих индивидуальностей. Художники студии участвуют в самых престижных выставках современного искусства как в России, так и за рубежом.

В нашей студии мы стараемся максимально разнообразить тематическую и жанровую направленность наших работ, чтобы они были понятны и близки и увлеченным сединами ветеранам, и молодым солдатам правопорядка.

— **Анатолий Андреевич, перед встречей с вами я прошелся по**

юбилейной выставке и познакомился с ее экспонатами. Все представленные работы очень интересны. Но особое внимание, как вы понимаете, я обратил на картины, посвященные деятельности внутренних войск и особенно их элите — подразделениям специального назначения. Многие ваши художники работают над этой темой?

— Конечно. Очень интересные работы, посвященные отряду спецназа "Русь", появились за последнее время у Юрия Орлова. Это "Полоса препятствий отряда спецназа "Русь" и "Служу Отечеству и спецназу! "Краповые береты".

Портретная галерея Александра Теслика пополнилась работами "Старший сержант Булынин, кавалер ордена Мужества" и "Старший сержант Сафонов" из серии "Бойцы спецназа".

Продолжает плодотворно трудиться в этом направлении и Олег Леонов. Многие уже видели его картину "Портрет генерала Романова". Его новая работа, представленная на выставке, — "Мы из спецназа".

Появилась и у Владимира Сундукова новая картина, посвященная суровым войсковым будням, — "Чечня. Дорога в Гудермес".

Ну и конечно, нельзя не остановиться рядом с полотнами Ильаса Арасланова "Блокпост", "Под прицелом", "Снайперская пуля", "Не стреляйте нам в спину", "Портрет Героя Советского Союза Олега Бабака".

Беседа вел подполковник Николай КАЗАКОВ

Фото Александра ТЕСЛИКА, Нины ФРОЛОВОЙ и из архива редакции

Десять "ПОЧЕМУ?" подполковника ЯРОВОГО

Подполковник Владимир Яровой, заместитель командира головного полка по работе с личным составом бригады, дислоцированной в Курске, решил расстаться со службой. У него заканчивается контракт, одновременно офицер достигает и предельного возраста, что позволяет ему с чувством исполненного долга уйти на пенсию. Однако Владимир Иванович не похож на счастливого. И говорит куда больше не о будущих пенсионных радостях, а о службе, обо всех тех проблемах, что накопились в войсках.

— Знаю, что буду жалеть о принятом решении, и не один раз, потому что в войска пришел сознательно. Гордился и всегда буду гордиться тем, что я офицер. Для меня это не просто любимая профессия, для меня это образ жизни, — говорит он. — С юношеских лет я утвердился в мысли, что обязательно буду военным. Поступил в Ленинградское высшее военно-политическое училище, которое окончил в 1978 году. Лет 15 назад, имея такую же выслугу лет, я даже и не подумал бы об увольнении из ставших родными войск. Сейчас время совершенно другое. Слишком много накопилось проблем, которые я по долгу службы обязан, но не могу решить.

Принципиально не буду касаться вопросов денежного довольствия и уровня жизни военнослужащих, это отдельный и очень серьезный разговор. Хотя мне кажется, даже чисто механическое повышение, пусть даже и в несколько раз должностных окладов не даст столь ожидаемого многими эффекта. Слишком сильно изменился офицерский корпус, этот костяк войск, за последние лет десять, слишком качественно поменялся его состав.

И вот за плечами почти 30 лет службы. Но чувства удовлетворения, которое должны испытывать ветераны, у меня нет, — продолжает офицер. — Мало того, заканчивая службу, я многого не понимаю, а с некоторыми решениями, например кадровыми, я не согласен принципиально. Сейчас стало очень сложно работать, надо приспособливаться, подстраиваться, а я этого делать так и не научился, да и учиться не хочу. На мой взгляд, войска сегодня уже не тот сплоченный одной общей задачей и целью монолит, которым они были раньше. Из войск уходят люди, служившие за идею, за принципы. Все больше и больше в строю оказывается людей случайных, для которых служба — это не более чем средство выживания. В людях появилась

неуверенность в завтрашнем дне, а порой и просто отчаяние, безысходность. Я это вижу, ежедневно общаясь с десятками офицеров, прапорщиков, солдат. Разве могут такие войска кого-то защитить? И я не знаю, чем могу помочь людям, не ощущаю моральных и материальных стимулов, способных увлечь людей, не чувствую той системы, на которую можно было бы опереться. Она просто разрушена.

Взять молодых лейтенантов, которые сейчас приходят служить в войска. Это совершенно не те лейтенанты, которые пополняли офицерские ряды лет хотя бы десять назад. Нынешние выпускники военных вузов имеют очень низкую профессиональную подготовку, но зато большие претензии. Чувство ответственности у многих из них нивелировано до опасных пределов. Соответственно они выполняют и свои служебные обязанности. В результате хлопот с такими лейтенантами едва ли не больше, чем с солдатами.

Мне не понятно, почему при таком положении дел в системе морально-психологического обеспечения для войск не готовят в полном объеме офицеров по работе с личным составом. Не понимаю я этого и не могу понять. Почему го-

товят водителей, саперов, химиков и гранатометчиков, а офицера, который должен знать психологию людей, основы педагогики, который будет их воспитывать, с ними работать, считается возможным назначить с любой другой командирской должности? Почему в погоне за процентной укомплектованностью частей, спущенной с самого верха, кадровики порой готовы принять на службу кого попало? Со многими из таких контрактников вскоре приходится расставаться, чтобы, получив нагоняй за “низкую укомплектованность военнослужащими по контракту”, набрать новых добровольцев, по своему качеству ничуть не лучше первых.

Получается порой, что некого назначать на должности командиров рот и их заместителей. Это когда же было такое раньше? Выбирать не из кого. Это и низкий уровень подготовки кандидатов, и отсутствие у многих из них элементарного желания расти по службе. Почему? Боятся брать на себя ответственность и перестраивать свою работу. Отсутствие стремления к служебному росту и совершенству среди офицеров — отрицательный показатель для воюющих войск. На занятиях с подчиненными царят безликость, серость, шаблонные подходы. И это становится нормой. Руководителю сегодня не стыдно показывать свою безграмотность перед подчиненными. Это тоже опасная тенденция. И так происходит, я уверен, во всем войскам, никто меня не убедит в обратном, потому что я не первый год служу, и, кстати, в одном из лучших полков.

Не решаются вопросы социальной защищенности. Действующие законы и нормы просто не отвечают требованиям времени. Например, суммы компенсации военнослужащему за поднаем жилья или положенные по закону деньги за неиспользованные путевки в лечебно-оздоровительные учреждения для участников боевых действий, имеющих медицинские показания, просто не выдерживают никакой критики, и мне порой нечего сказать людям, которые спрашивают меня, почему так происходит. Остается только уходить от таких вопросов, а я этого делать не желаю.

Все более призрачными становятся перспективы получения собственного жилья офицерами и пра-

порщиками, хотя нельзя сказать, что эта проблема не решается. (Справка КЭС части: в 2000 году в полку выделено 16 квартир, в 2001 году 1 квартира и 2 квартиры приобретены на ГЖС. — Р.И.)

Все эти вопросы напрямую влияют на качественное отношение к службе. Сейчас зачастую от младших офицеров можно услышать такой стандартный ответ на замечания по упущению по службе: “Как мне платят, так я и работаю. Хотите, чтобы я служил добросовестнее, платите больше!”. И таких “деловых” офицеров становится в войсках, на мой взгляд, все больше и больше. Разговоры о переводе силовых структур на профессиональную основу только ведутся, а офицеров с психологией наемников-профессионалов уже достаточно. Причем отдача именно от таких офицеров крайне невелика. Нормальным ответом в такой ситуации, на мой взгляд, должен быть ответ: “Как работаешь, так и платим”. Однако то же самое приходится говорить и офицеру добросовестному, прибавив только: “Родина тебя забудет”. Банально и грустно.

Почему заместитель командира полка по тылу вынужден наматывать круги по городу в поиске стройматериалов для ремонта казарм, солдатской столовой, складских помещений части, хотя в федеральном законе о внутренних войсках четко определено, что финансирование ремонта, коммунального обслуживания военных городков частей СМВЧ возлагается на исполнительные органы власти субъектов Федерации? Почему третий год мы не можем добиться от депутатов городской Думы, чтобы они на основании этого закона включили строку в бюджет о финансировании этой статьи? Почему вообще мы, “федералы”, как нас любят называть телевизионщики, должны что-либо просить, если есть закон? Почему мы оказываемся в положении униженных обстоятельствами Золушек, бесприданниц? Однако мы не забыли, что являемся представителями силовой структуры государства, и помним, что обязаны сохранить хорошую мину даже при плохой игре. Да и вышестоящее командование того же от нас требует. Взять, например, “Комплексную программу о повышении авторитета внутренних войск МВД России”. Но как можно

повысить авторитет войск, если нас в администрации города знают как попрошаек! Никогда войска не находилась в таком униженном положении, как сейчас! Нас вынуждают, подталкивают идти искать помощь на стороне. На первое место в обязанностях командира полка, всех его заместителей выползают вопросы, совершенно не связанные с боевой подготовкой: завязывание знакомств, установление контактов с нужными людьми с целью добычи битума, краски, гвоздей, стекла, металлического уголка, лампочек и т.д. и т.п. О том, чем это чревато для войск, не хочется даже и говорить.

Владимир Иванович начинает перечислять список фирм и организаций, которые что-нибудь дают полку, в прошлом году, между прочим, отметившему свое тридцатилетие, где служит немало офицеров, награжденных боевыми орденами и медалями. Защищая интересы Родины, а значит, и курской земли, погибло десять военнослужащих полка. И ныне воины этой прославленной части продолжают исполнять свой воинский долг по восстановлению конституционного порядка в Чеченской республике. Как-то не вяжется вся эта бухгалтерия, напоминающая больше перетряхивание остатков на каком-нибудь складе НЗ расформированной части, с боевой летописью полка, жизнь которого подобна лихой песне. Но с трудом ложатся на мелодию этой песни слова о 50 метрах провода или коробке 100-ваттных лампочек, безвозмездно переданных полку за бедностью ООО “Свет”. Попахивает какой-то не совсем честной сделкой: с одной стороны — подвиг старшины Романа Шеина, ценой своей жизни предотвратившего гибель своих товарищей, с другой — ящик гвоздей; одна сторона дает показатель — 134 задержанных в городе преступника, а другая обязуется не отключать свет и тепло. Несогласный с таким положением дел подполковник Владимир Яровой решил расстаться со службой, но поднятые им вопросы остаются.

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**
Фото автора

Курск-Москва

Письмо в номер

Я, Власов Михаил Петрович, бывший военнослужащий ВВ МВД России, проходил службу с 1981 по 1996 год в в/ч 6672. В 1995/96 годах дважды находился в служебной командировке по обеспечению конституционного правопорядка на территории Северо-Кавказского региона в составе батальона оперативного назначения. В декабре 1996 года я уволен из ВВ МВД России по сокращению штатов. С апреля 1998 года являюсь сотрудником УИН МЮ РФ.

На основании постановления Правительства РФ от 25 февраля 2000 г. №160 "О предоставлении путевок в лечебно-оздоровительные учреждения военнослужащим, сотрудникам органов внутренних дел и сотрудникам уголовно-исполнительной системы, выполняющим (выполнявшим) задачи по обеспечению правопорядка и общественной безопасности на территории Северо-Кавказского региона, и членам их семей" в декабре 2001 года я обратился с рапортом к командиру в/ч 6672 с просьбой выплатить мне денежную компенсацию за неиспользованное СКЛ. На что получил отказ. С таким выводом я не согласен, поскольку, на мой взгляд, он противоречит данному постановлению Правительства. Прошу разъяснить мне, не каком основании мне было отказано в выплате денежной компенсации.

С уважением, Михаил Власов.

От редакции. Уважаемый Михаил Петрович, согласно постановлению Правительства РФ от 24 августа 2002 г. №630 "Об изменении, приостановлении действия и признания утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в связи с Федеральным законом "О федеральном бюджете на 2002 год" с 10 сентября приостанавливается действие вышеприведенного постановления Правительства №160, в части выплаты денежной компенсации.

Пишет вам бывший начальник штаба войсковой части 3757 подполковник в отставке Шарепин В.С. Прослужив в войсках 29 лет и 8 месяцев в календарном исчислении, 9 июля 2002 года я был уволен по состоянию здоровья. Согласно п.2 и 3 ст.18 Закона РФ "О статусе военнослужащих" и п.2.3,2.5 Инструкции о порядке выплаты единовременного пособия военнослужащим и членам их семей, введенной приказом МВД РФ №70 от 1.03.94 г., мне положено единовременное денежное пособие при увольнении в размере 60 окладов денежного содержания, так как в заключении ВВК ГКВГ ВВ МВД России, где я находился на лечении и обследовании, указано, что "в соответствии со ст.52 "а", 43 "б", 24 "в", графы третьей расписания болезней и ТДТ (приложение к Положению о военно-врачебной экспертизе, утвержденному постановлением Правительства РФ от 1995 года №390 п. "д") я признан не годным к военной службе, поскольку заболевание (бронхиальная астма в тяжелой форме, гипертоническая болезнь 2-й степени) получено в период прохождения военной службы". Однако командиром части мне было отказано в выплате этого пособия, на основании ссылки на представителя вышестоящего командования подполковника Басалая Г.Г., который излагал вышеперечисленные документы, на мой взгляд, произвольно, утверждая, например, что поскольку я заболевание получил не в ходе боевых дежурств или командировок на Северный Кавказ, то выплаты мне не положены.

Прошу вас разобраться, по возможности оказать мне помощь, так как я в ней очень нуждаюсь.

С уважением, подполковник в отставке Шарепин В.П.

На Ваш вопрос отвечает начальник ЦВВК ВВ МВД России полков-

ник м/с Валерий Логинов:

— В соответствии с требованиями Положения о военно-врачебной экспертизе, введенном постановлением Правительства РФ №390 от 20.04.95 г., были изменены формулировки ВВК о причинной связи получения заболеваний. Вместо формулировки "получено при исполнении обязанностей военной службы" введена формулировка "военная травма", наличие которой и предусматривает выплату единовременного пособия в размере 60 окладов.

Согласно пункту 46 данного Положения, заключение ВВК о причинной связи увечий (ранений, травм, контузий) выносится в формулировке "военная травма", если возможно установить точное время его получения и определить, находился ли военнослужащий в этот момент при исполнении обязанностей военной службы или нет.

При заболеваниях же установить точное время начала и связать их с исполнением обязанностей военной службы медицинской науке не представляется возможным. Поэтому заболевания военнослужащих, полученные в настоящее время, признаются связанными с исполнением обязанностей военной службы только в случае, если они начались в период выполнения задач в условиях чрезвычайного положения и при вооруженных конфликтах, где выслуга лет исчисляется один месяц службы за три.

При досрочном увольнении военнослужащих в связи с признанием их ВВК не годными к военной службе вследствие данных заболеваний, им выплачивается денежное пособие в размере 60 окладов денежного содержания.

В остальных случаях заключение ВВК о причинной связи заболевания выносится в формулировке "заболевание получено в период военной службы" и данные военнослужащие права на получение ЕДП не имеют.

Таким образом, установить причинную связь Вашего заболевания с исполнением обязанностей военной службы не представляется возможным в связи с невозможностью точного установления момента начала заболевания. Сведения, что Ваше заболевание возникло в период выполнения задач в условиях ЧП и при вооруженных конфликтах, отсутствуют. Поэтому права на получение единовременного денежного пособия Вы не имеете.

Армия — испытание духа

Хочу рассказать о своей службе в армии. Может быть, мой опыт пригодится кому-нибудь из молодых солдат и их родителей, поскольку сейчас некоторые матери просто боятся отдавать сыновей в армию, которой пресса и телевидение по-прежнему пугают население. Но на самом деле, армия может дать молодому человеку то, что не даст ему ни одна семья, школа и институт.

Переживания матерей за своих детей в армии естественны и понятны. Однако они зачастую чрезмерны и излишни, и матери сами себе доставляют ненужные страдания. Происходит это, когда они видят в своих детях в громадной степени только тельца, физическое существо, которое может заболеть, пораниться, страдать от голода, жажды, побоев и т.п. Материнские желания прослужить сыну легко и комфортно неосуществимы в армии, ибо она полна лишений, необходимости моральных и физических испытаний. И армия, как система, как реальные люди в ней, отнюдь не предполагает смягчения этих неудобств. Поэтому плач матерей, переживания не избавят солдата от них. Материнские чувства не утешатся, если мать будет видеть в армии только череду неприятных событий и горестей.

Армия полна испытаний, и прежде всего для духа — в этом ее ценность. Она, как, может быть, ничто иное в нашей жизни, дает в сконцентрированном виде самые различные испытания духа человека. И человек может извлечь из этого много пользы для себя, если жить активной духовной жизнью в нашей, какая бы она ни была, армии. Ибо армия не вырвана из контекста всей

жизни, но, являясь более жестким вариантом гражданской, представляется одним из звеньев ее.

Армия — благодатная почва для закалки духа; в ней ты можешь вырасти духом, можешь и упасть. Много зависит от степени готовности к армии, и тут я имею в виду готовность внутреннюю, а не внешнюю, физическую. И матерям следует больше болеть за то, чтобы сыновья их не сломались в армейских условиях, выстояли и проявили величие духа.

Я, слава Богу, пошел в армию верующим и непрерывно, все время наблюдал, смотрел на все вокруг, и делал выводы с православной позиции. Я увидел, чего не мог увидеть вне армии, я узнал о себе то, чего нигде не мог бы узнать. Мне приоткрылись вопросы о смысле жизни, о силе духа, о человеческом достоинстве и многое другое; я понял, что действительно является необходимым для жизни, а без чего могу обойтись — как же мало надо и как много лишнего! Я прошел школу аскетизма, вынужденного, но полезного, школу лишений, отчего кардинально изменились мои представления в отношении вещей и личных потребностей. Я пережил ситуации невозможности оправдаться, когда был прав и невиновен; полнейшего одиночества; бессмыслицы всего и поиска смысла в этой бессмыслице; ситуацию ада, полнейшего ухода в свои проблемы и переживания, когда только мрак и зло видятся вокруг (ужасное состояние), и чудесного преодоления этого состояния. Ну разве такой багаж не выше возможных армейских невзгод?

Я многое взял из армии. Кто знает, сколь больше возьмет другой? Стоит ли отказываться от возможности такого шанса. В армию каждый идет зачем-то. И благо для всех, если молодой человек идет в армию для пользы в первую очередь духа. И мать, с тем отправляющая сына, будет только рада, видя, как изменился ее сын, когда он вернется, отслужив. Конечно же, если изменится в лучшую сторону. Этого я желаю всем. А для этого всем надо потрудиться, чтобы заложить в будущего защитника Отечества фундамент нравственности и духовности.

**С уважением, сержант запаса
Максим Турков,
г. Чехов**

Обращаюсь к Вам с вопросом, который ошарашил нас пенсионеров, ветеранов, лишенных льгот. Как же жить на пенсию 1117 руб.22 коп.? В местной телефонной сети требуют справку из военкомата, что я пенсионер УВД. Зачем, если пенсионное удостоверение выдано в УВД? Где же ответы на эти и другие вопросы?

**Военный пенсионер
Антонюк Л.Р.**

Как член Совета ветеранов Совета ветеранов Саратовского военного института обращаюсь по поручению всего коллектива, насчитывающего более двухсот человек. Прошу дать ответ на следующие вопросы:

1. Почему нам не произвели перерасчет пенсий с 1 июля, как это сделали пенсионерам Вооруженных Сил? Если возникли какие-то технические "препятствия", то почему об этом не сообщили начальнику института или в пенсионный отдел?

2. С 1 июня с нас сняли 50% льгот по уплате за пользование телефоном. Никакого разъяснения в пенсионный отдел УВД не поступало.

В тоже время гражданские ветераны труда, имеющие удостоверения, продолжают пользоваться этой льготой. Почему так происходит?

**С уважением,
по поручению коллектива
полковник в отставке
Филаретов Л.А.**

От редакции: Уважаемые читатели военные пенсионеры! Поднятые вами вопросы находятся вне компетенции не только журнала, но Главного командования, Министерства. Законы принимает государственная Дума, наверно, к депутатам от вашего региона в ней и стоит обратиться.

АЛЕКСЕЙ КАРЕВ

Алексей Николаевич Карев родом из Калужской области. Окончил Высшее политическое училище МВД СССР и Высшую партшколу при ЦК КПСС. Четверть века отдал войсковой журналистике, полковник запаса, в недавнем прошлом ответственный секретарь нашего журнала. Участвовал в работе всеармейских и войсковых семинаров молодых литераторов, издал в столице две поэтические книги — “Я из Подгорицей” и “Люблю навзрыд”. Член Союза писателей России.

В нынешнем декабре у нашего боевого товарища юбилей — Алексею Николаевичу исполняется 50. Мы от души желаем ему человеческого и творческого долголетия!

ДОЛИСТЫВАЯ КНИГУ ДЕКАБРЯ

СТАРЫЙ МОСТ

Деревянный, шаткий и скрипучий,
Железобетону не чета,
Он оставлен был на всякий случай
Чуть пониже нового моста.

Стонут доски ветхого настила,
Нюют сваи в темной глубине...
Сколько их, колес-то, прокатило
По его натруженной спине.

И хотя хромают все сравненья,
Мне открылся смысл —
суров и прост:
Это же ведь наше поколение —
Меж двумя веками старый мост.

СОСЕД

Памяти В. Христенко

Двор продрогший —
подобье застенка.

Жисть-жистуха,
как прежде, горчит,
И унылый Володя Христенко
Часовым у подъезда торчит.

— Николаич! —
окликнет знакомо,
Заприметив, что мимо иду, —
Я поэзии вашей два тома
Уважаю и третьего жду.
Почему так бывает, не знаю:
Ни в одном, понимаешь, глазу,
А открою стихи, почитаю,
Вот те крест —
высекают слезу...

Не калека, не нищий он вроде,
Но когда на исходе гроши...
Понимаю, что надо Володе
Похмелиться назло непогоде.

И судить ты его не спеши.

Стареем, брат, и что ни говори,
Жизнь, хоть и благо, —

штука непростая.
Я раньше торопил календари,
А ныне с тихой грустью
вспять листаю.

Вот думаю:
на что еще сгожусь?
Когда-то я во многом был
не промах.
Все реже, реже в зеркало
гляжусь,
Все чаще роюсь
в стареньких альбомах.

В них то, чем жил.
Такое ль забывать:
Любовь, разлуки, встречи —
лица, лица...
Как мы умели строгими бывать.
Наверно, так же,
как и веселиться.

Я не любитель дат, событий, вех
И на приветы не спешил
с ответом,
Но все, что легкомысленно
отверг,
Теперь к груди прижал бы...
Только где там.

ИЗ БЫЛОГО

Был комбат наш
известным щеголем.
Величав, неприступно строг,
Он ходил перед строем гоголем,
Весь — как глянец своих сапог.

И когда он втискивал
в уши нам
Поученья свои не спеша,
Португеей полузадушенная,
В нем безмолвствовала душа.

Память годы перелопатила,
Что на невских провел берегах.
Ничегошеньки о комбате в ней,
Кроме глянца на сапогах.

Ста смертям не бывать.
Смерть приходит одна:
Собирайся, мол, парень,
Настал твой черед...
От войны не откупишься,
Это — война,
И она только жизнями
Взятки берет.

Смерть приходит одна,
Перед ней все равны,
И последней картинкой
Мелькнет предо мной:
Как, темнея,
На вдовью косынку жены
Опрокинется небо
Дождя пеленой.

Ста смертям не бывать.
Хватит мне и одной...
Но и мертвого
Жечь меня будет вопрос:
Что же это случилось
С моею страной,
Кто же это державу
Пустил под откос?

Настанет день.
Мы все устали ждать,
Устали сомневаться
и страдать,
Кляня лихое наше
безвременье.
Мы запоздало наконец
поймем,
Как надо жить,
И медленно начнем
Разбросанные собирать
каменя.

ПИСЬМО Ю.Р.

**Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок...
Н. Рубцов**

Я опять к тебе приеду
На рассвете, как всегда,
И продолжим мы беседу
Про ушедшие года.
И про то, как строить баню,
И про то, как вырыть пруд,
Про грибы, про бабу Маню,
Про здоровый сельский труд.
Верю я, что ты весною
Заведешь себе гусей.
И в пруду под бузиною
Мы наловим карасей.
Помню, ты хотел когда-то
Показать местечко мне,
Где роскошные опять
Светятся на каждом гне.
Набереж. Побродим рядом
В золотой лесной тиши.
Для стола ну много ль надо?
Больше надо для души.
А потом за крепким чаем
Иль за рюмкой —

что с того? —

Мы Рубцова почитаем,
"Филю доброго" его.
Так что жди, и я приеду
Тяжесть будней сбросить
с плеч.

Ты под нашу под беседу
Протоги повжарче печь.

У КАМИНА

Друзьям

Мы рядом — и углыл
В неведомые дали
Моих былых печалей
Журавлиный клин.
Как это хорошо,
Что мы во всем совпали,
Что нас соединил
Пылающий камин.

Как я хочу для вас
Быть легким на помине,
Спасенным вами быть
И вас от бед спасти.
Мне это нашептало,
Напел огонь в камине.
Дай Бог ему, дай Бог
Вовек не угасать.

Как я хочу для вас
Быть легким на помине

И на тревожный зов
Спешить в полночной мгле.
А если не приду,
Пусть вам огонь в камине
Расскажет, что меня
Не стало на земле.

ПРЕДЗИМЬЕ

Как ветрено.
Вот кустик придорожный
Земле поклоны низкие кладет.
Издавка походкой осторожной
Зима идет.
Вы слышите? Идет.
Уже знобит она
дыханьем близким
Сквозной простор лесов,
полей, лугов.
И ноябрем объявлена подписка
На полное собрание снегов.

В.К.

Долистываю книгу декабря.
Морозная вечерняя заря
Тревожным светом
подожгла снега
И полузанесенные стога
Там, за рекой,
где в юности бывал,
Где в чистые, лучистые глаза
Ромашки луговые целовал.

...Пойду куплю цветов.
Но что цветы —
Вниманье, обещанье перемен?
Как многое прощать умеешь ты
И ничего не требовать взамен.

ПОЭЗИЯ

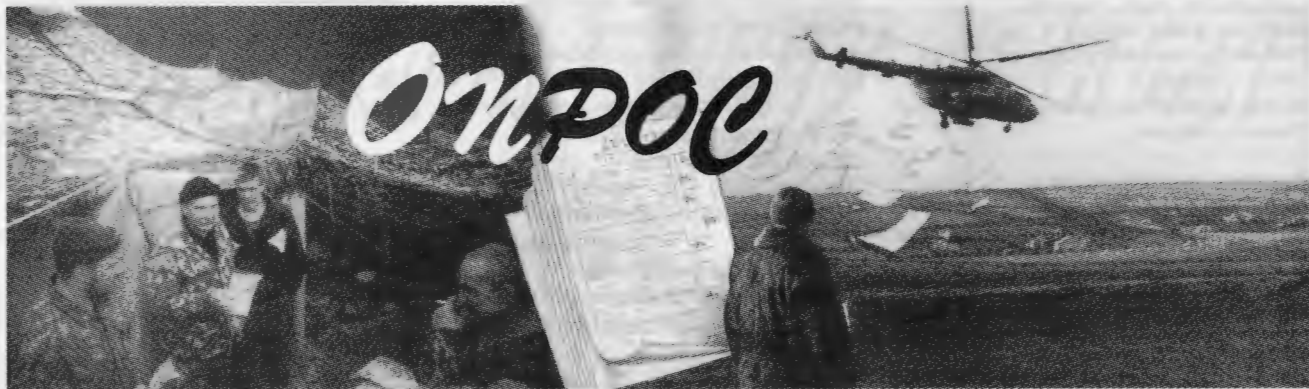
Куда б судьба по свету
ни бросала,
Какие бы невзгоды ни слала,
Меня всегда поэзия спасала
И по ухабам жизненным вела.
И долгими дождливыми ночами,
И смутным утром,
и средь бела дня
Она всегда стояла за плечами,
Храня от мрачных помыслов
меня.

Андрей МАКАРОВ

Уходящий год стал юбилейным для нашего сослуживца подполковника Андрея Макарова — ему исполнилось сорок. К этой дате он завершил учебу в Юридическом институте МВД России, напечатал несколько рассказов в "толстых" столичных журналах. Надо отметить, что, несмотря на сегодняшнее глухое, тусовочное время, публикации были замечены. Он стал лауреатом премии им. В. Катаева за лучший дебют в "Юности". А рассказ "132-й", с которым мы знакомим читателей в майской книжке журнала за 2001 год, принес ему литературную премию им. А. Платонова.

Два рассказа

Самолет долго заходил на посадку. Он раза два или три примеривался к полосе или подлаживался к задувающему поперек нее ветру, и прильнувшему к иллюминатору Пахомову было хорошо видно бетонку. Справа стояли на боковых дорожках транспортные Илы, слева — маленькие, словно игрушечные, вертолеты. Но, взревев двигателями, транспортник уходил на очередной круг.

В салоне — огромном ангаре, заваленном какими-то ящиками и мешками, никто не волновался. Сидевшие в два яруса пассажиры терпеливо ждали конца полета. Свет дежурной лампочки под потолком выхватывал из полумрака лишь отдельные лица.

Наконец с третьего раза покатались по полосе. Разошлись створки ramпы, сразу все зашевелились и, похватав свои мешки и сумки, повалили наружу.

У Пахомова были помимо рюкзака две плотно упакованные и увязанные пачки бумаги.

На взлетной полосе прямо к самолету подкатывали грузовики. В штабной автобус влезли несколько полковников, и он сразу покатил куда-то вдоль взлетки. Остальные прилетевшие сбились по двое, по трое, курили и ждали конца разгрузки. Грузовики разворачивались и потихоньку пятились задним ходом к раскрытой ramпе. Из самолета в кузова солдаты таскали зеленые, явно военного вида ящики.

Пахомов прошелся, прислушиваясь к разговорам. Народ вокруг бывалый, в потертом, стираном-перестираном камуфляже. У большинства на плечах висели автоматы с отстегнутыми магазинами, у ног стояли вещмешки или

одинаковые, камуфляжной расцветки сумки. Он же, в своем новеньком, необмятом камуфляже, с этими увязанными пачками бумаги явно выделялся. Накануне вылета они с женой долго думали, гладить полевую форму или нет, и все-таки решили погладить. Теперь он понимал, что зря.

Некоторые пошли к вертолетам. Единственная гражданского вида тетка в цветастом платье, летевшая с ними, уже ругалась с военным в летной форме, стоявшим у вертолетов с маленькой переносной радиостанцией в руках. Доносились лишь отдельные слова, которые удавалось вставить летчику:

— Откуда я знаю... вы гражданская, вам вообще не положено... как попали сюда, так и выбирайтесь... — и наконец он махнул рукой в сторону трехэтажного здания с утыканной антеннами башенкой наверху. К башенке вела прилаженная к стене узкая железная лестница. И уже через минуту тетка, оттолкнув часового, уверенно лезла наверх.

Потихоньку садилось солнце, вместе с сумерками пришла и прохлада. Зеленые "Уралы" по одному отходили от самолета и сразу выстраивались в колонну. Когда загрузили последний, восьмой, было уже совсем темно. Машины зажгли фары. Стекла фар были закрыты щитками, и сквозь узкую прорезь пробивался лишь тонкий, развернутый плоским веером луч.

— По машинам! — прозвучала команда.

Разом стали гаснуть огоньки сигарет. Кто-то, выхваченный лучом фар, лез в кузов.

Пахомов побежал на голос. Пачки бумаги били по ногам, мешая.

Толстый подполковник уже садился в кабину первого "Урала".

— Товарищ подполковник! Разрешите...

— Чего тебе?

— Разрешите с вами?

— Давай, — пожал тот плечами.

— А где? — Пахомов оглядел колонну.

Уже хлопали дверцы машин, заработали движки.

Подполковник, похоже, хотел выругаться, потом глянул на Пахомова, его новенький камуфляж, неловко пристроенный на одном плече рюкзачок и пачки бумаги.

— Да где хочешь, — буркнул он и захлопнул дверцу.

У машин уже никого не было. Пахомов снова побежал вдоль колонны. Люди будто исчезли. Лишь доносился чай-то приглушенный смех из-под брезента над кузовом. В кабинах виднелись темные силуэты. Один грузовик слегка дернулся, выравнявая свое место в колонне.

В предпоследней машине в кабине сидели лишь двое. Пахомов вскочил на подножку и рванул дверцу. Он кинул под ноги вещи и проскользнул на середину большого сиденья мимо посторонившегося солдата. И сразу колонна тронулась.

На выезде с аэродрома впереди встал облепленный бойцами бронетранспортер, словно ржавый от сбитой местами зеленой краски.

Когда выкатился последний "Урал", такой же БТР, прямо-таки двойник, закрыл колонну.

Лишь первый городок, который проехали крайними улицами, был освещен. Потом пошли темные придорожные поселки, контрольно-пропускные пункты, которые колонна проползала, извиваясь, словно змея, между перегородившими дорогу блоками.

Через пару часов дорога заметно пошла вверх. Начались горы.

Пахомов сидел, зажатым солдатом боевого охранения колонны и водителем. Боец был толстым, да еще и одет в бронжилет, разгрузку и казался пухлым, как торговка на зимнем базаре. Пахомов локтем больно упирался в бронжилет, в его стальные, скрытые грубой тканью пластины. Водитель, конопатый паренек лет восемнадцати в потертанном камуфляже с серою полоской, подшитой к воротнику, переключая на подъеме передачи, то и дело втыкал рычаг ему в колено. Внизу, заставив задраать ноги, лежали все те же, уже надоевшие ему пачки. Дорога оказалась неожиданно долгой. Машины карабкались по извилистой, опоясавшей горы ленте. Было темно, и свет фар то чертил по склону, то уходил в никуда. Из темноты сыпал дождь, на капоте "Урала" образовалось кипящее озерцо. В кабине приборы светили зеленым, показывая дрожащие стрелки.

То одна, то другая машина глохла, и их водители лезли под капот, а колонна, прижавшись к отвесному склону, терпеливо ждала.

Наконец натужно взяли перевал и покатались вниз, теперь уже то и дело притормаживая.

Капитан задремал, а когда проснулся, колонна остановилась, потом машины осторожно съехали с асфальта прямо в поле, встали цепью на его краю.

Тишины не было. Где-то невдалеке гулко, так, что дрогнула под колесами земля, ударила гаубица. Кто-то кричал из темноты, чтобы срочно начинали разгрузку.

Пахомов распахнул дверцу и спрыгнул. Жидкая вязкая грязь тут же цепко схватила ботинки. Выдирая ноги, он побрел к белевшей неподалеку палатке.

Дождь то прекращался, то с порывами ветра снова начинал лить. Капитан невольно сгорбил, словно защищаясь от воды и ветра, но все равно тут же насквозь вымок.

В маленькой острой и высокой палатке, куда он, отогнув полог, осторожно сунулся, было неожиданно сухо и уютно. Пол устилала солома. Несколько плотно спрессованных тюков лежали по краю, образуя что-то вроде лежанки, и на ней уже спал, похрапывая, какой-то майор, намотав на руку ремень автомата.

В центре у державшей палатку трубы глядел вверх большой фонарь, бросавший рассеянный свет вокруг.

Еще один майор склонился над картой, разложенной на таких же тюках, не выпуская прижатую к уху телефонную трубку.

— "Нева-2", "Нева-3", "Нева-7", — монотонным голосом повторял он, — 32-46, огонь!

Он на секунду оторвался от карты и повернулся к Пахомову.

— Минь привезли?

— Не знаю, там какие-то ящики есть, сгружают уже.

Майор снова склонился над картой.

Пахомов бочком пробрался поглубже в палатку, бросил свои пачки прямо на солому и сам уселся сверху.

Снова ударила гаубица, палатку качнуло, следом где-то вдалеке дали залп минометы. Противный свист уходил куда-то далеко. Пахомов, словно забравшись в свою норку, сразу успокоился. Он расстегнул рюкзак и достал большой термос. Из-под пробки дохнуло теплым, таким домашним чайным запахом. "Ведь несколько часов назад и заправил", — подумал капитан, наливая чай янтарной струей в подставленную широкую крышку.

Полог палатки снова отогнулся, и сразу же внутрь ввалился старший лейтенант в мокром камуфляже и резиновых сапогах, заляпанных до среза грязью.

В палатке сразу стало тепло.

— Хорошо живете. — Вошедший обвел взглядом узкую, уходящую вверх клином палатку. — Чай у вас есть.

Он забрал у Пахомова термос и плюхнулся рядом. Крышка термоса у него в руке заметно дрожала.

— "Нева-2", "Нева-3"... — продолжал бубнить майор.

Старлей шумно и с удовольствием отхлебнул чай:

— Суки! Все этот туман, сколько наших положили. А эти уроды словно ждали. У них и минометы, и пулеметы есть. Наши, наверно, до утра выбираться будут. — Он покачал головой.

— А вы из боя? — осторожно спросил Пахомов.

— Я? — удивился тот. — Я из жопы, я из дерьма, еле вылез. А завтра, чувствую, снова туда ползти придется.

Он говорил громко, и майор, спавший у них за спиной, заворочался и забормотал что-то во сне.

— Чай есть, — повторил старлей. — Слушай, а кормить-то хоть будут, не слышал?

— Да я сам только с колонной приехал, — пожал плечами Пахомов. — Кухню не тащили. А в кузове вроде мины.

— Ну, попали, — сплюнул на устилавшую пол солому старлей.

— Знаете, товарищ старший лейтенант, — Пахомов встал и выдернул из надорванной упаковки пачки лист разланной бумаги, — вы не могли бы прямо сейчас анкету заполнить?

Старлей резким движением взял лист и поднес его поближе к фонарю.

— "Ты часто чувствуешь, что тебе что-нибудь надоело?"

— прочитал он и скривился: — Что это?

— Социологический опрос. Там шестьдесят вопросов, надо только проставить "да" или "нет". Вы не волнуйтесь, опрос анонимный.

— А зачем?

— Это чтобы определить психологическое состояние. Расстановку в коллективе да и многое другое.

Старлей с недоумением продолжал смотреть на лист, снова поднес ко рту крышку с чаем. Когда он пил, несколько капель скатились по подбородку и упали на бумагу.

— А зачем? — снова повторил он.

Пахомов не нашел что ответить.

— Приказали, — наконец буркнул он.

— А-а, ну тогда ясно, — сразу успокоился старший лейтенант. — Они и не такое прикажут. Надоело! Все мне уже много лет как надоело!

Он глотком допил чай, поднялся и вышел из палатки куда-то в темноту. Покрытый пятнами от чая лист так и остался на соломе.

— "Нева-2", "Нева-3", огонь!..

... Рассвет был хмурым. Утром оказалось, что часть стоит на позиции бывшей ракетной батарее. Огромные, залитые бетоном круги обрамляли земляные валы. По краям поля темнели входы в бункеры. Впрочем, ракетчики ушли отсюда еще лет двадцать назад: позиции заросли травой, а у самой дороги стояли три огромные, высотой с дом, склды соломы. Одну из них порядком растащили, обустриваясь на ночь. Жизнь налажи-

валась, на поле ставили палатки, между ними деловито сновали бойцы и офицеры. Тянули провода и что-то рыли. Кое-кто, пристроив коробки сухого пайка на коленях, уже завтракал.

Вдалеке, за полем, виднелась батарея "саушек" — самоходных артиллерийских установок. Это она всю ночь была куда-то. Словно в подтверждение, из ствола крайней вырвался яркий сноп огня. Секундой позже донесся грохот, и вновь дрогнула земля под ногами.

Пахомов увидел у одного из бункеров командно-штабную машину с торчащими над кунгом антеннами и зашагал туда, таща за собой пачки с опросниками.

— Разрешите? — Он спустился в бункер.

Сюда уже подвели свет от тархтящего наверху дизеля. Тот то почти останавливался, то начинал торопиться, постукивая все быстрее и быстрее. И лампочка над ящиками послушно то почти гасла, то начинала светить нестерпимо ярко. В бункере на единственном стуле сидел полковник в камуфляжных штанах и тельняшке-безрукавке. Его куртка висела на спинке стула. Два майора и капитан пристроились на ящиках, раскрыв блокноты, и что-то записывали.

— Разрешите? — повторил Пахомов, не дождавшись ответа.

Полковник повернулся и равнодушно посмотрел на него.

— Капитан Пахомов, психолог из отдела штаба округа, прибыл с заданием провести опрос.

— Штаба округа? — не поняв, переспросил полковник. — Боеприпасы где? И заслоны, заслоны надо на дорогах поставить.

— Я психолог, товарищ полковник.

— Психолог? — Полковник на секунду задумался, словно его не отпускало другое, что-то очень важное, о чем он говорил до этого офицером. — Психолог? Психиатр. Медик! Солнце мое! Наконец-то! Бери сумку и вперед! У меня в разведке доктора убили.

В углу лежала зеленая сумка с красным крестом на белом круге. Полковник, похоже, тут же забыл о нем, продолжая что-то диктовать офицерам.

— Пошли, — какой-то майор дернул Пахомова за рукав, — бери сумку.

Пачки с опросниками остались в бункере, и теперь Пахомов, недоумевая, все же послушно бежал куда-то за майором. У копы сена уже сидели полтора десятка бойцов в комбинезонах разведчиков. Заметив командира, они поднялись. Все с автоматами, лишь двое держали СВД, и у одного торчала за спиной труба гранатомета.

— Слушай задачу, — с ходу начал майор. — Идем вчерашним распадком. Смотрим, где "духи". В бой не ввязываемся, сразу отходим назад и пробуем сунуться в другом месте. Давайте, ребята, начальник штаба ждет. Вместо Айболита пойдет вот... — майор оглянулся на Пахомова, словно вспоминая его имя, — ...капитан — врач. Хирург, — зачем-то добавил он.

За копной оказался бронетранспортер. Бойцы резво полезли на него, занимая привычные места. Пахомов все стоял, он как-то не мог именно сейчас взять и заявить, что вовсе не доктор и вообще оказался здесь случайно. Да и кому заявить, бойцам?.. А вдруг кого-нибудь из них сейчас ранят, и ему с раненым надо будет что-то делать? — ужаснулся он и неожиданно понял, что сейчас все равно поедет на задание вместе с ними.

БТР завелся, выплыв густой сизый дым. Пахомову протянули руку, и он следом за бойцами взлетел наверх, устроившись на броне сразу за башней. Бронетранспортер рванулся вперед и покотился неожиданно мягко, оглаживая огромными колесами пригорки и выбоины. Пахомов почувствовал, что у него неожиданно мелко и противно дрожат руки. Не от страха, а от нервного ожидания того, что будет впереди, — предстоящего боя или чего-то еще, пугающе неизвестного.

Доехали быстро. На позиции было много техники. Одну БМП, видимо, вытянули из-под огня. Она обгорела до ржавого остова и стояла теперь с распахнутыми задними дверцами, с одной стороны не было гусеницы.

Бронетранспортер не останавливаясь проскочил между окопами. Дальше ехали уже медленнее, и майор, свесившись сверху в люк, что-то объяснял водителю.

Наконец встали. Все прыгнули вниз. Бронетранспортер остался за пригорком. Из него Пахомову достали автомат и бронжилет. Он сразу сдвинул грудь и всей своей тяжестью навалился на плечи.

— Идем обычным порядком, — распорядился майор. — В

бой не ввязываться, сунемся влево-вправо и назад. Док, — повернулся он к Пахомову — держись меня, не отставай.

Майор побежал первым и прыгнул в узкую канаву, с которой начинался распадок. Несколько человек без команды редкой цепью бежали слева и справа, остальные держались поодаль, прикрывая их. Пахомов бежал последним. Тяжелая сумка, мешая, хлопала по ноге. Автомат он держал, как палку, все не зная, как взять его поудобнее. Он обратил внимание, что и офицер, и бойцы бегут едва слышно. Казалось, доносится только тяжелое дыхание.

Майор поднял руку, и все сразу залегли. Пахомов плюхнулся прямо в грязь, подтянув к себе сумку. Дальше пробирались перебежками. Бронетранспортер остался где-то далеко сзади.

Распадок ширился, почва на срезе оказалась неожиданно разноцветной, какими-то отдельными пластами от ярких до серых и угольно-черных. По дну шла старая ржавая труба, видно, для орошения лежащих внизу полей. Пахомов приорвался и побежал прямо по ней.

Неожиданно он заметил, что вокруг никого нет. Все снова залегли, и тут же кто-то дернул его за ногу. Он слетел с трубы на землю и весь сжался. Легкой, отрывистой дробью где-то впереди ударила автоматная очередь. К ней присоединилась другая, третья. Страшно не было, просто захотелось вжаться в землю.

В ответ ударили автоматы разведчиков, где-то далеко сзади застучал пулемет бронетранспортера.

— Отходим! — раздалась команда.

Работали четко. Пока одни отвечали на выстрелы "духов", другие перебежали назад, чтобы потом уже самим поддерживать огнем оставшихся. Улучив момент, Пахомов тоже рванулся назад. Бронжилет словно утратил вес и просто не чувствовался на теле. Неожиданно за спиной раздался длинный тягучий свист. Когда он бросился на землю, его догнала, припечатав к земле, тяжелая тугая волна. Она ударила по ушам, и от близкого взрыва в голове зазвенело.

Впереди маленькими фонтанчиками взметнулась грязь. "Сейчас накроют", — подумал Костя, с трудом поднялся и побежал дальше по распадку.

Еще несколько раз им пришлось залегать и отстреливаться, пока не вышли к бронетранспортеру. Оказавшись в безопасности, Пахомов сел прямо на землю, все так же прижимая к себе медицинскую сумку. "Калашников" оказался за спиной, и Костя даже не помнил, когда повесил его туда. К нему шел и что-то говорил майор, но слов его Пахомов не слышал, в голове все сильнее звенело. Командир разведчиков дернул его за рукав и показал на бронетранспортер. Там в проеме люка, зажимая рукой плечо, сидел боец. Рукав его куртки был мокрым и от этого казался тяжелым.

Пахомов встал и подошел ближе. Боец серьезно смотрел на него и тоже что-то говорил. Наконец майор посмотрел на Пахомова, махнул рукой и присел перед бойцом. Широким ножом он срезал рукав, открыв залитую кровью руку. Из приклада автомата достал пристроенный туда перевязочный пакет. Он ловко распотрошил его, аккуратно и быстро закрыл рану. Бинт мгновенно намокал, и майор снова и снова накручивал его вокруг руки. Боец сидел в люке, задрал голову, и, закусив губу, смотрел на небо.

Где-то выстрелила гаубица. Пахомов понял это по едва несемшему звуку, а главное, по вновь качнувшейся под ногами земле. Его снова дернули за рукав, разведчики полезли на бронетранспортер, и Пахомов послушно последовал за ними.

Разведка заняла один из бункеров. Сюда уже натащили тюков с соломой, устроив нечто вроде лежанок. Из снарядных ящиков сделали стол, развели в углу костер, который тут же обвесили задымившимися от закипавшей воды котелками.

На Пахомова никто не обращал внимания. Разведчики чистили оружие, кто-то снаряжал магазин.

Наконец появился майор, он взял из угла пятнистый камуфляжный рюкзак, покопался в нем и достал бутылку водки. Щедро плеснув в большую алюминиевую кружку, протянул ее Пахомову. Тот спокойно, словно воду, выпил, затем послушно лег, закрыл глаза и словно провалился куда-то.

Когда он очнулся, его вычищенный камуфляж покоился рядом. Здесь же возвышались принесенные из штаба рюкзаки и две пачки опросников. Сам он был накрыт плащ-палаткой.

— О! Очнулся! — подошел к нему майор. Его слова доносились откуда-то издалека. — А я уже думал, тебя в тыл отправлять придется. Ты меня слышишь?

Пахомов кивнул и сел.

— Давай перекурем, скоро строить будут.

Костя потряс головой. В бункере мало что изменилось, только вместо котелков над костром подвесили разделанную тушу барана. Красные с белым освежающие ноги торчали вертикально вверх, стекающий жир капал прямо в костер, и пламя отзывалось белыми всплесками.

Звон в голове остался, но уже каким-то далеким. Пахомов встал, натянул камуфляж. Взял двумя руками протянутую ему кружку с чаем и пил, задыхаясь, обжигая губы и горло. От чая сразу наступила какая-то истома и выступил пот.

— Выходи строить! — гаркнул кто-то, свесившись в бункер. Костя, радуясь, что снова слышит, полез наружу вместе со всеми.

К неровному строю разведчиков подошел генерал, его сопровождали два полковника с объемистыми портфелями. Майор, в уже щегольской заломленном на ухо зеленом берете, докладывал. Генерал прошел вдоль строя, пожимая всем руки. Каждому он вручал массивные часы на черном ремешке и говорил что-то доброе. Пахомов глянул на циферблат. "Ветерану Великой Отечественной" — желтела надпись вокруг нарисованного в середине ордена. Генерал сказал еще что-то всем сразу, и строй в ответ дружно прокричал: "Служим Отечеству!". Потом генерал ушел, а майор, распустив солдат, подошел к Пахомову:

— Ну что, оклемался? — Было видно, что он специально говорит громче обычного. — Слушай, давай к нам. Мы сейчас быстро приказ организуем, нам доктор во как нужен, — и он провел рукой по горлу, одновременно весело скаля зубы.

— Да я не доктор, — улыбнулся Пахомов.

— А кто?

— Психолог. Просто вчера как-то... Слушай, сделай доброе дело, пусть бойцы мой опросник заполнят, мне же отчитываться надо. — Он нагнулся и достал из раскрытой пачки кипу бланков. — Им тут делов на пять минут.

— Без проблем. Сейчас команду дам. — Майор забрал бланки. — А то смотри. Надумаешь, давай к нам. — Он крепко пожал Косте руку и сразу же про него забыл.

Пахомов шел по полю, вспоминая, где вчера разместился штаб. Когда через час он вернулся, разведчиков в бункере уже не было. Догорал костер, повсюду на соломе валялись разбросанные опросники.

Он прошелся по полю. Еще вчера ровное и чистое, сегодня оно уже было изрыто колесами и гусеницами. С краю горкой лежала куча вскрытых консервных банок. Одну скирду полностью растащили. В остальных за ночь были наделаны гнезда — вытаскивали несколько спрессованных блоков и получалось нечто вроде норы. Спать хреново, но все не под открытым небом. Из одной и сейчас торчали чьи-то ноги в грубых армейских ботинках.

Невдалеке формировалась колонна. Три боевых машины пехоты, два бронетранспортера и даже зенитная установка, смонтированная в кузове грузовика.

Солдат построили у машин, и какой-то офицер отчаянно кричал им что-то, пытаясь перекрыть шум моторов.

От вчерашней колонны осталось лишь два "Урала". Водитель одного из них готовился на дороге, и Пахомов подошел ближе.

— Далеко собрался?

— Сказали на гору ехать, товарищ капитан, мины отвезти на батарею.

Гор вдали громоздилось много. Невдалеке начинался целый хребет. Вершины старые, покатые, изъеденные временем и ветром.

— Ну тогда поехали.

Пахомов бросил в кабину вещи и сам полез следом.

Солдат-водитель достал откуда-то сзади автомат, положил его на сиденье между собой и Пахомовым.

"Урал" медленно, качаясь, словно на волнах, выбрался на дорогу. У водителя вместо карты была мятая бумажка, в которую он то и дело поглядывал.

Криво шариковой ручкой на ней были нарисованы горы, выходящая между ними дорога и краткие пояснения: "САУ", "2 батальон", "менты".

Позади остались и артиллеристы, и пусковые установки "Град", похожие на древние легендарные "катюши". Дорога

шла вверх, и двигатель натужно ревел. Пахомов развалился на сиденье и вспомнил, как ему было вчера здесь тесно и неуютно. Он глянул на часы — прошло меньше суток с тех пор, как он прилетел в Моздок.

— А где желтый "Урал"? Я на нем вчера ехал.

— Ночью сожгли. — Водитель не отрывался от дороги. — Он первый разгрузился и за ранеными пошел. Сказали, боевики минами накрыли.

Пахомов вспомнил конопатого водителя и толстого бойца в бронезилете, вздохнул.

За поворотом стояли два бронетранспортера. На половине полосы раскатали зубастую железную ленту. "Урал", дернувшись, остановился. Солдат, не заглушив двигатель, поставил машину на ручник и побежал к ним со своей бумажкой. Он что-то спросил у высунувшегося из люка бронетранспортера военного и почти сразу двинул назад.

— Надо же! — вскочил он в кабину. — Чуть к "духам" не ухали!

У Пахомова неприятно захолодило спину.

— Так ты кому мины везешь?

— На батарею. — Солдат уже крутил руль, сдавая машину по дороге. — А они, оказывается, на соседней горе.

Пахомову до сих пор война представлялась линиями окопов с той и другой стороны, вялыми перестрелками и какими-то киношными атаками с криками "ура!" и идущими впереди танками. А тут было обычное пустынное шоссе и два бронетранспортера на границе войны и мира.

Он обратил внимание, сколько стреляных гильз набросано по обочине. Похоже, беспорядочно палили прямо с брони.

Въехав кузовом в склон, им удалось развернуться. Вниз катили легко, но вскоре с асфальта пришлось съехать и снова карабкаться вверх, перемешивая грязь колесами. Грунтовка изогнулась по склону в несколько колен, и они карабкались, пока не застряли окончательно и машина сама собой не поползла вниз.

— Все, — сказал боец, заглушив движок. — Пусть "бэжу" присылают, у нее гусеницы, а мне дальше не подняться.

Из серых нависавших с утра облаков стал накрапывать дождик. Солдат покопался за сиденьем и достал картонную коробку с сухим пайком. Несколько банок, бумажный мешок с сухарями. Пахомов невольно сглотнул. Ему вспомнился баран, которого готовила в бункере разведка.

В бардачке кабины лежала потемневшая столовая ложка. Ножом солдат вскрыл две банки.

— Товарищ капитан, не хотите?

Костя взял банку, достал из рюкзака термос, порадовавшись, что догадался заправить его у разведчиков.

Они разложились прямо в кабине. В банке Пахомова оказалась небольшой разваренный до волокон кусок мяса, обложенный густым гороховым пюре.

— Тебя как зовут, солдат? — спросил он водителя.

— Миша.

— Страшно, Миша, на войне? В части-то, поди, лучше?

— Не! — Водитель доскребывал кашу из своей банки. — Здесь веселей.

Пахомов даже отставил чай.

— Здесь сказали надо, и поехал. А в части КТП, потом КПП. За часть ВАИ. Построения. Машину эту моешь-моешь, круги белые на колесах рисуешь. Весь день в парке крутись, чтобы с машинами ничего не сперли. В город вышли, в колонне едешь со старшим, километров тридцать держишь — не больше. А здесь...

Пахомов понял, что солдату все здесь нравится. И эти горы, и то, что его одного без старшего отправили с грузом мин на какую-то закинутую неизвестно куда батарею. И то, что, разгрузившись, он сам поедет назад. И даже то, что, случись что, никто его и искать в этой суматохе и неразберихе не будет.

— А если ранят или?.. — не окончил Костя, вновь вспомнив того конопатого парня, с которым ехал вчера.

— Так ведь война, — пожал плечами солдат. Он откинулся на стекло двери, медленно пил чай и думал о чем-то своем.

Пахомову захотелось достать из лежавшей под ногами пачки лист и попросить бойца выполнить задание — нарисовать любое несуществующее животное с хвостом, какой-нибудь гривой. Чтобы диагностировать, как написано в учебнике, индивидуальные психологические особенности солдата-водителя. Но жаль было рушить установившийся в кабине теплый покой.

По склону, оскальзываясь на мокрой глине, хватаясь за

редкие кусты, уже спускались к ним зеленые фигурки. Приближаясь, они обращались в десяток солдат и, шагавшего первым, старшего сержанта. Уже на самом подходе один боец поскользнулся, шлепнулся прямо в грязь и, ругаясь, проюзил по ней метра три.

— Руль! — Отделившийся от солдат старший сержант залез на подножку напротив водителя. — Поднимись повыше, нам же на себе придется мины переть.

— Куда выше?! Я и так засел. Газую, а она назад по грязи сползает.

Водитель открыл дверцу и прыгнул на дорогу вслед за сержантом.

— "Гусеницы" пригони, на них затащим.

— Были бы — пригнал, обещали танк прислать, но когда...

Вяло переругиваясь, пушкеры обошли машину. С лязгом металла о металл откинули задний борт.

Пахомов вылез из кабины. Бойцы уже снимали ящики, вдвоем брались за ручки и по дороге медленно тащили наверх. Один здоровяк достал из ящика две мины, положил их на плечи и поплелся следом.

Пахомов зашагал было за ними, потом решил срезать путь и, стараясь ступать по траве, полез к вершине напрямик.

— Товарищ капитан!..

Костя оглянулся.

— Там "сигналки" стоят, — крикнул ему сержант. — Берите левее.

Идти было тяжело. Гора закружилась, и вершина казалась обманчиво близкой. Пахомов шел, согнувшись, задыхаясь, невольно хватаясь за редкие кусты. Он представил, каково сейчас солдатам, несущим тяжелые мины. Ящик — два заряда. Сколько же им нужно раз спуститься и подняться, чтобы натаскать боеприпасов на всю батарею?

Гора была как шар, а сама вершина оказалась покатою и ровной, словно футбольное поле. Торчали вверх трубы минометов. Бойцы копошились где-то внизу у машины, а здесь лишь капитан-артиллерист с прапорщиком сидели за сооруженным из снарядного ящика столом.

Неожиданно откуда-то сбоку подбежала собака. Поджарая, черная с рыжим овчарка потянула издали носом, улавливая запах.

— Линда, фу! — крикнул капитан.

Но та, видно, и без команды всех в форме считала за своих. Обежав и обнюхав Пахомова, она тут же исчезла, словно растворилась.

Окликнувшийся ее капитан поднялся и пошел навстречу. Невысокий крепыш, в расстегнутом вороте виднелся край тельняшки.

— Нева-3, — непонятно сказал он, подойдя и протягивая руку.

И Пахомов вспомнил ночь в палатке и позывной батареи, которую вызывал артнаводчик.

— Пахомов, или просто Константин. Психолог из округа.

— Тогда я — просто Женья, командир этих "самоваров", — добродушно согласился, кивнув на свои минометы, комбат.

— Мне бы опрос среди солдат провести.

— Да ради Бога! — Капитан ничуть не удивился. — Отстреляемся, и беседу, опрашивая на здоровье.

Подождал прапорщик.

— Прапорщик Копусов, Владимир, — протянул он широкую ослепленную ладонь. — Командир огневого взвода, — не преминул уточнить занимавший офицерскую должность прапорщик.

Показались первые солдаты, поднимавшиеся с ящиками на гору. Они складывали мины и вновь уходили к машине.

Пахомов огляделся. Впереди высился хребет. Облака шли ниже гор. Огромными ватными языками они обходили вершины и сползали вниз, вновь собираясь в тучи.

— Красиво, — бросил Пахомов.

Комбат усмехнулся:

— Ты сюда посмотри.

Они прошли позицию минометов. С этой стороны горы был крутой обрыв. Внизу, сразу за дорогой, виднелись белые домики. Доносилась вялая перестрелка.

Пахомов наклонился к растопыренной рядом буссоли. В окуляр отлично просматривались пустые улицы. Один дом был разрушен. Взрывом вырвало целый угол, и мебель валялась попеременно с битым кирпичом. В огороде догорал ГАЗ-66 с зениткой в кузове.

Пахомов подумал: не эту ли машину он видел сегодня утром?

— Что-то тихо, — обернулся он к минометчикам.

— Ага, тихо. По зубам получили и откатились, а то такая пальба стояла!..

— Кто, "духи"?

— Если бы! Наши. Второй день зацепиться в селе не можем.

Боец, тащивший мину на плече, остановился неподалеку. Положил тяжелую чушку у ног и стоял, не решаясь что-то сказать.

— Товарищ комбат, — наконец начал он. — Пожалуйста, отойдите от края!.. Ну пожалуйста!..

На Костю и прапорщика он внимания не обратил, словно те и не стояли также у самого обрыва.

Они все трое вернулись к минометам.

— Снайперы постреливают, — объяснил прапорщик Костя. — Винтовки у них какие-то новые, на сошках, как противотанковое ружье. И пуля как снаряд. — Он достал из кармана и показал непривычно большую пулю.

— Ничего. — Комбат рукой погладил задранный ствол миномета. — Все равно мои "самовары" круче.

...Собака носилась, пригнув к земле острую морду, не обращая внимания на доносящиеся сюда редкие выстрелы. Комбат с прапорщиком о чем-то совещались за картой. На вершине ветерок навевал прохладу. Низкие облака, казалось, можно рукой достать.

Пахомов прошелся по вершине. Некоторые из соседних гор поросли редким лесом, везде виднелись распаханные площадки.

Солдаты все таскали мины. Сначала показывалась низко наклоненная голова, потом приспособленный на спину ящик, затем и сам солдат, медленно тащивший свою поклажу.

Вдруг послышался рев трактора. Где-то внизу он натужно полз. Звук приближался, и вскоре на извилистой, выходящей вдоль склона дороге показался танк. Старый, с облезлой броней, в клубах темного сизого дыма. Все пространство за покатою башней устали ящиками с минами, и несколько бойцов, придерживая их, довольные, сидели на броне.

Мины споро сгрузили на позиции, и танк, крутнувшись на месте, сорвав и закрутив дерн, быстро и облегченно победил вниз по дороге. Прапорщик и солдаты тут же стали готовить боеприпасы к стрельбе.

Что-то затрещало в динамике стоявшей у ног командира рации. Комбат поднял гарнитуру, пощелкал переключателями.

— Батарея!.. — негромко и совсем будничноскомандовал он. — К бою!

Бойцы разбежались по боевому расчету.

Пахомов отошел в сторонку, чтобы не мешать.

Взмах красным флажком.

— Батарея, огонь!

Минометы подпрыгнули, из стволов метнулся огонь. Через несколько секунд донесся грохот разрывов.

Комбат получал данные новых целей. Стреляли и залпом, и повзводно. Снова взлетал флажок. Мины, с таким трудом затащенные солдатами на гору, исчезали в стволах, чтобы затем, после выстрела, вернуться сюда лишь многократным горным эхом.

— Видел, как летели? — Комбат подошел к Пахомову.

Тот хоть ничего и не видел, но кивнул.

— "Танцуют" мины. Стволы старые.

— Со складов НЗ получили?

— Если бы... — Комбат засмеялся. — В бою у "духов" отбили. Образца тридцать восьмого года, а выпуска сорок третьего. Может, из них еще и по Берлину били.

Костя уважительно потрогал чуть влажный ствол миномета. Вообще-то, вблизи он никакого особенного уважения не вызывал. Толстая труба, приставленная к круглому, как канализационный люк, основанию.

— Машинка что надо, — словно угадал его мысли комбат, — никакой электроники, гидравлики — все механическое, вручную. Нам, когда по горам таскаешься, такая техника и нужна.

Минометы стояли в ряд, со слегка наклоненными в сторону чеченских сел стволами.

Облака густели на глазах, наливаясь свинцовой тяжестью, и опускались все ниже. Вместе с ними на вершину навалился туман, сразу стало сыро и волгло. Казалось, что находишься внутри облака. Впрочем, так оно и было. В трех-четыре метра ничего не видно. Ветер гнал туман клубами, словно дым.

Наконец, обогнув гору, облака ушли вниз, свинцовой тучей сомкнулись над селом. Сразу прекратилась война, умолкли редкие очереди. Стремительно темнело.

Рядом с позицией из разломанных и поколотых снарядных ящиков разложили костерки. Один командирский, который кто-то заботливо обложил камнями, и второй для солдат, над которым уже дымились подвешенные котелки.

Прапорщик пересчитывал оставшиеся мины. Сержант, построив четверых солдат, объяснял им что-то. Солдаты были с автоматами, видимо, собирались заступить в охранение. Минометы на позиции стояли под темными от влаги чехлами.

Пахомов, поживаясь, подошел к костру. Комбат сидел здесь же на снарядном ящике и лениво шурлил на огонь.

— Повезло с сержантом, — бросил он, когда Пахомов присел рядом. — Никаких забот с бойцами. Ему еще год служить, потом буду на контракт ломать.

И действительно, все на батарее делалось словно само собой. Едва прапорщик с комбатом “подбили” боеприпасы, боец принес котелок каши с тушенкой и большой закопченный чайник.

Комбат поймал вопросительный взгляд прапорщика и еле заметно кивнул. Тот порывлся в вещмешке и достал бутылку водки.

После нервного дня, в сырости и на холоде водка пошла легко, как вода. Когда разлили по второй, раздался длинный тягучий свист. Прапорщик проводил взглядом полет невидимой мины. Рвануло на обратном склоне.

— Ты прав, — непонятно в связи с чем поддакнул он комбату.

— Поспорили мы, — пояснил Пахомов капитан. — Минометы-то надо было не сюда, а там, за склоном, ставить, если по науке. А мы на самую вершину влезли. “Духи”, они же не дураки, может, те же училища кончали, вот и будут теперь на обратный склон мины бросать.

Прапорщик взял пустую бутылку, размахнулся и что было силы метнул в туман в сторону села, где засели бандиты.

Когда подчистили котелок с кашей, к костру подошли пятеро солдат.

— Разрешите? — спросил один из них с ефрейторскими лычками. — Прибыли на социо... Социоло... — не мог выговорить он незнакомое слово. — По вашему приказанию, — наконец выкрутился боец.

Солдаты с листками сели поодаль, шепча вопросы и представляя крестики в нужных местах. Потом подошла вторая смена. Третья...

Пятнадцать заполненных листов Пахомов упаковал отдельно.

Комбат протянул руку и взял опросник: “В музыке я наслаждаюсь: а/ маршами в исполнении военных оркестров, б/ скрипичным соло, в/ не знаю”.

— Конечно, скрипичным соло, — уверенно заявил он. — Как не послушаю соло с утра — весь день насмарку.

“В большинстве дел я: а/ предпочитаю рискнуть, б/ предпочитаю действовать наверняка, в/ не знаю”.

— Да уж, вот только те, кто предпочитает рискнуть, не собой рискуют. “Рискнем” — говорят и других посылают.

“Какое слово не связано с другими: кошка — близко — солнце”.

— А черт его знает!

“Я бы скорее занимался: а/ фехтованием и танцами, б/ борьбой и баскетболом, в/ затрудняюсь сказать”.

— А я бы ничем не занимался, — подал голос прапорщик. — Сидел бы в домике. Утром в земле ковырялся. По хозяйству туда-сюда. Вечером стол прямо в саду накрыл. Огурчик, помидорчик с грядки... Вот дослужу до двадцати лет...

— Кстати, — пробежался по листу комбат, — тут и про тебя есть. “Любите ли вы, чтобы все лежало на месте, шло по раз и навсегда заведенному порядку?” И это ничего: “Мне больше нравится разговаривать с людьми изысканными, утонченными, чем с откровенными и прямолинейными”.

Комбат отложил лист.

— Уважаемый Владимир Григорьевич! Поверьте, что доскрекивать тушенку пальцем из банки и есть ее с ножа неприлично. Простите также, что нет салфеток, аперитива.

Прапорщик глянул на комбата и с сожалением отшвырнул банку.

Но комбата, видно, тянуло выговориться. Он вернул опросник Пахомову.

— А мне так здесь куда больше нравится. Нет, серьезно. Здесь хорошо. Вот, психолог, сегодня какой день?

— Вроде двадцать седьмое, — пожал плечами Пахомов. — А день... вторник или среда.

— Огневик! Ты порядок любишь. День сегодня какой?

— Четверг, — ответил прапорщик, глянув в календарь на часах.

— Вот, — удовлетворенно протянул комбат. — Четверг. С утра по плану физподготовка, так бойцы не железки на месте поднимали, а мины таскали. Потом ОГП — общегосударственная подготовка. Так когда они сверху на нашу горящую зенитку смотрели — это лучше всяких лекций. Потом специальная подготовка. В полку солжарки нет, мины на складе — изучай миномет в разрезе. И работают они здесь не за увольнение, а чтобы пехоту не побили и самим живыми остаться.

Пахомов вспомнил, как был доволен службой солдат-водитель.

— Вообще здесь лучше и проще.

— А я бы лучше и проще дома сидел, — не соглашался прапорщик. — Шесть вечера, рабочий день закончился, и конец “войне”, домой.

Действительно, вечерело. Сгустилась темнота. Ночлег им соорудили из тех же снарядных ящиков. Поставили их заваленной на землю буквой “П” и натянули сверху старый брезент. Такой же брезент постелили снизу. Прапорщик с капитаном легли по краям и сразу заснули. Пахомов долго ворочался. Снаружи начался дождь, он барабанил по брезенту. Вновь послышался вой пролетающей мины, затем глухой разрыв вдали. Было холодно и неуютно. В тесном закутке лежать получалось только боком, поворачиваясь одновременно втроем. Под головой бугрилась жесткая, как кирпич, пачка бумаги.

“Боже мой! — подумал Костя, — если так в день по пятнадцать листиков заполнять, мне здесь на полгода работы!”

Он вдруг позавидовал и комбату, и его прапорщику — командирскому огневому взводу. Простая и понятная работа. Развернул батарею, определил цель и... огонь. В то же время он понимал, что придет утро и он уедет дальше по частям опрашивать солдат и офицеров. Закончит наконец этот опрос и вернется домой, а батарее на этой горе стоять, пока не завершится штурм села. А возьмут это село, будет брать следующее, город или какой-нибудь аул. И так без конца. Мысли стали пугаться, и он наконец заснул.

Прснулся Пахомов от холода, вдобавок кто-то карабкался сверху прямо по нему. Что-то мягкое и теплое лизнуло его прямо в лицо. Резко запахло псиной. Линда! Собака, набегавшись, решила пристроиться рядом с хозяином. Она ерзала между ними, пихаясь разьежающимися лапами, и все никак не могла угнездиться, наконец зацепила брезент, и скопившаяся на нем влага холодным водопадом хлынула вниз.

Все разом заворочались, и прапорщик, сквозь сон матюгнувшись, сапогом пнул овчарку. Та, скуля, крутнулась и все же улеглась, втиснувшись между комбатом и стенкой.

Пахомов, окончательно проснувшись, осторожно пялся, выбрался наружу. От холода его била крупная дрожь. Дождь был тяжелый и нудный. Недалеке плясал огонек костра, и он направился к нему, надеясь хоть немного обсохнуть и обогреться.

Солдаты сидели, нахохлившись, протянув к невысокому огню ладони. Некоторые, и сидя на корточках, умудрялись дремать. Пламя вяло лизало разбитые на щепки доски. Пахомов придвинулся поближе к теплу. Дрожь стала проходить, только чувствовалось, как под назойливыми каплями мокнет спина. Он подобрал и бросил в огонь несколько досок от разбитого снарядного ящика. Мокрое дерево шипело, огонь тут же спрятался, но вскоре показался один, другой робкий желтый язычок. Пламя сомкнулось над дощечками, поднялось, и жар вскоре стал нестерпимым. От сырого камуфляжа повалил пар.

Пахомов задорно глянул на недогадливых солдат и сидевшего с ними сержанта. Они просыпались, отползая подальше от огня. Неожиданно раздался длинный тягучий свист. Мина рванула где-то недалеко.

— Товарищ капитан, по костру бьют! — заметил сержант. Вдвоем они быстро раскидали обугленные доски, оставив, как и раньше, лишь щепки.

Все снова сжались вокруг, обвели огонек и вытянули руки, ловя слабое ускользающее тепло.

Иногда холодный порывистый ветер разрывал пелену облаков и приоткрывал небо. Звезды на нем оказывались нео-

жиданно близкие и большие. И их свет был яркий и холодный, как от взлетевшей ракеты. В нем минометы с наброшенными на стволы чехлами стояли, словно монахи в сутанах.

— Стой, кто идет! — раздался негромкий окрик часового.

Вскоре к костру подошел худощавый невысокий военный, сел на корточки у огня. У него было темное осунувшееся лицо, на котором прыгающее пламя костерка вычерчивало резкие тени. Погоня без звездочек, за спиной стволом вниз висел автомат. Пахомов заметил, что торчащие магазины в его разгрузке пусты. Не было и гранат в кармашках. Он сидел сгорбившись, глядя на огонь, словно пришелец из другого мира.

Пахомов понимал, как глупо будет сейчас приставать к нему с вопросами, листами опросов. Бессмысленно, просто невозможно. И все же его тянуло расспросить о бое, о том, что было там, внизу, несколько часов назад. Военный не шевелился, замер, глядя в огонь пустым, отсутствующим взглядом.

— Товарищ капитан, — тронул за плечо Пахомова непонятно как оказавшийся здесь совсем молодой парень с лейтенантскими погонами. — Вы психолог? У нас солдат контуженый, посмотрите, пожалуйста.

Солдат стоял за ним, безучастно глядя куда-то мимо. Ему подтащили ящик, и он так же безучастно сел. В одной руке он крепко держал автомат без магазина.

Пахомов потянул к себе оружие. Пальцы солдата сжались на цевье и побелели. Костя отпустил автомат и сел рядом на корточки. Зрачки у солдата были нормальными.

— Его не тошнило? — вплотную спросил он у лейтенанта.

— Нет. Просто заторможенный какой-то.

— Вы меня слышите? — обратился к солдату Костя. — Попробуйте расслабиться. Сейчас сделайте очень глубокий вдох. Вы готовы?

Солдат медленно повернул к нему голову и спросил:

— А почему вы без оружия?..

Пахомов только сейчас обратил внимание, что он один среди солдат батареи, других подошедших к костру военных безоружен.

— Вы ему холодное на голову положите и поспать дайте, — сказал Костя лейтенанту, — найдете санинструктора, пусть магнезию вколает, да он и сам знает. А лучше всего в госпиталь отправить, к психоневрологу.

Снова заволокли небо тучи, посыпал дождь. Стало так мокро и холодно, что, несмотря на миномет чеченцев, в костер подкидывали и подкидывали дрова.

Солдаты менялись, уходили в боевое охранение, а Пахомов сидел всю оставшуюся ночь на ящике у огня, смотрел на скукожившиеся от жара, явно пропавшие ботинки. Ночь казалась бесконечной. Он вспомнил дом, училище, редкие полевые выходы их кафедры, больше напоминавшие выезд на пикник, с гитарой, ящиком водки и палатками, которые ставили прихваченные как хозяйслуга солдаты.

Под утро стало сереть небо. Солнце так и не появилось. Выбрался из своего укрытия комбат. Охая, он поднялся, обхватил руками плечи. Следом, как из норы, вылезла овчарка и стала тянуться, сладко зевая. Комбат, пытаясь согреться, стал размахивать руками. Пару раз он присел, тяжело поднялся и подошел к костру.

— Эх! Надо бы хоть полбутылки оставить, — подсадовал комбат. — Думал, околею. Псиная еще эта всю ночь шарилась. Появился и прапорщик. Было непонятно, как они втроем умещались ночью в этой норе.

Было видно, как у подошедшего взводного стучат зубы.

— Всю ночь мины кидали? — спросил он.

— Да. Сначала за гору. Потом стали по костру бить.

— Хорошо. Туман уйдет, вытяну миномет на прямую наводку, тогда потягаемся. А то ночью да в тумане все мастаки пулять.

— Приходили тут от них, — капитан выглядел расстроенным, — говорят, ты какому-то полевому командиру вчера бутылкой по голове попал.

Прапорщик на секунду задумался. Потом с досадой плюнул и пошел за бугор, на ходу расстегивая штаны.

Начинался новый день. Солдаты снимали чехлы с минометов, готовили мины.

— В Ханкалу тебе надо, — посоветовал Костя комбат, — что ты будешь здесь по позициям ползать? Там десять солдат, там пятнадцать. Тебе так работы на год. Лети в Ханкалу. Забурись в какой-нибудь полк, так, мол и так, провожу занятия по ОГП, а заодно и анкеты свои заполнишь.

— Так погода какая. Ничего не летает.

— Да нет. Распогодится. Звезды были видны, да и ветерок есть, туман разгонит. А хочешь, оставайся. У тебя ведь анкеты анонимные, пусть бойцы по кругу и заполняют. Что изменишься-то?

— Нельзя. Этак вся моя работа насмарку. Так можно было, не выезжая из округа, все сделать. Вертушки-то где садятся?

— Вдоль хребта пройди немного, за той вершинкой площадка, туда вчера садились.

— Ну так тогда потопоаю. — Костя уже согрелся, и ему просто не хотелось куда-то идти.

— Давай позавтракаем только, чего тебе тащиться на пустой желудок...

Действительно распогодилось. Костя шагал с пачкой опросников. Дорога была разбита гусеницами, но рядышком по траве бежала тропка, и идти по ней вниз с горы было легко и приятно.

Пахомов подумал, как быстро люди оставляют след на природе. Здесь раньше вряд ли кто часто появлялся, если только жители окрестных сел. Теперь по дорогам прошли войска, и то и дело попадались выброшенные пустые консервные банки. Валялась на траве оброненная с бронетранспортера или грузовика каска. Стреляные гильзы еще не успели потемнеть.

Встретились два поста охраны в открытых окопчиках. Бойцы занимались обычными, совсем домашними делами. На одном варили кашу, на втором боец у пулемета ковырял ножом подошву кирзового сапога и даже головы не поднял на проходившего мимо Пахомова.

Потом дорога вновь повернула в гору, идти стало тяжело, и он несколько раз останавливался, перекладывая пачку из руки в руку.

Быстро теплело. На небе не осталось ни одной тучки, лишь редкие облака еще держались у вершин далекого хребта. Из-за него показались две серебряные стрелки, следом пришел и нарастал гул. От самолетов отделились и понеслись к земле маленькие черные точки. Они быстро приближались, скрылись за холмами, упав в районе села, откуда донеслись глухие разрывы.

Где-то замолотил пулемет. Донесся стрекот еще невидимой вертушки. Начинался новый день войны.

Пахомов зашагал быстрее, перевалил через холм, на закрытом от боевиков скате которого и располагалась вертолетная площадка. В землю воткнули шест с длинным когда-то полосатым, а теперь просто грязным, напоминавшим старый колпак "колдуном". В безветрии он обвис, словно тряпка. У ног сидевшего под шестом военного в летном камуфляже была еще связка "дымов". На этом оборудовании полевого аэродрома заканчивалось.

Здесь же скачало человек десять военных. Офицеры и один прапорщик, пристроившийся чуть в стороне от остальных.

Пахомов подошел, бросил рюкзак и пачку на землю, а сам примостился сверху.

Старшим в группе офицеров был уже пожилой седоватый полковник в темно-зеленом камуфляже с нашивкой главка на рукаве. Над новым ремнем нависал добрый животик.

— Паромщик, — бросил полковник авиатору, — когда все-таки борт на Ханкалу? Запроси своих.

А тот, уже одуревший от безделья, так же лениво отвечал, что вертушка наверняка прилетит, а рации, чтобы запросить наверняка, у него все равно нет. Да и не бывает этого "навверняка" в авиации. И полковник спрашивал, и летчик отвечал так, по обязанности и от скуки. Все понимали, что надо просто сидеть и ждать.

Общая кучка офицеров для Пахомова уже распалась. Он попробовал угадать, кто есть кто. Полковник — понятно — какой-то чин из главка с проверкой или общим руководством. В стороне от всех майор с петлицами юриста. Застегнутый на два ремня портфель держит на коленях, не выпускает, не кладет рядом. И лицо худое и вытянутое, словно застегнуто. Прокурор или следователь. Значит, где-то кто-то чего-то наудил. Плотный подполковник в добротной форме, из тех, что просто так не выдают. Он недавно поел. Отбросил коробку. Сулпай у него фирменный. Коробка пластмассовая, в ней уже

приготовлены по отделениям блюда. Вскрывай, бери тут же одноразовую ложку, вилку и рубай. Еще несколько коробок у него припасено: выглядывают из неплотно прикрытой сумки. Наверняка тыловик. Майор, что поближе, везет пачки газет, какие-то скрученные в трубки плакаты — это политрабочий, будет воспитывать и поднимать моральный дух.

И каждый ждет вертушку, чтобы лететь по своему важному и значительному делу.

Пахомов поразился, сколько чиновного народа крутится вокруг войны. Сменив портфель на полевую сумку и китель на камуфляж, носят здесь, обеспечивая, согласовывая, "решая вопросы". Или просто за тропными сумочными и "бюевыми". Проверяющие, наблюдатели, снабженцы, журналисты, юристы, культурработники. Теперь вот и он, психолог.

Чем выше чин, тем меньше поклажа. У полковника папочка, с такой и на гражданке можно ходить. Да и то, куда ни приедешь, встретят, накормят-напоят, доставят, проведут. У подполковников сумки, поклажа из расчета на день или два. Остальные с солидной поклажей, у двоих из вещмешка торчат голенища сапог.

И где-то рядом тот, ради кого они и работают. Тот же комбат-минометчик. И внизу, где воюют мотострелковые роты. Солдаты и какой-нибудь Ванька-взводный, младший лейтенант, закончивший училище экстерном. Где-то рядом, но все же отдельно.

Из общего ряда собравшихся на вертолетной площадке выпадал прапорщик. У него было какое-то необычное отстраненное лицо. И поклажа... Рюкзак, большая коробка и клетчатая сумка, с которыми в городах ездят торговцы-челноки. И было понятно, что вовсе не потому у него вещей так много, что он прапорщик, не в противовес полковнику с его папочкой или подполковникам с сумками.

Солнце потихоньку карабкалось вверх. Народ скучал. Ближний майор достал из вещмешка маленький приемник, покрутил ручку настройки. Единственная пробившаяся сквозь помехи радиостанция что-то бормотала про пробки на улицах Москвы и о том, как их ловчее объехать.

Полковник томился. Он расстегнул камуфляж, оглядел расположившееся вокруг него войско. Оценивающее глянул на плакаты политработника, взял у него какую-то армейскую газету, быстро пролистал и отбросил. Потом он высмотрел, как Пахомов перевязывал пачку.

— Слышь, капитан, у тебя там в бумагах что, газеты?

— Никак нет. — Пахомов подумал и поднялся: — Опросники.

— Что, и кроссворда никакого там нет?

— Нет, только анкеты чистые.

— Да ты сиди, сиди... Это что же, когда родился, где крепился?

— Товарищ полковник, это психологические анкеты и тесты. Заполняются, потом обрабатываются на ЭВМ.

Полковник подумал. Видно, жизнь его приучила ничему не удивляться.

— Ну заполнят твои анкеты, если не наврут. Обработаешь ты их и что узнаешь?

— Смотря какая цель, какие анкеты. — Костя пожал плечами. — Расстановка в коллективе, выделение группы риска, перспективных военнослужащих.

— Скажи, пожалуйста! — покачал головой полковник. — И это что, машина выдаст, кто завтра с автоматом убежит, а кого можно командиром роты ставить?

— Может быть, не столь конкретно... Но в общем, используя разработанные методики...

— А ты мне скажи, вот твои анкеты могут помочь умного от дурака отличить?

Офицеры засмеялись.

— Нет. — Полковник вновь заговорил, и все сразу замолчали. — Мы-то мучаемся, не знаем, где хоть кого найти, чтобы на ту же роту поставить. И выбрать-то не из кого. Солдата берем, на курсы лейтенантские его посылает. Если еще найдем такого, чтобы полностью школу закончил. А тут... И где это такое придумали?

Он вроде бы и не ждал ответа, но Пахомову стало обидно за свое дело, и он решил вступить.

— У нас в институте придумали. У меня и диссертация по этой теме. Только сказали, что на курсах проверять — это того мало, надо и в войсках, причем в условиях передовой.

— Вот наука до чего дошла, — бросил подполковник-ты-

ловик, — уже прямо на передовой диссертации сочиняют.

— Да, а тут служишь, служишь... — отозвался кто-то.

— Ну и много ты, капитан, опросил здесь? — все никак не мог успокоиться полковник. — Результат-то какой? Победим мы супостата?

— Пока немного. Да и анкеты ведь обрабатывать надо. Видно, конечно, что больных много, неуравновешенных. Некоторых и призывать было нельзя.

— Ну-ну. А кого призывать, когда других нет, твои анкеты не объясняют?..

Полковник встал и приложил палец к губам:

— Кажется, летит вертушка.

Обернувшись, он задержал взгляд на прапорщике. Тот, распаковав одну из сумок, достал и ловко вертел в руках кубик Рубика. Рук не было видно, только разноцветные клетки мелькали под ловкими пальцами. Он словно специально опровергал старую злую шутку, что для прапорщиков выпущен специальный кубик-Рубик — монолит.

— Ишь ты! — воскликнул полковник. — А вы, товарищ прапорщик, куда летите? Где ваша часть?

Он даже обратился к нему, не как к Пахомову, на "вы".

Тот уже повертел и отложил собранный кубик.

— Домой. Все, отслужил, аж тридцать лет. Уж не в часть, а в военкомат.

Прапорщика как-то все вокруг сразу зауважали.

Даже безучастно сидевший в стороне летчик зашевелился, то ли устраиваясь поудобнее, то ли с интересом прислушиваясь к разговору.

Время подходило к полудню. Пару раз прошли мимо вертушки. Подполковник-тыловик достал новую упаковку пайка. Майор-юрист спал прямо на траве, положив голову на портфель с документами. Звуки войны — разрывы, пулеметные и автоматные очереди — доносились глухо и издалека. Слово в соседней комнате по телевизору показывали очередной боевик.

Откуда-то снизу долетал шум машин. Можно было различить, что идет колонна.

Летчик поднялся, прислушался. Машины приближались. Уже показался головной "Урал". И сразу в шум его двигателя вплелся стрекот лопастей вертолета. Все на площадке зашевелились. Вертолет медленно приближался, нависая над площадкой.

"Урал" въехал на холм, следом поднялись еще три машины. Они медленно развернулись и встали задним бортом к площадке. Вертушка уже садилась, перекрывая все грохотом двигателя и ветром от винтов пригибающая траву.

Бойцы откидывали борта, в кузовах с края виднелись ручки носилок. Раненые лежали по двое, по трое в кузовах.

Вертолет не останавливал винты, и жаркий воздух хлестал по лицам, норовя сорвать с голов кепки.

Пахомов вместе с остальными таскал носилки. Офицеры на площадке, побросав вещи, принимали с кузовов раненых. Четвером или по двое они брали неожиданно тяжелые носилки. Было не разобрать, кто на них, офицер или рядовой. Грязная истрепанная форма, изрезанная в месте ранения и под ней неожиданно резко белые бинты с расплывшимися ярко-красными пятнами еще не потемневшей крови. Раненые, кто был без сознания с закрытыми глазами и уже осунувшимся бледным лицом, кто безучастно смотрел перед собой, и лишь один метался в бреду так, что казалось, вот-вот упадет с носилок.

Маленький вертолет стоял, покачиваясь от работающих винтов. Носилки с ранеными пристраивали внутри. Там уже было не повернуться, и бортмеханик и запрыгнувший внутрь тыловик, беззвучно в грохоте двигателя ругаясь, разворачивали носилки, выкраивая свободное место последнему раненому.

Носилки с раненым стояли на земле. Солдат был без ноги, там, где колено, у него глыбился огромный кокон из кровавых бинтов. Его, видно, обкололи промедолом, и он спокойно курил, блаженно глядя в небо, и глаза у него были такие же глубокие и спокойные.

Вертолет взмыл, едва захлопнулась дверца, и круто пошел вверх и в сторону.

Кроме раненых, не взяли никого. Грузовики сразу уехали.

Все молчали. В ушах еще стоял звон от шума вертушки. У Пахомова ныли руки от неожиданной и резкой работы.

Забрали их уже под вечер. Подошли еще несколько военных. Они не видели раненых, собирались лететь куда-то по своим делам, и какой-то незнакомый усатый капитан, добравшийся в свою часть под Курчалой, завидуя, говорил Паховому:

— Хы, Ханкала! Ханкала — это столица. Там женщины. Там водку всегда можно купить. Семь вечера — конец войне. Нырк в палатку — и до утра. Месяц в Ханкале — и орден.

Проходившая мимо вертушка подседела, не выключая движка, и то, что еще говорил Косте усатый капитан, нахваливая Ханкалу, было не разобрать.

Вертолет был полон народа, и Паховом пристроился у огромного желтого топливного бака. Летели по большому кругу, обходя площадку, высаживая и забирая людей.

До самой Ханкалы добрались в сумерках. Пока летели на вертолете, еще было видно солнце, его уходящий куда-то за горы край, А садились уже в темноте, на подсвеченную по краям фонарями площадку.

Дождя не было, но глина пропиталась сыростью, ее комья приставали к ботинкам, стоило лишь сойти с узкой, посыпанной щебенкой дороги.

Прилетевшие с Паховым одним бортом вскоре разошлись с центральной выложенной щебнем дорожки по каким-то известным лишь им тропкам.

Батарейки в фонарике безнадежно сели, и приходилось идти едва ли не на ощупь, пробираясь между рядов невысоких палаток. Из них вразнобой доносились причитание телевизоров и чьи-то голоса. Пару раз спросив дорогу, Костя наконец разыскал палатку заместителя командующего по работе с личным составом. В ней за столом в кресле сидел невысокий стриженный под ежик полковник. Слева и справа от него прямо на брезенте висели портреты президента и министра. В углу стояло знамя. Полковник просматривал бумаги. В печке посреди палатки шумело пламя.

— Что тебе, братка? — поднял голову он.

— Капитан Паховом, психолог, провожу опрос среди личного состава.

— Хорошо! — Полковник словно обрадовался. Он даже захопнул папку. — Поел? Давай, братка, в столовую.

— Мне бы переночевать где-нибудь.

— Все сделаем, братка. Братка, не улетай. Пойдешь на роту заместителем?!

Зазвонил телефон, желтый слоновой кости аппарат закрытой связи. Полковник взял трубку. Он недолго слушал и стал докладывать. Говорил очень медленно и четко по складам:

— В группировке происшествий нет. По доложенным случаям приняты меры. Работают психологи.

Паховом оставил рюкзак и пачку вопросников и вышел из палатки.

В столовой никого не было. Он быстро съел застывшие слипшиеся макароны и выпил холодный чай. Когда он вернулся к палатке замкомандующего, она оказалась закрытой. В темноте он нащупал на двери большой амбарный замок. Рюкзак и опросники лежали у входа.

Чертыхнувшись, вернулся в столовую. Однако и ее уже закрыли. Мимо шел, подсвечивая себе дорогу фонариком, какой-то офицер.

— Не подскажите, только прилетел, где переночевать можно.

— В гостевой палатке.

— А где она?

— Там, где БЧС, только она вчера сгорела.

Офицер, не останавливаясь, прошагал мимо.

Паховом еще прошелся взад-вперед по дорожке. Насыпанный белый щебень скорее угадывался, чем был виден. Он решил вернуться на вертолетную площадку. Там был сколоченный на скорую руку сарайчик, в котором можно пересидеть ночь.

Он дошел до края дорожки и осторожно ступил в мягкую податливую грязь.

Идти приходилось наугад.

— Стой! Пять!

Паховом замер. В ответ надо было крикнуть или два, или три, или что-то еще. Какую-то цифру, чтобы, если сложить ее с пятеркой, получилась цифра пароля.

— Пять! — настойчиво потребовал часовой из темноты, клацая затвором.

— Э! Ты не стреляй! — Паховом напрягся. — Я только прилетел, еще пароля не знаю.

— Вы один? — помолчав, спросил часовой.

— Один.

— А курить есть?

— Держи. — Паховом бросил на голос начатую пачку.

Было слышно, как часовой шарил где-то внизу, ища сигареты. Потом чиркнул спичкой. Пламя на мгновение выхватило темное лицо бойца и погасло. В темноте остался лишь огонек сигареты. Заскрипел гравий, и огонек стал удаляться.

— Подожди! Какой пароль-то?

— Семь...

Накрапывал дождь, комья глины приставали к ботинкам, висли на них, и Паховом с трудом тащил ноги по дороге неизвестно куда. Потом он увидел невдалеке свет автомобильных фар и свернул туда. В ряду машин в cabinaх виднелись привалившиеся к дверкам головы. Из распахнутой двери КШМки торчали ноги. Над кунгом светила дежурным светом синяя лампочка. Одна нога была в рваном носке с огромной дыркой на пятке.

Походив сунулся было в наспех поставленные палатки, но там и в темноте по тяжелому густому дыханию угадывалась плотно сбитая толпа.

Он прошелся еще вдоль по дорожке, пока не погасил фары грузовика.

У крайней небольшой палатки стоял кто-то и курил в темноте.

— Чего, бгат, бгодишь? — картавя, спросил он.

— Да вот, кости бросить негде.

— Так давай ко мне. Места полно. Ляжешь, как коголь.

Паховом не заставил себя упрашивать и нырнул в палатку.

Собеседник зашел следом, на его камуфляже оказались полевые генеральские погоны. Это был тот самый генерал, что пару дней назад вручал ему и разведчикам ветеранские часы. Даже здесь в тусклом свете лампочки были видны красные прожилки на его еще не старом лице.

— Я вот с краю, — смутился Паховом, отойдя к угловой койке.

— Да ложись, куда хочешь, бгат. Я один, а коек семь.

Паховом подавил зевок. Он быстро разделся и лег. Край палатки трепетал от ветра. Дорожку протоптали прямо за палаткой. Услышав чьи-то тяжелые шаги, Паховом посмотрел на незакрепленный, свободно колышущийся нижний край палатки. Он подумал и привязал берцы шнурками к кровати. Куртку сунул под подушку. Потом накрылся одеялом и с наслаждением вытянул ноги. И сразу словно куда-то провалился.

Проснулся он от ругани.

— Суки! Козлы дганье! Вот сволочи!

Паховом осторожно выглянул из-под одеяла.

Генерал сидел на своей койке, опустив босые ноги, и отчаянно ругался.

Паховому неожиданно стало хорошо. Ему было хорошо, потому что не надо никуда торопиться. Что вчерашний хлопотный день остался позади. И можно еще валяться в настоящей кровати. И не надо ему никуда идти. И до войны отсюда не меньше десяти километров.

— Бегцы увели, — повернувшись к нему, пожаловался генерал. — Ночью свистнули.

Паховом только кивнул, якобы сочувствуя.

— Ну кому, ну кому?! Согок пятый газмер. Кому нужны эти чмоданы?!

Он снова повернулся к Паховому:

— У тебя какой?

— Сорок первый. — Костя на всякий случай убавил два размера.

Генерал недовольно дернул плечами. Он еще что-то бормотал, сидя на краю кровати и глядя на босые ноги.

— Газведчик, — наконец подал он голос, — найди ботинки.

— Я не разведчик, я психолог.

— Найди тогда этого психа. — Генерал был согласен на все.

— Разрешите, товарищ генерал?! — В палатку сунулось усатое лицо. — Товарищ генерал, на складе ботинок такого размера нет, мы вам пока сапоги подобрали. — За лицом появился и весь военный с парой новеньких резиновых сапог в руках.

Сапоги он поставил перед генералом и вытянулся в струнку.

— Только до обеда, товарищ генерал, а там мы команду дали, нам с базы подвезут. Уже БТР за ними вышел.

Генерал махнул рукой, и вещеви́к ушел.

Пахомову стало неудобно лежать, глядя на суетящегося генерала. В больших резиновых сапогах он был похож на рыбака. Костя поднялся, быстро заправил постель и хотел уже уйти.

— Психолог, а что ты тут делаешь?

— Провожу анкетирование. — Он достал из кармана, расправил и протянул генералу лист опросника. — Работа согласована в штабе округа, — на всякий случай добавил Пахомов.

Генерал взял лист, повернул его к косо падающему через взрезанное в брезент окошко свету.

— “Все несчастья происходят из-за людей: а/ котогые стагаются во все внести изменения, хотя уже существуют удовлетворительные способы гешения этих воггосов”. Гы! Пгавильно. Все пгавильно. Хогоший оггос. Ты всех оггоси, я гаспогяжусь.

— Товарищ генерал! У меня больше тысячи анкет, а в ротах у нас здесь человек по двадцать, по тридцать. Я их так месяца три обходить буду.

Генерал ненадолго задумался.

— Иди в лазагет. Чегез него всех от вшей пгогоняют. И ты заодно...

Пахомов сидел в санитарной палатке уже целый день. Солдаты заполняли опросники, потом раздевались и подходили к пологу, скрывавшему вход в другую половину. Когда полог отгбали, было видно, как здоровенный деловитый сержант-санинструктор в резиновых перчатках до локтей и плотном резиновом фартуке поверх серого халата обходит закутанных в простыни, бритых наголо бойцов и мажет голову каждому вымоченной в вонючем растворе губкой. Бойцы морщились, сплевывали под ноги, кто-то пытался шутить. Молодой прапорщик-фельдшер что-то писал за столиком в углу, не обращая внимания на вонь. Тоже обритель наголо, с носом картошкой и мешками под глазами, он напоминал снывшего грим клоуна.

— Как следует мажь, Мефодьев! — гаркнул он на санинструктора. — На чем сэкономишь? Сам зачешешься — взвоешь.

— Я-то ладно, — флегматично отреагировал сержант. — А вот если командование зачешется, вот тогда...

— Оно и так чешется, — пискнул маленький, похожий на щенка таксы боец. — Я видел.

— Та-ак! — повысил голос Мефодьев. — Засечь пять минут, рот прополоскать и в баню! А ты молчи, если видел. Говоришь много. Башку не щиплет? Кто ж тебя так скоблил, родимого?..

Вонь в палатке стояла невероятная. У самого выхода Пахомов увидел несколько запечатанных картонных ящиков с биркой “Ниттифор” и канистру хлорамина.

Фельдшер поднял глаза:

— Э! Нельзя сюда, обработка от педикулеза. Они прыгают, знаете ли.

Пахомов попытался. Он был счастлив, за день заполнили все анкеты. Топорщившаяся груда исписанных опросников была перехвачена бечевкой.

Дело сделано. Пахомов пропустил и обед, и ужин, но не чувствовал голода. В рюкзаке оставалась банка консервов и лежал термос с чаем. Оставалось с утра отметить командировку, и можно убираться воясояя.

Как к себе домой, он проскользнул в генеральскую палатку. Любовно хлопнув по пачке отработанных опросников, задвинул ее под койку. Снимая камуфляж, Костя с удивлением обнаружил несколько дыр. Одни, прожженные искрами костра, другие, непонятно как появившиеся на его куртке и штанах, они придавали теперь форме бывалый вид. Как ни отбивал он днем низ брюк, на них осталась короста грязи. Кожа ботинок потрескалась, их носки задрались.

“Три дня, — подумал Пахомов, уже засыпая, — всего три дня здесь...”

К восьми утра в сколоченный из горбыля “аэровокзал” на краю летного поля в Ханкале уже набился народ. Подошедший перронщик собирал полетные листы. Шали, Гудермес, Урус-Мартан, Наурская, Ведено...

С утра из Моздока прилетали ночевавшие там вертушки. Они привозили военных — совсем юных, словно на одно лицо, солдат-новобранцев, бывалых капитанов и майоров и уже пожилых полковников.

С одной из вертушек неожиданно слезла абсолютно гражданская толстая тетка в цветастом платье. Она осмотрелась, поправила прическу и, брезгливо ступая по раскисшей земле, направилась к будке перронщика. Ее резкий визгливый голос был хорошо слышен, перекрывая и шум винтов пролетавших вертушек, и редкие слова, которые удавалось вставить перронщику:

— ...Так зачем же вы его ищете?

— Потому что он, гад, думал, от меня в Чечне скроется.

— Ну не положено вам, гражданка, на военный борт.

— Все равно найду!

— Вот будет туда вертолет, с командиром и решайте!

В конце концов высунувшийся из будки перронщик махнул рукой в сторону КП авиации.

Через минуту оттуда уже доносились ее крики.

Пахомов сидел на обрезке бревна, в десятый раз рассматривая поле перед перроном, дорогу справа. Такую же слева и за ней железную дорогу, по которой маневровый тепловоз таскал вагоны. Вертолеты садились и снова улетали.

Группа спецназовцев, увешанная оружием, с высокими рюкзаками с прилаженными снизу скрученными резиновыми ковриками улетала на спецоперацию. На головах черные вязаные шапочки, на ногах кроссовки, металл оружия затерт до белизны.

Опять вели раненых, носили к вертушкам какие-то ящики.

Потом все затихло. Было время обеда, и многие потянулись в ларек или столовую. Вдоль поля ходил перронщик с радиостанцией в руке. Он поглядывал на небо и монотонно бормотал в поднесенную ко рту рацию:

— У нас “мандарин”, у нас “мандарин”. “Мандарин” с сопровождением, нужен борт.

Неожиданно из-за железной дороги показалась вертушка. Она шла на площадку, наклонив лобастую, рогатую от торчащих пулеметов голову, как у какого-то фантастического жука. Ми-8 подлетел, завис над бетонным пятачком в поле.

Откуда-то со стороны, из боковых ворот появился “мандарин” — генерал в полевой форме в сопровождении свиты. На нем все еще были резиновые сапоги, берцы ему, видно, так и не привезли. За генералом шли два полковника, следом три подполковника. На них ранг свиты завершился, и дальше следовали спецназовцы охраны, держа автоматы стволами вверх. У одного был даже пулемет. Вокруг, завершая генеральскую свиту, бегала тетка в цветастом платье. Она с разных сторон пыталась прорваться к генералу, но каждый раз на ее пути оказывались спецназовцы. Задранные стволы стояли между ними. И она из-за них кричала что-то генералу, как из-за забора.

От вращающихся лопастей поднялся ветер, погнав к сараю у перрона пыль и мусор. Ветер налетел и начал выдергивать листки из перевязанной пачки. Он быстро-быстро перебирал их края, выхватывая по несколько листков, потом сразу десятками, и вот уже вся распавшаяся пачка закружила белыми листами в порыве ветра.

Пахомов кинулся спасать, хватая пролетающие мимо листы, а они не давались и уносились куда-то дальше за летное поле, к штабным палаткам и машинам в полевом автопарке.

Двигатель вертолета заработал сильнее, в свисте лопастей появился цокающий звук. Костя оглянулся. Вертолет забрал всех, последней влезла тетка со своими сумками, и теперь поднимался над полем, над палатками, железной дорогой и, заваливаясь на бок, брал курс куда-то за горы.

В сарае остался один капитан, ждавший попутной вертушки на Ведено. Он проснулся и теперь все еще сонно и недоуменно смотрел вслед улетевшему вертолету.

Психолог еще раз посмотрел на разлетевшуюся, белевщую на земле бумагу, вздохнул, подошел и сел напротив. Он достал чистый лист вопросника, положил его на планшет.

Капитан равнодушно и устало смотрел на его приготовления. Сбоку на скамейке лежал автомат. Под ногами стоял вещмешок.

Они молчали. Капитан ждал, а психолог все никак не мог начать. Наконец он снял колпачок с ручки:

— Кто ты такой? Как здесь оказался? Зачем ты живешь?

КАМАУЧЛОМА

ук поняли серьезность намерений прапорщика.

Такой вот результат столкновения мира прапорщика с миром гражданских людей.

А те истории, что случаются с ними внутри армии, еще популярнее.

— Товарищ прапорщик! А расстегай — это рыба или мясо?

— Расстегай — это команда!

Вот так вот, и все смеются. Но прапорщик при всей внешней неброскости смекалку и способность к выживанию имеет поразительные. И когда мне про них говорят что-нибудь пренебрежительное и обидное, я сразу наш затерянный в степи гарнизон вспоминаю еще тех времен, когда жили мы в другой стране, единой и неделимой...

В дальнем, забытом Богом и начальством гарнизоне среди казахской степи чего только не было. Ракетчики, пехота, учебная авиационная часть. И маленький поселок-городок. Одна школа, филиал техникума. Даже тюрьма есть, точнее колония, которую охраняет рота внутренних войск. А кое-чего и действительно нет. Детского сада, к примеру. Офицерские жены и так без работы маялись, чего им детский сад, пусть с детьми дома сидят. Не было и толковой поликлиники, на все про все ПМП — полковой медицинский пункт и здравпункт с терапевтом и стоматологом, квалификации которых хватало на помощь разве что первую и последнюю, а по серьезным медицинским вопросам приходилось ездить за сто километров в областной центр, а то и в Алматы. Был очаг культуры в виде Дома офицеров, пусть и барака, но с деревянными колоннами. Пять кружков: макраме, кройки и шитья, художественного слова, шахматы-шашки и чего-то там на баяне, еще кинозал и танцы по вечерам. Не гарнизон, а дыра, каких много...

Но была и своя гарнизонная жизнь. Официантки, поварахи из офицерской столовой, кастелянши и горничные из гостиницы летчиков. Молодые же офицеры. А еще офицеры постарше, которые немолодые, и их жены, маявшиеся от безделья, пока их мужья то на стрельбище, то на полевом выходе, то в командировке. Как и во всяком гарнизоне, были сплетни, измены и интриги. Были и громкие случаи.

Прапорщик Онопко, находясь в гарнизонном патруле при оружии и обязанностях, нарушил устав и заглянул домой. Дома обнаружил помимо жены еще и коменданта. И комендант, который его два часа назад перед заступлением в патруль, поставив по стойке "смирно", инструктировал, бежал от прапорщика в голом виде по территории гарнизона.

Онопко выдернул табельный пистолет и стрелял четыре раза. Пули летали по маленькой комнате, как осы. Но попал он лишь раз в лейтенанта-инженера, который мирно спал за стеной.

Но это случай исключительный, из тех, что делают время на "до случая" и "после".

А так в гарнизоне тишина и спокойствие.

Вот идет на службу по пыльной улице городка прапорщик Берендеев, заведующий кабинетом тренажеров авиационной учебной части. На нем стоптанные сандалии, мятые холщовые штаны и футболка с выгоревшей задорной и непонятной надписью: "Дашь в закрома Родины целинный миллиард!". В таком виде он совсем не похож на военного и скорее напоминает не бравого советского прапорщика, а американского безработного или американского же писателя Хэмингуэя без бороды. Хотя, с одной стороны, кто бы позволил Берендееву с бородой служить, а с другой, трудно себе представить Хэмингуэя в футболке с призывом, чтобы Флорида или Техасчина не забыли про план по сбору зерновых. Наряд Берендеева завершала белая казахская шапка наподобие стеганой военной панамы.

— Савелий Прохорович! Савелий Прохорович! — спешит ему навстречу женщина средних лет.

Прапорщик останавливается.

— Савелий Прохорович! Можно с вами сегодня встретиться?

Анекдотов о прапорщиках придумано едва ли не больше, чем о чукчах. И такие они, и сякие, и жадные, и вороватые, и немудные, и сало все как один любят.

У моего друга даже висела исполненная неизвестным умельцем картина: "Прапорщик, продающий шинельное сукно". Изгалялся друг: А зря, я прапорщиков и на войне видел, где они вместо убитых офицеров взводами командовали. Просто это тот случай, когда общественное мнение изменить уже невозможно. Миллионы прошедших армию граждан принесли со службы вместе с дембельским альбомом и парадной формой и миллионы баек о своих старшинах рот, заведующих банями, начальниках складов. Историй этих не счесть.

Один прапорщик ухаживал за дамой. Правда, та как-то не укладывалась в представление о спутнице прапорщика. Преподавала в университете. Прапорщик не знал слова "мезальянс", но чувствовал разницу в их положении. А тут еще дама защитилась и стала не просто научным работником, а кандидатом наук. Прапорщик понял, что брешь между ними ширится, и решил заполнить ее каким-нибудь подарком. Он долго думал, что подарить ей на банкете в честь защиты и, едва не свернув мозги, придумал. Прапорщик доставил на торжество ванну. Большую чугунную, облитую белой эмалью с голубыми цветками. Ее принесли солдаты прямо в ресторан. И время было выбрано, когда праздник в разгаре, чтобы все присутствующие доценты и доктора на-

Берендеев недолго думает и достает из кармана объемистую, изрядно потрепанную записную книжку.

— Давай, Света, часа в четыре заходи.

— Савелий Прохорович, — уже вполголоса говорит она, — в военторг джинсы завезли. Американские. Я отложила, вы себе глянтье или я командиру отнесу.

Берендеев кивает, прячет записную книжку и идет дальше.

С другой стороны к КПП части бодрой походкой направляется лейтенант Аркадий Вострецов, помощник командира учебного пункта, недавний выпускник краснознаменного высшего общевоинского командного училища. Он непринично молод и сейчас без формы смотрится пацан пацаном.

Поначалу, прибыв в гарнизон да еще и попав в авиацию, он днями не снимал синюю форму с крылышками на погонах, но на летней жаре быстро сопреп и вне службы перешел на гражданку. Пестрая рубашка с короткими рукавами, которую он купил по случаю на рынке в Алма-Ате, выглаженные до острей, как бритва, стрелки брюки. Сандалии "Скороход".

Вострецов дошел до парикмахерской, остановился и подергал дверь. Потоптался, пригладил коротко стриженные волосы, глянул на часы, на закрытую дверь парикмахерской и заторопился на службу.

В девять часов сразу после развода начинается служебный день. Раза два-три в месяц сюда приезжали на пару дней летчики, чтобы потренироваться на тренажерах и пожить в условиях, максимально приближенных к тыловым. Когда не надо ждать тревог, неожиданных вылетов и можно расслабиться, отдохнуть и поухаживать за женской половиной городка. В остальное время в части поддерживали боеготовность. Красили бордюры, проводили политзанятия, занимались строевой подготовкой.

В учебном классе за партами сидели прапорщик Берендеев и три солдата — все подчиненные Вострецова. Сам Аркадий расхаживал между партами с раскрытой книжкой и диктовал с листа:

*Поздней ночью
Или утром рано,
В злую стужу или душный зной
Под свою надежную охрану
Принимал Отчизну
Часовой.*

Солдаты, торопясь успеть за лейтенантом, строчили в тетрадь. Прапорщик сидел спокойно, только временами делал какие-то пометки в записной книжке.

*Знал:
Не одному ему не спится.
Стихнут разводящего шаги,
Он насквозь прослушает землю —
На границе бодрствуют враги!
Точат озверело и жестоко
Когти бронетигров и пантер.
Гитлеровцы — с запада,
С востока —
Самураи целят в СССР.
Ни на миг не сводят злое око
С наших городов и деревень...*

Читать и даже конспектировать патриотические стихи — в этом была задумка лейтенанта, чередовавшего с привычным чтением "Коммуниста Вооруженных Сил" рекомендованную поллитодделом поэзию.

Было жарко. В распахнутые окна залетали мухи и лениво ползали по стеклам. Солдаты и прапорщик тоскливо следили за ними, смотрели сквозь пыльное стекло на городок.

Городок словно вымер. Пустой плац. Вот через него краем, вдоль забора, по тени протрусилась собака. За забором пыльные улицы, дома с раскрытыми, затянутыми марлей окнами. Еще дальше начиналась степь до самого горизонта.

Берендеев вызывающе широко зевал.

— Прапорщик Берендеев! — немедленно отозвался лейтенант. — Повторите, о чем я сейчас говорил.

— А что говорить, — давая зевок, поднялся прапорщик, — правильные стихи. Наши. Эти, на Западе, только и ждут момента. Когти точат.

Они стояли друг против друга. Берендеев возвышался над лейтенантом, как северная, поросшая мхом скала. Лейтенанту было 22 года, прапорщику 44. Их разделяло 22 года и 2 неодолимых звания — младший лейтенант и старший прапорщик. Берендеев еще мог стать старшим прапорщиком, но уже младшим лейтенантом никогда. Вострецову и вовсе предстояло шагнуть лишь вверх до недостижимых для Берендеева высот и шаней.

— Садитесь, Берендеев, впредь будьте внимательнее.

Он еще проверил конспекты солдат, прежде чем закончить занятия и дать команду разойтись.

Солдаты шли дальше белить бордюры, прапорщик направлялся на заведование — в кабинет авиационных тренажеров, а лейтенант Вострецов шел устраивать личную жизнь.

Лейтенанту по возрасту и положению нужна была женщина. Женщин в гарнизоне было немного, а свободных так просто не отыскать. Даже те, что не замужем, или крутили романы с наезжавшими летчиками, или негласно числились за какими-то старшими лейтенантами, капитанами, прапорщиками и майорами.

Помывавшись с месяц, Вострецов пошел на решительный шаг и всем своим трем далеким училищным подругам отправил письма. Написал, что хотя и закончил училище общевоинское, служит теперь в авиации. Соврал, что уже летал и прыгал с парашютом. Расписал городок и заодно быт в "маленьком, но славном гарнизоне", где климат между летними пылевыми бурями и зимними буранами почти как в Швейцарии. И водовозка приезжает два раза в неделю, так что жить здесь можно.

Во все три послания было написано предложение разделить жизнь и судьбу и незамедлительно приехать к нему в Казахстан.

Разослав крик своей души, он первое время ходил сам не свой, опасаясь, что на его призыв с рукой и сердцем приедут сразу три невесты. Но оказалось, что боялся он зря — не приехала ни одна.

Поэтому Вострецов ухаживал за парикмахершей Леной. Женщиной незамужней и незанятой, к тому же с массой других достоинств вроде ямочек на щеках и круглых коленок, хоть она и была на пять лет старше лейтенанта.

Аркадий каждый день стригся и все не решался заявить о своих чувствах. Он приходил в парикмахерскую, занимал кресло и через зеркало смотрел на парикмахершу глупыми влюбленными глазами.

По бокам от зеркала висели фотографии холеных мужчин, демонстрирующих образцы причесок, и здесь же вырезанная из журнала "Рижская мода" страница. С нее стройный блондин в джинсовом костюме, картинно отставив руку, презрительно смотрел на Вострецова.

— Стричься будем?

Лейтенант отвернулся от наглого блондина, пригладил свои жесткие цвета пакли волосы и попросил:

— Подровняйте, пожалуйста.

— С одеколоном? — уныло спросила та.

— С одеколоном.

Парикмахерша поржала над ним с ножницами, потом брала зеленую бутылочку с оранжевой грушей на пробке, давила на грушу и орошала одеколоном стоявшие торчком волосы лейтенанта.

Лейтенант вздыхал и, вставая, клал на столик тридцать копеек мелочью и шоколадку.

От жары шоколадка расплавилась и теперь гнулась, словно лист бумаги.

— Лена, — наконец решился он, — а какие вам, как парикмахеру и человеку, мужчины нравятся?

— Лысые. С ними возни меньше.

Лейтенант снова вздыхал и уходил править службу. Блондин со стенки смеялся вслед. А парикмахерша Лена, брезгливо выкинув расплавленный до комка шоколад в урну, где валялись комья ваты, старая сломанная расческа и срезанные волосы клиентов, садилась у окна с затрепанным журналом "Рижская мода", поглядывала в окошко, словно выглядывая того самого настоящего мужчину.

А расстроенный лейтенант шел утверждаться на подчиненных.

В его подчинении были три безответных солдата и прапорщик Савелий Берендеев. Победа над солдатами досталась так легко, что не радовала. Она была автоматической. Солдатам приказывали копать, и они копали. Приказывали носить, и они носили. Приказывали зарывать отрытую вчера яму, и они безропотно зарывали.

Сейчас они отбивали белую полоску на бордюре. Вострецов придирчиво посмотрел и приказал вернуться назад и перебить все на два сантиметра выше. Слегка успокоившись, он направился к Берендееву.

Прапорщик лейтенанта раздражал. Своим спокойствием, уверенностью много пожившего и повидавшего человека. Даже непробиваемостью. И лейтенант пошел пробивать подчиненного.

В кабинете тренажеров было тихо и темно. У входа стоял УАК — учебный авиационный комплекс, полная копия кабины самолета со всеми приборами, креслом и ручкой управления. Дальше шли модели авиационных двигателей в разрезе, кусок крыла с задранными закрылками. Рядом стойка шасси с толстыми шинами. У стены уходили вверх отполированные рельсы учебной катапульты.

Лейтенант, зайдя со света, подслеповато оглянулся. Прапорщика нигде не было видно.

— Берендеев!

— Я! — Прапорщик появился откуда-то сбоку и снизу, щелкнул рубльником и зажег свет. На его щеке четко отпечатался след подушки.

— Занимаетесь, значит, — усмехнулся лейтенант, — готовые материальную часть к учебному процессу.

Он прошелся взад-вперед, и прапорщик послушно поворачивался ему вслед.

— Доложите свои обязанности.

— Это, содержать в исправности вверенную материальную часть, — Савелий уверенно загибал толстые пальцы, — высоко нести честь советского воина и прапорщика, в дни тренировок летчиков обеспечивать учебно-тренировочный процесс, быть всегда боеготовым, подтянутым, по-уставному опрятным...

За окном солдаты добеливали бордюры.

— Савелий!

— Я!

— Почему женщины в гарнизоне к тебе как-то тянутся? Ведь ты только прапорщик, не офицер.

Тот лишь пожал плечами, смутился.

— Ну вы скажете, товарищ лейтенант. Так уж и тянутся. Они ж сами. Бабы, женщины то есть, они же что голый инстинкт. Верно, настоящего мужчину чуют.

Это он сказал зря. До этого просто недовольный Вострецов теперь всерьез разозлился.

— Мужчину, говорите, чуют? Что же этот мужчина в своих обязанностях мне про строевую подготовку и выправку ничего не сказал? Так что, Берендеев, через пятнадцать минут встречаемся на плацу.

Солнце палило невыносимо, вдобавок на строевые занятия пришлось натянуть сапоги и теперь париться в этом дурацком полушерстяном обмундировании, которое таскали служивые, невзирая на климат, во всех широтах от Новой Земли до Кушки.

Доставалось не только рубившему строевым прапорщику, но и командовавшему им лейтенанту.

— Раз-два, раз-два, выше носок! — и Берендеев тянул выше носок. Вскоре Вострецов понял, что сам устал, и тут, вырвавшись, подбежал посыльный.

— Товарищ лейтенант! Вас дежурный по части вызывает.

— Прапорщик Берендеев!

— Я! — немедленно отозвался тот.

— Отработайте пока строевые приемы самостоятельно. Следующая тема — отдаче воинской части начальнику. Я скоро вернусь.

Лейтенант быстро взбежал по лестнице в здание штаба.

Дежурный по части сидел на втором этаже и сквозь широкое окно наблюдал, как Берендеев рубит шаг по плацу вдоль белой линии. У края плаца раскинулся огромный карагач. Берендеев четким строевым шагом подошел к нему и отдал честь.

Майор-дежурный, наблюдавший за ним из окна, засмеялся.

— Ну, я ему сейчас устрою! — вскипел лейтенант.

— Хватит тебе, — остановил его дежурный. — Прекращай занятия!

— Почему? — возмутился Вострецов. — Это мой прапорщик!

— Приказ.

— Чей?! — требовательно уточнил Вострецов.

— Жена командира части звонила.

Дом командного состава стоял напротив, тоже окнами на плац.

— Да и обед уже по распорядку.

В столовую пришли одновременно. Они смыли пыль у умывальника и также рядом встали с подносами на раздачу.

— Мы вами еще займемся, — туманно пригрозил Вострецов, все еще недоумевающая, какое дело жене полковника до строевых занятий.

Берендеев поставил себе два компота и послушно двигал поднос за лейтенантом.

— И конспекты я ваши проверю, — не унимался тот, подумывая, чем бы еще досадить прапору.

Они дошли до толстой тетки, разливавшей первое. Та плеснула лейтенанту плоскую жижи с разваренной капустой и, не глядя, протянула тарелку. Потом она заметила Берендеева. Сначала рукой поправила сероватую наколку на голове, потом покраснела и смущенно улыбнулась, а черпак в ее руке нырнул на самое дно бака. Она там основательно покопалась и выудила из глубин бака громадный кусок мяса.

— На здоровье, кушайте, Савелий Прохорович! — низким грудным голосом сказала она.

Вострецов недоумоменно глянул сначала в тарелку к прапорщику, потом в свою, где одиноко плавала разваренная капуста с медалью жира.

— После обеда на строевые занятия, — прошипел он. — Мне

жена командира не указ. Продолжим. Носок вы, товарищ прапорщик, тянуть так и не научились, будем отработывать!

— У меня освобождение, — подумав, ответил прапорщик и протянул бумажку. Вострецов раза три прочитал ее:

— Так это же стоматолог — Нина Семеновна! — изумился он.

— При чем тут зубы и... — Он снова перечитал бумажку. — "Нуждается в освобождении от строевых занятий сроком на один месяц".

— Не знаю, — отвернувшись в сторону, пробормотал Берендеев. — Она сейчас за начмеда. Ей виднее.

После обеда заставить кого-либо в этом пекле работать мог разве что садист. В гарнизоне объявлялся негласный тихий час.

Вострецов садистом не был и сам шел отдыхать в свою комнату в общежитии. Здесь он раздевался до трусов, направлял на себя лопасти гоняющего раскаленный воздух вентилятора и ложился на койку. От строевых занятий форма проплетала. Пришлось снять ее и бросить в стирку. Ведро уже было полно грязных носков, трусов, маек. Вострецов вновь подумал, что срочно надо жениться.

Берендеев тоже отправился домой отдохнуть и отлежаться, правда, по дороге его перехватила пышная крашенная блондинка, ведущая кружок макраме в Доме офицеров.

— Савелий Прохорович!

— Что тебе, Ира?

Та молчала, лишь изредка бросая застенчивые взгляды на Берендеева, что было несколько странно для такой уверенной в себе пышки.

— Что, Ира, опять?

— Да, Савелий Прохорович, на море отдыхала.

— Ну что с тобой делать? Приходи вечерком, после семи.

— Спасибо, Савелий Прохорович.

По пути в общежитие он заглянул в буфет, и там Катька-буфетчица, слизав в холодильничек, угостила его бутылкой пива.

Прапорщик, с удовольствием потягивая пиво, увидел за окном спешащего куда-то лейтенанта. Настроение сразу испортилось.

Лейтенант остановился было у парикмахерской, потоптался и, так и не решившись зайти, пошел куда-то дальше. На лице прапорщика появилась змеиная улыбка. К тому же он вспомнил, что завтра рано утром лейтенант с попутной машиной едет в аэропорт, чтобы использовать оставшиеся от отпуска проездные и слетать на день в Ленинград. Причем Берендееву надлежало вечером того же дня лейтенанта встретить.

— Чудит, начальник, — пробормотал он, поднимаясь из-за стола.

— Савелий Прохорович! — Катя царственно выплыла из-за стойки со свертком в руках. — Я вам тут колбаски, сырку завернула, пользуйтесь на здоровье.

Вторая половина дня прошла спокойно. Вострецов, не найдя чистого белья, вместо службы затеял стирку и яростно шурудил в тазике. Берендеев раскатал матрац прямо в кабинете за одним из тренажеров. А солдаты без начальственного глаза тоже где-то "тащились" и не подавали признаков жизни.

Жизнь в гарнизоне замерла до вечера и приходившей с ним прохлады. А пришел вечер, и все зашевелилось. Захлопали двери домов, появились на улицах люди. И только Вострецов, собиравшись в путь, уже улегся пораньше спать, поставив будильник на четыре утра. Он выключил свет и думал о своей лейтенантской жизни, о парикмахерше Лене, о прапорщике Берендееве. Представлял завтрашнюю поездку в Ленинград и связываемые с ней надежды.

Прапорщик тоже думал. Он давно запер кабинет, опечатал дверь. Потом прошел до окраины городка, встал на пригорке и смотрел вдаль.

В степи садилось солнце. Огромное, красное, оно катилось за высокую траву вдаль, садилось куда-то далеко за городок, за степь, пустыню, может, даже, за Казахстан. Берендеев стоял и смотрел на закат. Лицо его со стороны казалось медно-красным, забронзовевшим. Широко расставленные ноги уверенно упирались в землю. Руки он держал в карманах, и во всей его позе сквозила основательность и пренебрежение к земной суете.

Его осторожно тронули за локоть. Незнакомая женщина невысокого роста, в полевой военной форме с сержантскими погонами, уже минут пять стояла сзади, не решаясь обратиться.

— Савелий Прохорович, простите за беспокойство, мне ваш адрес дали. Я к вам издали приехала, из другого гарнизона.

— Завтра приходите. — Савелию не хотелось возвращаться от заката к мирским, суетным делам.

— Савелий Прохорович, — не отставала та, — я к вам на попутке с караулом добиралась. Машина через три часа назад пойдет.

Берендеев посмотрел на запад. Солнце уже село, только его край еще виднелся над горизонтом, ничего уже не освещая.

— Ладно, пошли, — махнул рукой Берендеев, — все равно мне завтра этого сморчка в аэропорту встречать.

Они прошли на территорию части, хлопнула дверь учебного корпуса, зажегся свет в кабинете авиационных тренажеров. Через десять минут оттуда донесся глухой взрыв, будто хлопнули пустой надутый пакет. Погасли окна в кабинете. Сначала из дверей выскользнула женщина-сержант, минут через пять вышел Берендеев и запер дверь на замок.

Городок с вечерней прохладой ожил. Гарнизонная столовая превратилась в кафе. Из ее открытых окон доносились перекрывающие музыку зазорные пьяные крики.

Работал Дом офицеров, где непьющие и чуждые шумных развлечений военные изучали макраме, художественную кройку, шитье и вязание. Там же, судя по звукам, кто-то мучил баян.

По единственной освещенной фонарями улице чинно прогуливались пары.

Берендеев вспомнил про приглашение, завернул в военторг и вскоре вышел оттуда с плотным пакетом под мышкой...

В четыре утра в комнате офицерского общежития зазвонил будильник.

Вострецов споро поднялся, натянул так и не высохшие, постиранное накануне белье и засобиравшись в дальний путь.

Вообще-то отпуск лейтенант уже отгулял. Но от него остались два дня и проездные. Чтобы они не пропали, их надо было использовать. И лейтенант, недолго думая, выписал себе билеты в далекий Ленинград. Дело в том, что у Вострецова была мечта — купить джинсы. В Алма-Ате на рынке настоящие американские джинсы, эти синие ковбойские штаны, стоили триста рублей, или полторы лейтенантских полочки. Вострецов решил воспользоваться предоставленным ему государством правом бесплатного проезда в отпуск в любую точку страны и даже обратно и отправился в портовый город Ленинград, где, по слухам, джинсы стоили лишь двести рублей.

У Аркадия все было четко рассчитано. Засветло добраться до аэропорта Алма-Аты. Утром прилет в Ленинград. Покупка джинсов. Эрмитаж, Нева, Петропавловская крепость. Обед в Астории и обратный рейс в тот же день вечером, где его в Алма-Ате должен встретить Берендеев на казенном "уазике". И уже на следующий день он щеголяет в джинсах, небрежно бросая на вопросы офицеров:

— Да на днях в Ленинград смотался, у моряков в порту купил.

И началось все красиво: попутный грузовик, белоснежный лайнер в аэропорту, карамель "Взлетная", длинноногие стюардессы, и аэрофлотовская резиновая туция на обед.

Аэропорт Пулково в Ленинграде встретил северной прохладой и моросащим дождиком. Вострецов не стал ждать автобус и уверенным шагом отправился на стоянку такси.

— В порт! — небрежно бросил он, развалившись на заднем сиденье "Волги".

— В какой? Рыбный, торговый, пассажирский? — спросил таксист, не поворачивая головы.

— В торговый... — подумав, решил Вострецов.

Доехал неожиданно быстро, за полчаса, сначала по шоссе к городу, потом по какому-то проспекту, затем по набережной вдоль древнего канала с поросшими мхом каменными стенками.

Вострецов подпрыгивал на продавленном заднем сиденье и думал, что, похоже, жизнь удалась. Еще утром он трясся в попутном грузовике в Алма-Ату, проезжал мимо верблюдов, потом несколько часов летел в лайнере на высоте, как им сказали, девять тысяч метров, теперь вот на "Волге", такой же, как у командира гарнизона, он торопится по делам в порт.

"Были бы деньги, купил бы две пары и одну в Алма-Ате втюхал с наваром", — посетила его недостойная советского офицера мысль.

Он очнулся от мечтаний, когда такси уже стояло напротив ворот порта. Расплатился. Вышел. За высоким забором виднелись мачты судов, высокие ряды контейнеров. Временами ветер доносил густой запах застоявшейся воды. На входе в порт топтался не только вохровец, но и пограничник. У всех входящих и выходящих они бдително проверяли пропуски.

Да и публика сновала не та, что была нужна. Докеры в робах и касках, какие-то тетки явно неморского вида. Потом выпорхнула стайка галдящих иностранцев в яркой одежде. Гомоня, они сели в дождавшийся их автобус и уехали.

Главное, джинсы никто не продавал. Было холодно и мокро. Непрекращающийся дождь уже не бодрил, а раздражал.

Аркадий пошел вдоль забора порта. Забор был капитальный — ни одной дырки и вдобавок с пущенной поверху колючей проволокой.

Так он прошагал метров двести. Справа все тянулся забор, слева сначала обычные жилые дома, потом какой-то магазин "Альбатрос".

Наконец попался и прохожий, видно, моряк в фуражке-мичманке с шитым крабом и в явно импортном шуршащем плаще.

— Товарищ, — тревожно спросил его Вострецов, — а где бы тут джинсы купить?

— В "Альбатросе", — ткнул пальцем в магазин морячок. В магазине было неожиданно просторно и тихо. Первый этаж — продукты и всякое барахло: сигареты, сервизы, бутылки с яркими этикетками. На втором этаже продавалась одежда, и тут сердце Вострецова дрогнуло — в первом же отделе длинными рядами висели джинсы.

Вострецов глянул на ценник. Джинсы стоили десять рублей! Он недоверчиво пробежался вдоль ряда. Десять-двенадцать-четыренадцать и снова десять рублей. Дороже четырнадцати рублей джинсов не было.

Аркадий подошел к продавщице и почему-то шепотом спросил:

— Простите, а можно я две пары возьму?

— Пожалуйста, — пожалала та плечами, — касса на первом этаже.

Вострецов развернулся. Две пары джинсов. Остроносые ботинки на высоком каблуке. Дакроновая куртка "судзуки" и темные очки с такой же надписью по стеклу.

Он уже приготовился посмотреть на мир через эти "судзуки", и этот мир ему уже заранее нравился.

О окошко кассы, отстояв очередь, он протянул заранее приготовленные семьдесят три рубля. Семь червонцев и три похожих на медали юбилейных рубля с отчеканенным Лениным.

— Это что? — Молодая кассирша посмотрела на купюры и даже на Ленина как-то безразлично.

— Деньги, — радостно произнес предвкушавший скорее счастье Вострецов.

— Что мне ваши деньги, чеки давайте.

— Какие чеки?

На Вострецова смотрели как на идиота. И кассирша, и очередь, в которой кто-то уже посмеивался, показывая ему, словно дразнясь, маленькие, сколотые в книжечки, красивые бумажки с якорьками.

— Чеки Внешторгбанка. Это магазин для моряков!

Когда он вышел из магазина, в порту протяжно и тоскливо загулел пароход. До отлета назад в Алма-Ату оставалось три часа.

Но сдаваться Аркадий не собирался, джинсы приняли для него форму маниакальной идеи. И, презрев стыд, он пристал к первому же вышедшему из "Альбатроса" покупателю, свидетелю его позора, увешанному свертками толстяку с вопросом, где еще можно купить в Ленинграде джинсы.

— Да я бы сам тебе купил, — распахнул душу тот, — да все чеки потратил. Ты, парень, езжай в Гостиный двор, там, на галере, втором этаже, фарца тусуется. У них и купишь.

Толстяк даже показал остановку автобуса, идущего прямо до этого Гостиного двора.

Длинный, как колбаса, "Икарус" с резиновой гармошкой посередине, неспешно полз вдоль каналов, по пустынным улицам мимо старинных особняков. Наконец он вырулил на Невский проспект и остановился у вытянутого желтого здания с колоннами.

— Гостиный двор, — буркнул водитель.

"Галерея" — это, верно, галерея! — догадался Вострецов, взбежал по лестнице на второй этаж и рысью помчался вдоль колонн по скрученной в овал галерее. В конце витка ему встретились одетые явно в заграничное парни его возраста с яркими пакетами в руках.

"Они!" — понял Аркадий и, подбежав к крайнему спекулянту в темных очках, лениво подпиравшему стену, решительно то ли спросил, то ли заявил:

— Джинсы?!

— Двести пятьдесят, — ответил тот, не поворачивая головы.

— Двести десять! — сказал как отрезал Вострецов. Столько у него просто не было.

Фарцовщик медленно повернул к нему голову, снял темные очки. В его наглых глазах мелькнул интерес.

— Откуда ты, парень? — поинтересовался он.

— Из Казахстана. — Аркадий глянул на часы. До рейса оставалось без малого два часа.

— Ну, если из Казахстана... — Фарцовщик достал желтый портновской метр и приложил его к Вострецову. Потом он, задрав голову, что-то шептал сам себе и сказал решительно, будто приговор вынес:

— Уступлю за двести двадцать.

Путаясь в рублях и мелочи, Вострецов отсчитал деньги. Взамен он получил яркий пакет. Внутри, запечатанные в сверкающий целлофан, словно букет цветов, лежали украшенные лейблами, орлами и заклепками синие американские джинсы.

— Фирма... — успокоил его продавец и даже любезно подсказал, где военная комендатура и как отсюда добраться до аэропорта.

Повезло и здесь. Комендатура оказалась под боком, на Садовой улице. Там Вострецов отметил отпускной и побегал в метро. Денег на такси у него не осталось.

Впрочем, за пять минут до конца регистрации на рейс он оказался в аэропорту.

Возвращаясь к месту службы, на высоте девять тысяч метров над землей он мысленно перебирал весь этот хлопотный день. Уже улыбался неудаче в порту и предвкушал, как через несколько часов доберется до гарнизона. Теперь, в джинсах, его шансы в глазах Лены несомненно должны были вырасти.

Он просунул руку в пакет и сквозь надорванный целлофан погладил слегка шершавую ткань. Вещь!

В конце концов он не выдержал и отправился в туалет переодеваться.

В тесной кабинке было не повернуться. Джинсы развернулись как-то однобоко, и Аркадий, неловко переступая в спущенных штанах, все никак не мог понять, как же их надеть.

Дело в том, что в джинсах оказалась только одна штанина. Несомненно, от джинсов, а даже с размашистым орлом на заднем кармане, но только одна!

— Как же так?! — Вострецов все вертел штанину. — Может, ошибка? Он вспомнил лицо спекулянта и как-то сразу понял, что ошибки нет. И, вполне возможно, кто-то сейчас, так же, как и он, решивший прибраться, бегаёт, матеряясь, со второй штаниной.

В дверь туалета давно стучали, дергали ручку. Наконец Аркадий вышел оттуда без пакета и без штанины, которую он с огромным трудом пропихнул в узкий аэрофлотовский унитаз.

— Только бы никто не узнал, — повторял он всю оставшуюся дорогу.

В Алма-Ате его, как и договаривались, ждал "уазик". Берендеев стоял у ограждения и корчил улыбку, изображая радость от встречи с начальством. Он был в "гражданке": в своей дурацкой казахской шапке, линялой футболке и джинсах, новеньких американских джинсах густого синего цвета — с двумя штанинами.

"Уазик" пылил по казахской степи. Лейтенант сидел рядом с водителем, прапорщик пристроился сзади. Через полчаса Вострецов не выдержал:

— Откуда джинсы, Берендеев?

— В военторге купил, — пожал плечами тот, — привезли одни, а командиру не подошли.

— И сколько стоят?

— Сорок восемь рублей.

— Нашими рублями? — как-то странно поинтересовался Вострецов.

— А какими еще? — удивился прапорщик. — Как слетали, товарищ лейтенант?

— Слетал... — туманно ответил тот.

Всю оставшуюся дорогу молчали, лишь уже в темноте, когда въехали в городок, Вострецов, глянув на часы, дал команду шоферу:

— К парикмахерской!

— Что-то вы сегодня поздно, — заметила Лена, откладывая журнал.

Вострецов сел в кресло. Всегда строгие лица на фотографиях сегодня словно таили усмешку. И даже джинсовый блондин из "Рижской моды" смотрел не с обычным пренебрежением, а насмешливо, словно говоря: "Куда же ты суешься, парень?!"

— Дела были. — Аркадий поторопился увести разговор в сторону. — И что вы так, Лена, дичитесь, будто в гарнизоне и мужчин нет?

— Ах, правду говорите, — доставая какую-то подозрительную простынь, вздохнула парикмахерша. — Нет мужчин, откуда ж им у нас быть? Вот разве летчики к нам выберутся. И чего они так редко приезжают?

— Женя не отпускают, — мстительно сказал Вострецов, на что Лена туго затянула ему простыню на шею.

— Вас снова подловят? С одеколоном или как?

— Наголо! — просипел сдавленным горлом лейтенант. — Раз уж настоящие мужчины, как вы говорите, лысые.

Парикмахерша правила клинок опасной бритвы на длинном ремне и пристально смотрела на Вострецова.

— Мужчины. Мужчины должны быть, как магнит, чтобы потянуло и все. Как в омут — с головой!

— Вот и мой подчиненный Берендеев говорит, что это один инстинкт, — глядя на летающую в руках Лены бритву, заметил лейтенант. — А я не согласен. Не инстинкт, а любовь правит миром и красотой, как говорил писатель Достоевский.

— Так вы с Савелием Прохоровичем служите? — удивилась парикмахерша.

— Какой еще Савелий Прохорович? Прапорщик Берендеев

он и все.

— Ах, не скажите! — Лена о чем-то задумалась, отложила бритву. Потом снова вздохнула, взяла помазок и стала решительно покрывать голову лейтенанта мыльной пеной.

— И Савелию Прохоровичу от меня привет обязательно передайте, — сказала она, когда мыло залепило Аркадию лицо, и он уже ничего не мог ответить...

Вострецов ходил по комнате общегития и думал. Думать мешала его собственная бритая наголо голова, отражавшаяся в зеркале. Он сел к столу.

— Берендеев... — задумчиво произнес он. — Чего они все, с ума посходили? Прапор и прапор!

Аркадий, как начальник, когда-то прочитал его личное дело. Ничего особенного. Служил срочную. Остался на сверхсрочную. Зачли гидромелиоративный техникум, присвоили прапорщика. И все годы прослужил здесь, в одной части и на одной должности. Живет один, хотя женат. Жена на каком-то украинском хуторе вместе с детьми. Их разделяли полторы тысячи километров и год, оставшийся Берендееву до пенсии. Вострецов вспомнил: поговаривали, что Берендеев не разводится, чтобы не портить личное дело. И все равно, непонятно... Ладно бы он заведовал каким-то складом. Или что-нибудь выдавал личному составу. Непонятно, почему к нему именно женщины явно неравнодушны. Похоже, неплохо он тут устроился.

Уже засыпая, Вострецов припомнил поговорку своего курсового офицера: "А мне и не надо, чтобы ты служил. Мне надо, чтобы ты мучился". Припомнив, родил свою первую великую фразу, переиначив слова классика на военный лад: "Если подчиненный не сдается, его переводят".

Но утром в часть приехали летчики, и лейтенанту стало не до Берендеева. Летчики прибыли из дыры еще большей, с дальнего, у самой границы, аэродрома. Приехали потренироваться, а заодно и отдохнуть, попить водочки, повеселиться.

Городок с их появлением ожил. Забегали горничные в гостинице. Баянист отменил вечерние занятия в кружке Дома офицеров и к вечеру перебрался со своим баяном в кафе. Лена в парикмахерской не успевала делать "химмию" и причешки неожиданно повалившим клиенткам. После обеда и она, повесив на двери табличку "Закрыто", убежала куда-то с туфлями на высоких каблуках под мышкой.

Летчики до обеда крутились на тренажерах. Взмыленный Берендеев запустил все свое хозяйство. В кабине самолета мигали лампочки и металси стрелки приборов, имитируя полет и посадку. Взлетало вверх кресло учебной катапульты. Крутились лопасти турбин в разрезанном для наглядности макете двигателя. Даже снятое с самолета шасси зачем-то несколько раз провезли по классу.

Наскоро прогнав программу, летчики пошли в баню. Вечером же огнями засверкало гарнизонное кафе, где принаряженные женщины отплясывали с кавалерами.

Вострецов подергал закрытую дверь парикмахерской. Постоля и побрел на звуки музыки. Здесь он через низкое открытое окно увидел, как Лену крутит в вальсе какой-то усатый капитан, а та весело, залиристо смеется.

Летчики, поставив на уши городок, гудели два дня. На третий они уехали. Неожиданный праздник закончился, жизнь вошла в прежнее, спокойное русло. Солдаты собирали мусор, разбросанные пустые бутылки. Женщины вздыхали, глядя на белые инверсные следы, оставляемые самолетами в небе.

Впрочем, и сегодня был день не самый рядовой, а и почище некоторых праздников. День полочки, когда военнослужащие учебной авиационной части получали жалованье.

Хотя и денег на всех хватит, и тратить их особо здесь некуда, но в три часа в коридоре уже выстроилась очередь к низкому, забранному решеткой окошку.

Вострецов подошел к кассе. Берендеев стоял последним. Он молча подвинулся, пропуская лейтенанта. Тот принял это как должное.

Деньги выдавала крашенная в рыжий цвет, высохшая, как вобла, мымра. Она и деньги выдавала противно. Сначала положит нормальные купюры, а потом сверху рваную, склеенную бумажкой. Хотя могла ее и в середину сунуть. И мелочь всегда требовала, 25 там или 12 копеек.

Очередь двигалась медленно.

— Ой! Савелий Прохорович! — Кассирша даже попыталась высунуть в окошко голову. — Что ж вы там стоите? Проходите сюда! — и тут же бросила остальным, уже резко и раздраженно: — Он занимал!

Берендеев сложил в карман новенькие хрустящие червонцы, распасался в ведомости и отошел. Вострецов проводил его долгим придирчивым взглядом...

...Да, летчики уехали, жалованье выдали, и можно было без помех заняться подчиненным.

— Садитесь, Берендеев.
Лейтенант достал личное дело прапорщика. Затягивая паузу, перелистал его.

Берендеев сидел прямо, равнодушно глядя перед собой.

Беседа была официальной, и лейтенант обращался на "вы".
— Савелий Прохорович, учтя вашу выслугу и опыт, командование приняло решение перевести вас на вышестоящую должность, чтобы дать вам возможность получить перед увольнением в запас... — тут Вострецов сделал торжественную паузу, — звание старшего прапорщика. Это должность заведующего баней в соседнем гарнизоне.

Берендеев вздрогнул:

— Я не согласен.

Потом он потерял лицо и понес очевидный бред. Про двадцать четыре года и одиннадцать месяцев в авиации. Про призвание к обслуживанию тренажеров и даже про желание дослужиться именно с таким замечательным начальником, как лейтенант Вострецов.

Аркадий растерялся. Слова прапорщика его попросту ошарашили. Он даже отнес их к силе своего педагогического таланта.

— Ладно, Берендеев, — наконец перебил его он, — идите. Будем думать.

Хотя чего думать?! Надо же. Прапорщик Берендеев, кремень и скала, отказывается от повышения и очередного звания, чтобы служить именно с ним, лейтенантом Вострецовым. Значит, не зря он старался на политазанятиях, боевой учебе, в личных беседах. Даже такого, как Берендеев, пронять удалось!

Он бы еще поразмышлял о своем педагогическом таланте, но в дверь постучали. На пороге стоял запыхавшийся прапорщик.

— Разрешите, товарищ лейтенант?

— Заходи, заходи Савелий Прохорович! — подобрел Вострецов.

Тот боком протиснулся в кабинет и положил на стол пакет. Сквозь целлофан просвечивала синяя фирменная джинсовая рубашка.

— Это что, взятка?! — деловито поинтересовался Вострецов, не отводя взгляда от рубашки.

— Нет, — подумав, ответил Берендеев, — так, в военторге дали.

— Что-то в нашем военторге такого раньше не было, — усомнился Вострецов. — Как и джинсов американских.

— Чего уж там, — вздохнул Берендеев, — берите.

— Ладно! — все еще не решаясь прямо на глазах у прапорщика взять подарок, махнул рукой лейтенант. — Ладно, Берендеев. Служите. Пока...

Жизнь все расставила по своим местам.

И снова пошли дни, похожие, как близнецы. Стояло лето — противное время в Казахстане, хуже его была только зима.

Прошел месяц. Вострецов слегка оброс и снова стал каждый день ходить в парикмахерскую: вздыхать и ровняться с одеколоном. Он еще не подозревал, что готовит ему Берендеев.

Удар был нанесен в субботний день. Накануне прапорщик выпросил отгул и на попутном грузовике уехал в Алма-Ату. Под вечер вернулся грузовик, но прапорщика в нем не было. Он появился только утром в субботу, и его появление произвело в маленьком гарнизоне фурор.

Вострецов брился, когда к нему в комнату вбежал сослуживец:

— Там твой Берендеев!..

— Что Берендеев? — не понял Аркадий.

— Из города на машине прикатил!

— Жаль, не на верблюде, — съязвил Вострецов.

— Да нет, — сослуживец был явно поражен. — Он на своей машине прикатил.

Вострецов, не добрившись, стер пену, натянул джинсовую рубашку и пошел к штабу смотреть.

У штаба стояла новенькая сверкающая машина, словно из другого мира, "Жигули" ВАЗ-2106, еще не виданная здесь, с кликами на хромированном бампере. Бежевого цвета сидан с красными кожаными сиденьями и синей прозрачной полосой по верху лобового стекла с надписью "AVTOEXPORT", стоившая, как говорили собравшиеся здесь же знатоки, на сто рублей дороже "Волги".

Среди "козлов-уазиков" и пропыленной "Волги" командира части "жигуль" смотрелся, как арабский скакун среди колхозного табуна.

— Девять тысяч, девять тысяч сто, — шелестело по толпе.

"Девять тысяч сто", — обескураженно думал лейтенант, разглядывая машину, и ему почему-то вспомнилось, как он летал через всю страну в Ленинград за джинсами на сто рублей дешевле. Воспоминания о джинсах не радовали. "Девять тысяч, — снова повторил он. — И еще сто рублей. Но это же невозможно!"

Цифра была нереальной, из разряда "четыре года не есть, не пить".

С этого дня Вострецов стал за прапорщиком следить.

Берендеев шел в столовую, лейтенант пристраивался следом. Прапорщик кушал свое мясо, Вострецов за соседним столиком хлебал пустой суп. Потом Савелий отправлялся к тренажерам, и Вострецов за день находил повод раза три заглянуть в его кабинет.

Он даже пробовал по вечерам из здания напротив заглядывать через окно в комнату Берендеева. Вдруг подлый прапорщик там деньги печатает. Ему уже донесли, что в Алма-Ате прапорщик в автомагazine расплатился толстенными пачками сиреневых двадцатипятирублевко, перевязанных суровой ниткой.

Но прапор денег не печатал. Или печатал их в другое время. Вечером же он или смотрел телевизор, или ел что-то из консервной банки, или лежал, глядя в потолок.

— И украсть-то ему нечего! — все недоумевал Вострецов, сжимая в руках армейский бинокль.

Вознагражден он был лишь на третий день. После обеда, когда Берендеев у столовой задумчиво ковырял спичкой в зубах, к нему подошла Лена, та самая Лена из парикмахерской гарнизона.

Стоящий в стороне лейтенант замесался, потом резво обошел столовую и встал за углом, уловив конец разговора.

— ...Эх, Лена, знаешь ведь, летчики эти до добра не доведут, — добродушно басил прапорщик.

— Ой! Савелий Прохорович! Вы прямо, как замполит, говорите.

— Да мне-то что, приходи сегодня ко мне часов в шесть, только смотри, чтобы шибздика этого не было, а то уже дня три вокруг трется.

Вострецов замер. "Ко мне" — это или в общежитие или в кабинет тренажеров. Скорее, в кабинет, в шесть Берендеев как раз заканчивал служебный день. И что Лене от него надо? При чем тут летчики? И кто такой "шибздик"?

"А шибздик — это, верно, я", — неожиданно догадался он.

В половине шестого Вострецов набрал номер Берендеева.

— Зайди-ка ко мне! — бросил он прапорщику и повесил трубку.

Затем выскочил из кабинета и промчался к туалету. Он стоял, держа ручку двери, и напряженно вслушивался. Через пару минут мимо по коридору пробухали тяжелые шаги Берендеева.

Аркадий выждал и, выскользнув из туалета, потрусил в кабинет авиационных тренажеров. Сначала он попытался залезть под кабину самолета, затем спрятаться за стойкой шасси и наконец успокоился в углу за макетом двигателя. Сквозь лопасти турбин было отлично видно все, что делалось в кабинете.

Берендеев вернулся минут через двадцать. Он что-то недовольно бормотал себе под нос. Аркадий расслышал только слово "мудак". Затем прапорщик полез в сейф, достал темную поллитровую бутылку из-под лимонада, чистую белую тряпку и маленький похожий на стаканчик колпачок от какого-то прибора.

Со всем этим добром Берендеев подошел к кабине самолета и замер в нерешительности. Сначала он стаканчик отставил в сторону. Постоял, подумал, отложил тряпку и быстрым резким движением взял стаканчик. Булькнула бутылка. Прапорщик поднял стаканчик и, больше не размышляя, выпил. Постояв секунду, он шумно выдохнул на прибор в кабине и стал яростно тереть его тряпкой. И только после этого закусил, достав из кармана рыжий *сухарь*.

Вострецов в своей засаде невольно сглотнул.

Ровно в шесть в дверь постучали, и зашла Лена. Она, улыбаясь и на ходу снимая кофту, уверенно пошла к Берендееву.

— Подожди, — сказал прапорщик. — Дверь запру.

Вострецов замер в своем углу, сжав кулаки. "Гадина! Гадина!" — беззвучно шептал он.

А Берендеев запер дверь и подошел к Лене, которая уже устраивалась в кресле учебной катапульты. Прапорщик придирчиво все осмотрел, проверил застегнутые ремни и отошел к большой красной кнопке у пульта.

— Ну, с Богом! — сказал он и нажал кнопку.

Раздался взрыв. Кресло катапульты рвануло по направляющим рельсам вверх, замерло под высоким потолком и медленно опустилось назад.

Берендеев расстегнул ремни, помог Лене подняться. Ее слегка шатало. Из кармана она достала деньги и передала прапорщику.

"Двадцать пять рублей", — автоматически отметил Вострецов.

Лена уже ушла. Берендеев достал из стола записную книжку и, сделав какую-то пометку, снова спрятал ее в ящик, заперев его на ключ.

Потом он выключил свет и ушел.

Вострецов сидел в темноте и ничего не понимал. "Может, это спорт? — думал он. — Типа, как на парашюте?.. Двадцать пять рублей. Бред какой-то".

Наконец он встал, зажег свет и сел за стол Берендеева. Лейтенант подергал ящик стола, затем лезвием перочинного ножа отжал язычок замка и достал записную книжку.

Когда-то кожаная, а теперь донельзя вытертая и засаленная, она была вся исписана аккуратным мелким почерком.

"Июль — Света 25, Оля 25, тёт. из друг. гарниз. 25." Он пролистал дальше, Света была и в другом месяце, а какая-то Женя умудрилась за год заработать и вовсе 150 то ли очков, то ли непонятно чего еще. А вот и последняя запись: "Лена-парикмах. 25" и рядом сегодняшнее число.

Записи были и за прошлые месяцы и годы.

И тут его осенило. Все эти Светы, Иры, Эльвиры и даже "тёт. из друг. гарниз." как-то сами перемножились на двадцатипятирублевки, и вышло ровно 9100. Даже больше с учетом дней, прошедших после покупки машины.

Вострецов пошел к двери. Она была заперта.

— Еще и лучше, — пробормотал он, снимая трубку телефона.

— Коммутатор? Дайте общежитие, комнату Берендеева.

— Савелия Прохоровича? — уточнила невидимая телефонистка.

— Да-да! Этой сволочи! — сорвавшись, закричал лейтенант. — И сами ему скажите, пусть на рабочее место явится, кабинет откроет.

Берендеев появился неожиданно быстро. Слышно было, как он срывает печат, потом ворочает ключом в замке.

— Вызывали, товарищ лейтенант? — спросил он, нисколько не удивившись тому, что начальник каким-то образом оказался в запертом и опечатанном кабинете.

— Вызывал. — Вострецов бросил на стол записную книжку. — Что это такое? Потрудитесь объяснить.

— Это? — Прапорщик думал недолго. — Личная вещь. В запертом столе лежала. Спасибо, что нашли.

И он протянул за ней руку, но Вострецов проворно схватил книжку и спрятал в карман.

— Вы, Берендеев, из себя простачка не стройте! Потрудитесь объяснить, пока я эту книжку не передал куда следует.

— Что тут объяснять? — пожал плечами прапорщик.

— Вот это: "Люся 25, Лариса 25".

— Ну, это женщины...

— Неужели? А что двадцать пять — двадцать пять?

Прапорщик задумался.

— А это сколько раз я с ними, того...

— Прямо гигант! — воскрился Вострецов. — Не зря все тетки только по имени-отчеству зовут. Смотрите: "Люся за год — 150". И даже тетка из другого гарнизона двадцать пять. Нет, супергигант!

Лейтенант встал, прошелся, подошел к катапульти, уселся в кресло.

— Ну а вот это устройство при чем?

Прапорщик тяжело, угрюмо молчал, потом выдал:

— Я помогал. Они сами хотели. Гинеколога-то у нас все равно нет.

— Причем тут гинеколог? Объясните мне, почему вам женщины по двадцать пять рублей за прыжок отстегивают? Ведь это же казенная техника, вверенная материальная часть, и спирт казенный, что для протирки, вы выпили...

Он бы еще продолжал и говорил долго, но замолчал, наткнувшись на взгляд Берендеева. Тот смотрел на лейтенанта, как на несмышленыша.

— Отдай книжку! — спокойно сказал он.

— А то что? И как вы обращаетесь к старшему по званию?

Берендеев неожиданно зевнул, посмотрел на часы.

— Все, — сказал прапорщик. — Девятнадцать часов пять минут.

— Что — девятнадцать часов пять минут? — не поняв, переспросил Вострецов.

— Родился я в девятнадцать часов пять минут. Сегодня.

— С днем рождения! — язвительно заметил Вострецов. — Вот завтра на плацу и отметим.

— Ага. Щаз, — отрубил Берендеев. — Мне сорок пять лет, я на пенсию ухожу.

— В тюрьму ты уйдешь! — неожиданно визгливо закричал Вострецов. — За незаконную коммерческую деятельность! За осквернение чести прапорщика, военнослужащего и... — он не мог подобрать слова, — ...и советских женщин! — наконец закончил он.

— Да пошел ты, — с ленцой сказал Берендеев.

— Мал-чать! Я... — закончить Вострецов не успел.

Толстый прокуренный ноготь прапорщика надавил на красную кнопку с надписью "Пуск". Отлушительно сработал пиропатрон. Кресло с лейтенантом рвануло по рельсам вверх. На верхней точке оно, как и положено, остановилось, а не пристегнутый ремнями лейтенант полетел дальше, пока со странным гулким звуком не впечатался головой в потолок. Казалось, вниз он падал медленнее, чем взлетал, но успел догнать кресло, приземлился в нем и медленно сполз на пол.

На вывалившуюся из его кармана книжку прапорщик наступил тяжелым юфтевым сапогом...

Прошла неделя, за которую в гарнизоне перебивало множество комиссий. Люкс в гостинице летчиков занял генерал.

Прибывший с комиссией инженер долго объяснял генералу техническую сторону дела:

— Перегрузка меряется в "ж", точнее в их количестве. Три "ж" безопасно. Пять "ж", как на катапульти, — перегрузки вызывают изменения в организме, головокружения, прерывание беременности, тошноту. Девять вообще предельно...

— Да ты мне со своими "ж"?! — сердился генерал. — Ты мне ясно скажи: делал он аборты или не делал, а если делал, то как?

— Вот я и говорю пять "ж" на учебной катапульти...

— Ж, жо, жопа, — ругался генерал. — Делал или нет?!

— Делал, — вздохнул инженер, — но не сам, а посредством вверенного ему имущества — катапульти.

Авторитетная комиссия во главе с начальником политотдела дивизии скрупулезно изучала катапульти: каждый осторожно садился в кресло, а самые храбрые даже подпрыгивали. Потом была еще одна комиссия, и наконец третья, где полковники были еще толще и важнее.

— Может, замнем? — и начпо показал генералу раздавленную сапогом книжку. — Или будем докладывать?

— Да ты что?! — вскипел генерал. — Мне в Москву докладывать, что у меня в гарнизоне прапорщик абортарий открыл?! И три года подпольные аборты делал?! Да еще лейтенанта в этом абортарии чуть не уделал?! Где он?

— В больнице. Сотрясение мозга.

— Да не лейтенант этот... недоделанный. Прапор где?

— На гауптвахте, женщины передачи носят.

Генерал тяжело задумался и наконец сказал веско, как приговор вынес:

— Уволить мерзавца, и дело с концом!

— И грамоту дембельскую почетную ему не давать, — до- бавил начпо.

Штабные поколдовали и составили акт, где все было правдой или почти правдой. И что лейтенант Вострецов сам сел в катапульти, а прапорщик Берендеев случайно оперся на пулть и нажал кнопку, запустив агрегат. Короче, глупость, халатность и нарушение техники безопасности. Виноваты оба. Берендеев — в том, что нажал, а Вострецов — поскольку плохо воспитывал вверенный ему личный состав. За что Берендеева уволить в запас, как мерзавца, имеющего право на пенсию.

Такое вот эпохальное событие произошло в нашем гарнизоне с прапорщиком Берендеевым. О нем долго помнили и забыли только перед двадцать третьим февраля, когда на клуббу у штаба решили установить списанную ракету. Ее выменяли у зенитчиков в ракетной части на тридцать литров спирта. Ракетчики так обрадовались, что при списании ракету толком не осмотрели, и у той оказался заправленный пороховым зарядом двигатель.

Наклоненную ракету крепили к железному штырю, от сварки что-то там случилось. Двигатель запустился, и ракета улетела.

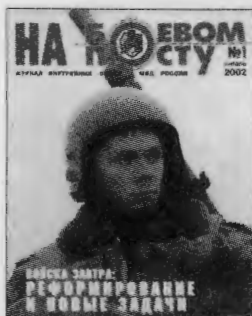
Покорив степь, подчиняясь неведомой магической силе, она долетела до соседнего гарнизона, куда как раз приехали какие-то начальники из Москвы проверять партийно-политическую работу.

С этого момента о Берендееве уже не вспоминали и говорили больше о ЧП с ракетой.

Были и побочные эффекты: в гарнизоне резко возросла рождаемость, пришлось даже открыть детский сад.

Вострецов наконец вышел из госпиталя и еще долго бухтел, грозясь написать куда-то всю правду, и успокоился, только когда получил на погоны третью звездочку старшего лейтенанта.

Саму катапульти сняли и перевезли в другой гарнизон, поближе к аэродрому. Наверное, отдали в заведование другому прапорщику...

Указатель основных материалов, опубликованных в 2002 году

ОФИЦИАЛЬНО

БЫСЕНКОВ И. Учения по боевому сценарию	1
Больше реальных результатов!	4
Войска завтра: реформирование и новые задачи	1
КИСЛЫЙ Ю. Держать руку на пульсе времени	6
Уничтожать бандитов и восстанавливать мирную жизнь	2
Реформа продолжается. Требования растут	7
Результат сам не приходит. На него надо работать!	11
СПИРЯКОВ А. Мы воюющие войска воюющего министерства	10

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

БЫСЕНКОВ И. "Жизнь требует моторности"	8
Генерал-полковник М. Лабунец	11
РОГОЖКИН Н. Мыслить самостоятельно и творчески	3

АКТУАЛЬНО

ЕРМОЛОВА Г. Знать и любить историю	3
МАКАРОВ А. Недоброжелателей у России меньше не становится	12

СПЕЦОПЕРАЦИИ

КУДРЯШОВ А. Пахари войны	6
--------------------------------	---

В ЗОНЕ ОСОБОГО ВНИМАНИЯ

АЛЕКСЕЕВ К. Фронт без флангов	9
ДЕГТЯРЕВА И. Тайные тропы	3
ДУРКАЧ Р. Командировка на войну	12
КОЗЛОВ Д. Чертов перекресток	1
КОЗЛОВ Д. Маршрут был неизвестен	2
КОЗЛОВ Д. Псы войны	3
КОЗЛОВ Д. Дорога ценою в жизнь	11
КОНСТАНТИНОВ А. Разведдозор	11
МАКАРОВ А. Между жизнью и смертью	6
РОМАНОВ И. 856 метров над уровнем моря	8
РОМАНЕНКО И. Дед Мороз для спецназа	12
СОЛОВЬЕВА Ю. Последний поход Т-34	11

ПРОФЕССИОНАЛЫ

ДЕГТЯРЕВА И. Плечом к плечу	10
ДУРКАЧ Р. Небесное такси	11
КИСЛЫЙ Ю. Знак качества отдельного рембата	7
КОЗЛОВ Д. Реаниматоры	11
МАКАРОВ А. Слухач	2

ПАМЯТЬ

ИЛЮЩЕНКО Р. Они сражались за Родину	5
ИЛЮЩЕНКО Р. И тогда настанет завтра	8
КАЗАКОВ Н. "Они ушли в вечность, в гранит..."	12
КОЗЛОВ Д. Памяти военного журналиста... ..	2

КИСЛЫЙ Ю. По законам боевого братства	6
КОНЯЕВ А., КОЛЕСНИКОВ С. Дружья от нас уходят без оглядки... ..	11
Назовем поименно	6

ТРЕТИЙ ТОСТ

Памяти боевых товарищей	3
-------------------------------	---

МУЖЕСТВО

АРИБЖАНОВ Р. Сильный духом	12
ДЕГТЯРЕВА И. "Не спешите нас хоронить..."	1
ДУРКАЧ Р. Подарок ценою в жизнь	2
ДУРКАЧ Р. Третий — не лишний	10
ЕЛМАНОВ В. Маресьев из спецназа	11
ИЛЬИН Р. Русский характер	8
ЛЕБЕДЕВ А. Кавказские дороги "росичей"	4

ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ

КАРПОВ Б., ЛЕБЕДЕВ А. Генерал переднего края	9
--	---

ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ ПАМЯТИ

КОЗЛОВ Д. Тяжелый крест	11
-------------------------------	----

ЮБИЛЕЙ

БОЛТИКОВ В. Полвека на охране объектов государственной важности	2
ВИННИК В. "Бригада еще не раз покажет себя..."	8
ИЛЮЩЕНКО Р. ЦИТО — 35 лет	1
КИРИЛЕНКО А. Газета — спутница солдата... ..	2
НИЖЕГОРОДСКИЙ И. В Грозном, на Минутке	8
СОФРОНОВ И. Украшение любого торжества	2
СОФРОНОВ И. Бригада горячих точек	8

ХАРАКТЕР

КОЗЛОВ Д. Повесть о настоящем капитане	4
--	---

ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

АРИБЖАНОВ Р. Возродить былую славу	7
КОРНЕЕВ С. Погоны для профи	4

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

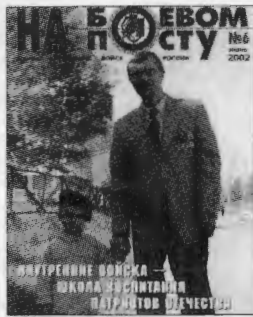
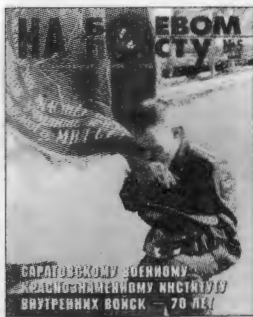
ТОНКОНОГОВ А. В прицеле — души	1
--------------------------------------	---

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ

КОНДРА В. Настоящие патриоты из "Патриота-С"	6
--	---

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА

ВЕТРОВ О. Жилье для отставников — реальность	3
МАКАРОВ А. Пасынки атома	7
Сертификат стал весомее	5

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

ВЛАДИМИРОВ А. "Лучше бы ты умер!..."	1
ВЛАДИМИРОВ А. Дисбат	2
ИЛЮЩЕНКО Р. "Я был в дисбате...", или Долгая дорога к дому	11
ПОСТНИКОВА Е. Предатели	4

АЛЬМА-МАТЕР

АЛЕКСЕЕВ К. Офицерами не рождаются. Ими становятся даже за полгода учебы

СЛУЖБА

АРИБЖАНОВ Р. Во имя спокойствия столицы	9
ДЕНИСОВ И. Точно в цель	1
ДЕНИСОВ И. Корабли конвоя	7
ИЛЮЩЕНКО Р. Там, где рано начинается зима	4
КАЗАКОВ Н. "Во глубине сибирских руд"	11
МАКАРОВ А. Наташа из Гудермеса	3
СОЛОВЬЕВА Ю. Принципы полковника Боронило	2

БОЕВАЯ УЧЕБА

БЫСЕНКОВ И. Чтобы побеждать	5
БЫСЕНКОВ И. Война спросит строго	10
БЫСЕНКОВ И. Артиллерист — и "дуэлянт", и "кулинар"	11
БЫСЕНКОВ И. Спецоперация на "Выстреле"	12

БОЕВОЙ ОПЫТ

КИСЛЫЙ Ю. Спецназ, который вернется...	4
--	---

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

БЫЛОВ В. "Патриотизм — это честное выполнение долга перед страной"	1
МАРКИН Р. Негромкая правда	2
ПАНЧЕНКОВ В. Общественное признание солдат правопорядка	2

ОСН "ВИТЯЗЬ" 25 ЛЕТ

АРИБЖАНОВ Р. Элита в квадрате	12
ДУРКАЧ Р. Так рождалась уникальная рота	12
Капкан на банду Басаева	12
КИСЛЫЙ Ю. "Уходим все, или не уходит никто!"	12
КУДРЯШОВ А. Погиб, спасая жизнь другим	12
КУДРЯШОВ А. Этот день они не забудут никогда	12
Святыня спецназа	12
Традиции, боевое братство	12

ДАТА

БУБЕНЧИКОВ Ф. Боевая служба — наша главная задача
10

ЕСТЬ ПРОБЛЕМА

АРИБЖАНОВ Р. Солдат один, министерства — разные?	11
Иван Бровкин: пятьдесят лет спустя	11

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

Знамя — знак воинского достоинства и славы солдат правопорядка

Традициям — верны

ЗНАЙ НАШИХ!

КАРБЫШЕВ С., КИСЛЫЙ Ю. Ромка — анτισнайпер	6
КИСЛЫЙ Ю. Двое за Терекон, или О русском солдате похвальное слово	1
КИСЛЫЙ Ю. Огурцы от маршала Соколова	10
КОЗЛОВ Д. Крайняя мина	7

ИМЯ В ИСТОРИИ МВД

Гений сыска Иван Путилин	9
--------------------------	---

ИМЯ В ИСТОРИИ ВОЙСК

КАРПОВ Б. Краповый берет генерала Шаталина	2,3
КУЛИКОВ А. Тяжелые звезды	4,6,7,8,10

ИЗ КАВКАЗСКОГО БЛОКНОТА

КАРАПЕТАН Р. Долгая дорога в Грозный	4
--------------------------------------	---

КАВКАЗСКИЙ ДНЕВНИК

БЕЛЯКОВ Д. Там, где нет войны, или Война, которой нет

КОЛЛЕГИ

МАКАРОВ А. СОБРов много, такой — один	9
Содружество профессионалов	7

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

КРИВЕЦ В. Навеки вместе	7
-------------------------	---

ЛИДЕРЫ

КОРНЕЕВ С. Удержаться на пьедестале	7
-------------------------------------	---

МУЗЕЙ

КОЗЛОВ Д. Свидетели эпохи	9
---------------------------	---

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

ДЕГТЯРЕВА И. Разные судьбы	11
МАКАРОВ А. Работа для полковника	11

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

МИХАЙЛОВСКИЙ А. Джихад — это война или очищение?
1

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

НОВАК Н. "Главное — дело, которому ты служишь..."

ОФИЦЕРСКАЯ ТРИБУНА

ИЛЮЩЕНКО Р. Почему еще служит полковник?	8
ИЛЮЩЕНКО Р. Десять "почему?" подполковника Ярового	12

ПАТРИОТИЗМ

НЕДЕЛИН А. Программа есть. Будут ли патриоты?	6
---	---

ПОЗДРАВЛЯЕМ

СЕРГЕЕВ И. Боевые традиции связистов	5
--------------------------------------	---

ПО АЗИМУТУ РЕФОРМ

МАКАРОВ А. Карьера, слава и квартира9

ПРИОРИТЕТЫ

На страже закона9

РЕАБИЛИТАЦИЯ

ПОСТНИКОВА Е. Конференция в Рузе7

РЕЗОНАНС

ДЕНИСОВ И. Эпизод II. Оби ван Хаттаб атакует (Новый суперблокбастер)7

СМЕНА

ДЕНИСОВ И. Ковер для подростков3

СПОРТ

КУДРЯШОВ А. Чемпион мира — “краповик”2

САРАТОВСКОМУ ВОЕННОМУ КРАСНОЗНАМЕННОМУ ИНСТИТУТУ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ — 70 ЛЕТ

АРИБЖАНОВ Р. Реформа высшей школы: пора менять подходы5
ВОРОНОВ М. В ногу со временем5
ДУРКАЧ Р. Валеркина эпопея5
ДУРКАЧ Р. Исторический очерк5
МАРКИН Р. Офицер и в запасе остается офицером!5
СУРНОВА Т. Душа военного института5
ЭДОКОВ А. Анатолий Романов: 15 лет в Саратовском училище5

ТРАДИЦИИ

УРУСОВ Р. От парада к параду5
ШТУТМАН С. Герои остаются с нами3

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

БЫСЕНКОВ И. Аэродром для семьи летчика6
ВЕТРОВ Е. Чего ждать от сертификата?11
ИЛЮЩЕНКО Р. Мирные будни ратной бригады11
МАКАРОВ А. Советы юриста владельцам ГЖС12
Шесть шагов к собственной квартире10

ФРОНТОВЫЕ ЗАРИСОВКИ

ДЕНИСОВ И. Русская “Буренка” над Голливудом4

ЧЕРЕЗ ДВЕ ВОЙНЫ

БОЛТИКОВ В. Десять лет на острие ножа10

ИЗ ЧЕЧЕНСКОГО БЛОКНОТА

“Урда акбар”7

ЭХО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

ЖУРАВЛЕВ В. Подвиг, равный боевому7

К 200-летию МВД России

БОРИСОВ А. Министерство внутренних дел: страницы истории2,3,4,5

МАЛЫГИН А., МУЛУКАЕВ Р. Министерство внутренних дел: страницы истории6,8
МУЛУКАЕВ Р., ЯКОВЛЕВА Е. Министерство внутренних дел: страницы истории7
МУЛУКАЕВ Р., БОРИСОВ А. Министерство внутренних дел: страницы истории9

ВЕРА

ИЛЮЩЕНКО Р. “Отцы” и “деды”3

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

КАЗАКОВ Н. Пауэрлифтинг — это спорт сильных1

КНИЖНАЯ ПОЛКА

“Стресс войны”. Новое историческое исследование ...4
ИЛЮЩЕНКО Р. Братцы12

ЛИТЕРАТУРА

АЛЕКСЕЕВ А. Дом на перекрестке (рассказ)7
АЛЕБАСТРОВ И. Ошибка графа Рощина11
АНДРЕЙЧУК М. “Стреляем мы. Стреляют в нас...” (стихи) 11
БАРАНОВ В. Заколдованный круг (рассказ)8
БЕРЕЗОВСКИЙ Н. Хорошо, что дальше жить...7
БОРИСОВ М. Ничего, что время оттремело (стихи)5
ГОРБАНЬ В. Терпи, брат, терпи... (рассказы)1
ДЕГТЯРЕВА И. Три рассказа6
ДУРНЕВ Ю. Дважды воскресший (рассказ-быль)5
ДЫШЕВ А. Медная роза (повесть)4
ДЬЯКОВ В. Два рассказа5
ЗАХАРОВА М. Каждой ночью мне снится война... (стихи)1
КАЗАКОВ Н. Мотив для убийства (повесть)2,3
КАРЕВ А. Долистывая книгу декабря (стихи)12
КОНОВАЛОВ С. Рассказы6
КОВАЛЕВСКИЙ В. Милицейские байки (рассказы) .8
КОЗЛОВ И. След золотого коня (повесть)9,10
КОСТЕНЕВСКИЙ А. Пока есть память... (стихи)10
Лишь на время умолкли орудия где-то... (стихи)6
МАКАРОВ А. Письмо с фронта (фельетон)1
МАКАРОВ А. Два рассказа12
РАЗУМОВСКИЙ Ю. Мы шли — мальчишки — по войне (стихи)2
РОМАНЕНКОВА Л., ИГНАТЬЕВА М. О любви, и опять о любви... (стихи)3
СЛОБОДЯНИУК В. О чем вы, березы, шумите... (стихи)8
СУХАРЕВ М. “Для Чечни я сделал все, что мог...” (стихи)4
ФЕДОРОВ А. Хожу в шинели с юношеских лет... (стихи)9
ЧЕРНЫХ И. Директриса (рассказ)7

САТИРА И ЮМОР

МАКАРОВ А., ПОСТНИКОВА Е. Елка для командира (рассказ)1
Сапоги всмятку3,9,11
ШЕЙКИН С. Спросить бы добрую цыганку...1

КАЛЕЙДОСКОП

Кроссворд2,4,6,8,9,10,11

КЛУБ ЗНАКОМСТВ

Возможна встреча1,3,5,7,10,12

Привет, друзья клуба "Возможна встреча"!

Особое слово сегодня к самым молодым нашим читателям — солдатам первого года службы. Мы понимаем, как сейчас вам трудно, ребята, вдали от дома, друзей, любимых...

И хотим, чтобы вы сразу обратили внимание на наш (то есть на ваш!) клуб "Возможна встреча". Родители, конечно, писать будут (сами-то не забывают послать весточку домой!), друзья, если они настоящие, обязательно поддержат вас (а если нет, то, значит, не настоящие они были). А вот с любимыми... Ну, парни, сами понимаете: если ее на гражданке не было, то у вас еще все впереди, и если та единственная, которую ждет сердце, вдруг объявится (может, и с помощью нашего клуба), то пусть она увидит настоящего мужчину, закаленного службой Отечества, сильного, мужественного и верного.

А если была и "ждать обещала вечно, но...", "не успел я уйти в армию, как..." Если это "но" случилось, то... Ну что тут посоветуешь, каждый мужчина горе должен пережить мужественно. А иногда и с юмором! Оглянись, парень, ты разве один такой? Пришлось как-то беседовать на такие темы с одним человеком. Сначала, когда девушка написала, что ждать не будет, он переживал, виня себя, ее, весь белый свет и не зная, как жить дальше. А потом разговорился как-то с новыми, уже армейскими своими друзьями и выяснил, что половина его родного взвода тоже ходит в "покинутых". И стало легче: "не я один".

Скажу, парни, другое: еще не известно, кому повезло от того, что вы расстались. Потому как если разлюбила, "значит, надо понимать, вовсе не любила". И уж лучше это выяснить раньше. И, естественное дело, обратиться в наш клуб. Девиз у нашей рубрики многообещающий: "Встреча возможна!"

Только подписаться на журнал не забудьте, наш индекс — 70610.

0840 — Л.Л. Я совсем не идеал, как пишут о себе многие люди. Себя вообще трудно оценить. Просто хочется поговорить по душам даже и с незнакомым человеком. Кто знает, может, потом переписка перерастет в дружбу... Напишите мне — отвечу и расскажу о себе подробнее. Мне 18 лет.

Леночка.

0842 — С.В. Живу в Санкт-Петербурге, там и служу срочную. Мне 19 лет (рост 170), брюнет с карими глазами, мой знак Зодиака Телец. Люблю играть на гитаре, петь песни. По жизни я веселый, общительный и ласковый человек. Люблю спорт и веселые компании. Надеюсь познакомиться с хорошей и симпатичной девушкой.

Сергей.

0843 — А.Б. Мне 21 год, по характеру добрый, отзывчивый человек, занимаюсь спортом, имею первый юношеский разряд по рукопашному бою, не курю. Люблю хорошую музыку и вечера при свечах. Мой знак Зодиака Весы. Будет здорово, если мне напишет девушка 16 — 20 лет, но обязательно супермодель, но с хорошим характером.

Андрей.

0844 — Ж.Ж. С радостью буду переписываться с симпатичной девушкой из Алтайского края или близлежащих регионов. Мне 20 лет (рост 165), волосы русые, глаза карие, по характеру спокойный, уравновешенный человек, спортсмен (борьба, тоеборье).

Женя.

0845 — О.Ф. Мне 19 лет (рост 175), учусь, немного занимаюсь спортом, легко могу найти общий язык с незнакомыми людьми, потому что моя будущая специальность — коммерсант. Хотелось бы познакомиться с порядочным молодым человеком, который живет и служит в Новосибирске, желательно с молодым офицером или курсантом, но отвечу всем.

Оксана.

0846 — И.М. Пока служу в армии, решил познакомиться хотя бы по переписке с милой девушкой, которая любит музыку, дискотеки, прогулки при луне. Мне 20 лет (рост 190), по гороскопу Водолей, по характеру веселый, добрый человек. Надеюсь встретить добрую, веселую, ласковую подружку. Служу в Московской области, в Солнечногорском районе, осталось полгода до увольнения.

Игорь.

0847 — А.А. Надеюсь познакомиться в нашем клубе с симпатичной, веселой и неглупой девушкой. Мне 19 лет (рост 184), волосы русые, глаза голубые, по гороскопу Рак, общительный, веселый и надежный человек. Сейчас служу пока, разведчик. Не курю, наркотики не употребляю, спиртное — не крепче джин-тоника. Вы мне только напишите, а уж за ответом дело не станет.

Антон.

0848 — А.М. Живу в Красноярском крае, а пока служу в Челябинской области и надеюсь познакомиться с хорошей и верной девушкой примерно моих лет. А мне 20 лет (рост 180), по гороскопу Телец. Человек я трудолюбивый, спокойный, люблю музыку, веселые компании, отдых на природе. Я, конечно, веселый, задорный парень, но женская поддержка так нужна в суровой армейской жизни...

Артем.

0849 — А.А. Привет всем! Мне 16 лет, симпатичная, веселая, общительная. Но хочется найти побольше друзей по переписке — люблю писать письма и отвечу всем. Живу я в Московской области.

Ангелина.

0850 — А.Б. Скучно в армии без прекрасных созданий. И хотя не знаю, что из моего обращения к вам получится, но... Познакомьте меня с хорошей, красивой девушкой! Мне 23 года (рост 188), знак Зодиака Водолей, брюнет с карими глазами. До армии учился в Северо-Осетинском университете на биологическом факультете, на третьем курсе поступил там же на юрфак заочно, сейчас на четвертом. Увлекаюсь спортом — вольной борьбой, автомобилями, астрологией. В будущем, после армии, хочу поступить в аспирантуру и открыть свое дело, которое будет связано с моим главным увлечением — фотографией. Друзей много, и старых и новых, если они настоящие. В людях ценю искренность, доброту и юмор (не черный, конечно). Хорошо бы мне удалось встретить девушку с такими же чертами характера.

Алан.

0851 — А.Т. Родился, вырос и вступил в жизнь в Новосибирске, там же и учусь сейчас на первом курсе военного института. Мне 18 лет (рост 187), глаза голубые, по гороскопу Скорпион (но меня не надо бояться — своих не трогаю). Занимаюсь спортом (борьбой — самбо, дзюдо) и кое-какими результатами уже добился. В людях ценю прямоту и честность и уважаю тех, кто всегда старается помочь близ-

ким. Сам я человек добрый и отзывчивый и не люблю, когда меня обманывают. Возможно, с помощью вашей рубрики найду себе подружку по переписке, а может, и на всю жизнь.

Артем.

0852 — В.О. Симпатичная девушка 20 лет, зеленоглазая брюнетка, высокого роста, познакомятся с серьезным молодым человеком, желательным молодым офицером или курсантом последних курсов военного института. Я живу в Тверской области и хорошо бы мой будущий знакомый был из этого региона.

Вера.

0853 — А.В. Учусь в военном институте на третьем курсе. Мне 20 лет (рост 182), по гороскопу Близнец, увлекаюсь спортом, люблю дискотеки, эстраду, книги. В людях ценю доброту, нежность, правдивость и, конечно, чувство юмора. Вот с такой девушкой и хочу познакомиться.

Андрей.

0854 — Д.Т. Мне 19 лет (рост 173), по гороскопу Телец, та характеру веселый, общительный. Люблю слушать музыку, сам неплохо играю на гитаре. Надеюсь познакомиться с симпатичной девушкой 17-23 лет.

Дмитрий.

0855 — А.З. Я курсант первого курса Новосибирского военного института и хотел бы с вашей помощью познакомиться с красивой, длинноволосой девушкой, которая стала бы для меня хорошей подружкой по переписке, а возможно, и не только. В людях ценю искренность, прямоту, ласку. Мне 18 лет (рост 170), волосы черные, глаза зеленые, по гороскопу Телец, симпатичный (наверное!). Люблю приколы, юмор, музыку, шумные компании, скучать не умею, но могу и посидеть в тишине. Отвечу всем, но желательно сразу ваше фото. Свое вышлю сразу же.

Анатолий.

0856 — Д.В. Мне 22 года (рост 171), шатен, глаза карие, по гороскопу Близнец, веселый, общительный, по отзывам друзей, душа компании. Служить мне еще долго, а любимой нет. На гражданке работал с компьютерами и здесь нахожусь в группе компьютерного обеспечения. Хотелось бы найти девушку, которая умеет ценить настоящую дружбу, которая поймет и сумеет поддержать в трудную минуту. Отвечу на каждое письмо.

Денис.

Правила переписки в клубе "ВВ"

1. Свои объявления и заявки на выборанные вами абоненты присылайте по адресу: 111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9-а, журнал "На боевом посту". Янковской А.К.
2. Военнослужащие, подающие объявления, должны сообщить свой домашний адрес и примерный срок увольнения в запас.
3. Если вы хотите, чтобы мы вам ответили, присылайте конверт с вашим обратным адресом, штампом "Письмо военнослужащего" или соответствующим количеством марок. На письма без конверта с вашим обратным адресом (и фамилией) клуб не отвечает.
4. Не присылайте нам фотографий и личных писем к абонентам. Мы личных писем не читаем и не пересылаем, а выслаем лишь адреса заинтересовавших вас абонентов.

Уходящий год — год 95-летия со дня рождения Бориса Петровича КОРНИЛОВА (1907-1938гг.) — выдающегося русского поэта. Его талант проявился ярко, едва восемнадцатилетний юноша, сын сельского учителя, перебрался из Семеновского уезда Нижегородской губернии в Ленинград. В двадцать один год издал первую поэтическую книгу "Молодость" и затем за семь последующих лет выпустил еще шесть сборников стихов и поэм. Его "Соловьиной", "Качкой на Каспийском море" зачитывалось не одно поколение любителей поэзии, а подлинная, громкая известность пришла к поэту в 1932 году, когда в кинофильме "Встречный" прозвучала песня Д. Шостаковича на его стихи ("Нас утро встречает прохладой..."). Однако судьба вскоре сделала крутой поворот. Подготовленная к печати в 1936 году книга избранного осталась в верстке: в октябре того же года Корнилов был исключен из Союза писателей, по нелепому обвинению арестован и вскоре казнен. Посмертно реабилитирован.

Спичка отгорела и погасла —
Мы не прикурили от нее,
А луна — сияющее масло —
Уходила тихо в бытие.
И тогда, протягивая руку,
Думая о бедном, о своем,
Полюбил я горькую разлуку,
Без которой мы не проживем.
Будем помнить грохот на вокзале,
Беспокойный
Тягостный вокзал,
Что сказали,
Что недосказали,
Потому что поезд побежал,
Все уедем в пропасть голубую,

Скажут будущие: молод был,
Девушку веселую, любую,
Как реку весеннюю, любил...
Унесет она
И укачает,
И у ней ни ярости, ни злора,
А впадая в океан, не чаает,
Что меня с собою унесла.
Вот и все.
Когда вы уезжали,
Я подумал,
Только не сказал,
О реке подумал,
О вокзале,
О земле, похожей на вокзал.

О Почетной грамоте Министерства внутренних дел Российской Федерации и благодарности министра (заместителей министра) внутренних дел Российской Федерации

В целях совершенствования форм поощрения личного состава Министерства внутренних дел Российской Федерации и принятия мер по поддержанию должного статуса и повышению престижа Почетной грамоты Министерства внутренних дел Российской Федерации и благодарности министра (заместителей министра) внутренних дел Российской Федерации —

ПРИКАЗЫВАЮ (приказ №555 от 11.06.2002):

1. Утвердить:

- 1.1. Положение о Почетной грамоте Министерства внутренних дел Российской Федерации (приложение № 1).
- 1.2. Положение о благодарности министра (заместителей министра) внутренних дел Российской Федерации (приложение № 2).
- 1.3. Образец бланка Почетной грамоты Министерства внутренних дел Российской Федерации (приложение № 3).
- 1.4. Образец бланка благодарности министра (заместителей министра) внутренних дел Российской Федерации (приложение № 4).

